

18+

Евгения Огнёва

Сумеречное королевство

Фэнтези • Любовная фантастика • Сказочное фэнтези

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Евгения Олеговна Огнёва

Сумеречное королевство

Бессмертие — лишь иллюзия. Даже боги живут лишь молитвами верующих. Но что, если вера иссякла? Восемь миров, восемь богов, неутолимая жажда власти и жизни. Все меняется в жизни Жанны, когда она попадает в чужой и враждебный Верес, где люди — существа третьего сорта, а дети бога, верийцы, вольны обращаться с ними, как им вздумается. Но Истинный из рода Гевальт не ожидал, что его протеже окажется не просто одной из тех, чья жизнь не стоит и медной монеты!

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1 Страшные сказки.....	0005
Глава 2 Советник и Король.....	0021
Глава 3 Князь Гевальт.....	0029
Глава 4 Рада.....	0049
Глава 5 Фьёлъ.....	0065
Глава 6 Лилит.....	0075
Глава 7 Визит Короля.....	0082
Глава 8 Ритуал.....	0093
Глава 9 Обитель Истинных.....	0104
Глава 10 Чужая.....	0126
Глава 11 Нити судьбы.....	0137
Глава 12 Узы крови.....	0148

Евгения Олеговна Огнёва
Сумеречное королевство

Глава 1

Страшные сказки

*«Там за окном -
Сказка с несчастливым концом.
Странная сказка»
В.Цой «Странная сказка»*

В поместье Стрейн готовились к важному событию, поэтому с самого утра дом превратился в кипящий жизнью улей.

Хозяйка дома, Луиза де Стрейн, быстрыми шагами пересекала комнаты, где с минуты на минуту должны были появиться гости. От ее пристального взгляда не ускользала ни одна деталь. Горничные снова и снова поправляли сервировку на столах, дочищали и без того блестящий паркет, стирали невидимую пыль с каминных полок.

Луиза в сотый раз придирчиво расправляла драпировку портьер на окнах бальной залы, хмурилась, переставляла с места на место вазу с цветами в кремовой гостиной, просила принести или унести то или иное блюдо.

Музыканты настраивали инструменты, в бальной зале царил какофония, хлопали двери за слугами, торопливо выполнявшими поручения графини. Вдруг обнаружилось, что в буфете недостаточно льда для игристого вина, а из города еще не привезли букеты для танцев.

Досадные, но такие важные мелочи требовали немедленного внимания. Чтобы ни одна высокопоставленная леди, ни один чопорный стареющий дворянчик не смогли позже сплетничать, укоризненно качать головами, намекать о таком недопустимом упущении, пусть даже оно не оказало никакого влияния на общую атмосферу праздника.

Красный как рак, разгоряченный повар, колдовал над кастрюлями, его помощники стучали ножами, солили, перчили и помешивали, подавали искусному мастеру все новые и новые ингредиенты, нахваливали его тонкий вкус и безупречную работу. Всюду что-то шипело, булькало, миллионы запахов смешались в единую симфонию. Весь этот кулинарный концерт сопровождался непрерывной бранью великого шефа, который не гнушался кинуть в нерасторопного поваренка ложку или луковицу.

Весь дом был заполнен сутолокой, шумом, громкими разговорами. Мелькали взволнованные лица, стучали каблучки горничных, топали сапоги лакеев. Сегодня графская чета обещала оплатить старания преданных слуг в двойном размере, было ради чего спешить и трудиться. Кроме того, в такие большие праздничные дни, слугам всегда доставался небольшой праздничный ужин, сдобренный вином и несколькими золотыми монетами.

В хозяйских комнатах тоже царил неразбериха: молоденькие служанки причесывали и укладывали волосы прекрасной половине семейства Стрейн, отглаживали платья, всюду валялись шпильки, булавки, баночки с таинственным содержимым, флакончики духов, — все то, что, по общему женскому мнению, должно сделать любую девушку красавицей.

Хозяйка дома, Луиза де Стрейн, мать двух дочерей, то и дело сводила свои тонкие брови, негромко что-то говорила экономке, и та незамедлительно приводила весь этот механизм в движение, отдавала распоряжения и покрикива-

ла на горничных.

Переполох был вызван совершеннолетием старшей дочери, Жанны Аделины де Стрейн. Девушке исполнялось 18, по меркам Свободного Королевства Оринберг, юная графиня входила в брачный возраст.

Вот почему спокойная и размеренная жизнь в графском доме превратилась в жуткую неразбериху: сегодня де Стрейн устраивали бал, на который были приглашены знатные и уважаемые семьи. Графиня Луиза намеревалась подобрать удачную партию для своей дочери.

Сама же виновница торжества, замученная бесконечными примерками, причесыванием, наставлениями матушки, мечтала лишь о том, чтобы ее оставили в покое.

К своим 18-ти годам Жанна заметно вытянулась, ее фигура приняла зрелые женственные формы, огромные фиолетовые глаза утратили детскую искру, она стала взрослой. Куклы и ленточки были заброшены в шкаф, их место сменили книги.

Ее жемчужные волосы, заплетенные в высокую прическу, локонами спадали на белую шею. Красное, точно запечённая кровь, платье подчеркивало высокую грудь и тонкую талию.

Именно такой ее увидели гости, когда, наконец, изматывающие приготовления были завершены, а чета де Стрейн начала встречать именитых друзей.

— Боже мой! Какая красавица! Август, ваша дочь прекрасна! — Восторженно нахваливали ее.

— Не может быть? Это ваша крошка-Жанна? Как быстро летит время! — Картинно вздыхала стареющая тетушка.

— Клянусь, ваша дочь разобьет не одно сердце! Мое уже разбито! — Доверительно подмигнул какой-то пышный барон, за что его тут же наградила укоризненным взглядом супруга.

Самой Жанне все это было немного непривычно, легкий румянец то и дело покрывал ее щеки, в голове давно перепутались все графы, маркизы, бароны, князья и виконты...

Она заскучала, устав раскланиваться с прибывающими дворянами. Мать легонько сжала руку девушки, ободряюще кивнула, и Жанна благодарно улыбнулась в ответ. Как же Луиза гордилась своей дочерью. И переживала едва ли не больше самой именинницы.

Жанна прилежно изображала роль хозяйки бала, в тайне мечтая поскорее присоединиться к смеющимся подругам, окунуться в их беззаботное и легкое общество, которое, впрочем, она все меньше и меньше понимала.

Кокетство и томные вздохи подруг детства казались нелепыми, но, чтобы не прослыть синим чулком, Жанна вторила этому общепринятому тону, стараясь не отставать от маленьких жеманниц.

Август де Стрейн не одобрял желания супруги поскорее выдать дочь замуж. В конце концов, и старший сын, Луи, еще не нашел себе подходящую партию. Перечить Луизе Август не смел: вся власть в доме безраздельно принадлежала супруге. Но как жаль ему было расставаться с дочерью.

Жанна была его любимицей. Отец ценил ее добрый и рассудительный ум, гордился ее открытым сердцем и жизнерадостным нравом, восхищался красотой. Как же быстро она выросла! Да, девочка порой проявляла излишнее упрямство и самоволие, но для него это была все та же крошка-Жанна: милая

и мечтательная.

Одна карета сменяла другую, распорядитель громко объявлял гостей, светская болтовня и музыка сменили дневные приготовления. Дом ожил зажжёнными свечами в канделябрах, разряженными дамами и галантными кавалерами всех возрастов. Пьянящий запах непринужденного веселья и вина заполнил гостиную, шелест юбок и легкие «па» послушно следовали танцам.

— Герцог Альберт Свейн. — Объявил распорядитель бала.

По гостиной прошел взволнованный шепот, дамы стали поправлять прически, кавалеры спешили выказать свое почтение брату короля, который вдруг решил посетить графское семейство.

Все помнили историю о том, как граф де Стрейн, заплутав в лесу во время охоты, был спасен людьми герцога. В благодарность, Август де Стрейн подарил герцогу трех своих лучших лошадей. Графские конюшни славились отменными скакунами королевства. Потом было несколько визитов вежливости в столице и вот, дорогой гость принял приглашение на совершеннолетие старшей де Стрейн.

— Ваше превосходительство. Какая честь для нас. — Склонилась в реверансе Луиза.

— Прошу вас, перестаньте. — Отмахнулся Свейн. — Было бы непростительно с моей стороны не поздравить лично вашу прелестную дочь с совершеннолетием.

Герцог, как человек, привыкший делать все на ходу, вечно спешащий, еще в парадной завладел красивой коробочкой, что бережно нес его паж.

Жанна, также склонившаяся в реверансе, не смела поднять глаз, как учила ее матушка.

— Графиня, — обратился к ней герцог, — примите мои поздравления и мой скромный подарок.

Девушка робко посмотрела на гостя.

Герцог Свейн был красив, но вся его внешность вызывала странную неприязнь в Жанне. Ей все время казалось, что он смотрит на нее свысока, а губы выражают некую усмешку, точно он знает что-то компрометирующее о собеседнике.

— Благодарю вас, ваше превосходительство — Жанна мило улыбнулась и приняла протянутую ей коробку.

— Открывайте же, смелее. — Подбодрил ее герцог. В его руках появился бокал с игристым вином, мужчина сделал глоток, учтиво, с достоинством приветствовал кого-то из гостей, губы улыбнулись молоденькой даме.

Гости столпились вокруг, сгорая от нетерпения, выглядывая из-за плеч, вставали на цыпочки.

Жанна сорвала золотистую ленту, открыла крышку. В коробочке лежал прекрасный медальон. Тонкая как кружево бабочка, чьи крылья были инкрустированы драгоценными камнями, была размером с детскую ладошку.

Девушка подняла удивленные глаза на Свейна.

— Я надеюсь, что угодил вам. — Улыбнулся герцог. — Камни такие же яркие, как ваша красота. А скрывать такую красоту — преступление. Я бы хотел, чтобы вы присутствовали на зимней охоте. Ведь вы же присоединитесь к нам, граф? — обратился герцог к отцу Жанны.

— Разумеется, ваше превосходительство. — Кивнул отец.

Пронесся и стих легкий шепот: во истину королевский подарок. Такие вещи дарят только жене или любовнице. Так неприлично принимать девице драгоценности от чужого мужчины, пусть даже брата короля. Но обвинить герцога в дерзости никто не желал. Луиза де Стрейн испуганно взглянула на медальон и поспешно спрятала лицо за веером.

Начались танцы, и Жанна потеряла счет времени. Танцы она любила. Кружась, точно пушинка, она совсем забыла и о дорогом подарке, и о высокомерном герцоге. Казалось, не она следует за музыкой, а музыка рождается в ее движениях.

Жанна присела на диванчик возле окна. Щеки ее пылали как два алых мака, глаза светились восторгом. Все было прекрасно в этом празднике. Жаль только, матушкина затея не удалась.

При всем своем великолепии и блеске, никто из представленных ей юношей не обладал самыми главными, по мнению графини, свойствами — способностью рассуждать и мыслить, искренне чувствовать красоту мира.

Ей не с кем было обсудить привезенные в столицу полотна художников нового века, рассказать о том, как волнительно играл на виолончели Милвен Грей, необыкновенное музыкальное дарование. Некого было удивлять историями о высоких белых дворцах южного королевства Бирэм, откуда они с семьей вернулись не так давно. Никого не интересовали гипотезы историка с Юга, касающиеся возникновения цивилизаций...

Вся мужская половина королевства наперебой обсуждала только одно: вспыхнувшую на севере континента стычку со старым, давно забытым врагом.

Оринберг граничил с четырьмя державами: Бирэм — на юге, Атлана — на западе, Саадан — на востоке и Дрейтон — на севере. Его смело можно было называть сердцем мира.

Оринберг славился мягким климатом, сладкими фруктами и драгоценными камнями, которые добывали из недр его земель. Большинство жителей королевства занимались земледелием и разведением скота. Трудились и на рудниках, промышляли рыболовством. Побережье в избытке баловало людей своими дарами, будь то нежная форель или беловато-розовые креветки.

«В Оринберге вы найдете себе дело по душе!» — Всегда говорил отец. И был прав. Этот светлый клочок земли был просто рогом изобилия!

В свою очередь, отделенный от Оринберга Льдистым морем, Дрейтон столкнулся с небывалым противником с холодных берегов Норса.

Считалось, что Норс, земля долгих зим и холодных весен, населен различной нечистью. Люди веками судачили о кровососах, крадущихся в ночи, ворующих детей и юных дев. О ледяных эльфах и великанах, морских кракенах и злобных пустынных старухах, что питались младенцами.

В Оринберге к жителям Норса относились свысока: дикари, что с них взять? Все чудовища вымерли еще в древние века, склонились перед величием человека.

Подобного рода легендами могли похвастаться все страны мира. Бесспорно, в каждом государстве, в каждом королевстве и в каждой империи из уст в уста передавались истории о магических существах, монстрах и прекрасных феях, некогда живших в далеком прошлом...

И каждый цивилизованный человек прекрасно знал, что времена боже-

ственных созданий давно миновали, последнего дракона сразил богатырь из хмурой лесной Увары. Последняя фея погасла в плену садданского султана, ее окаменевшее крохотное тельце так и хранится в стеклянном сосуде, выставленное на всеобщее обозрение в приемных покоях дворца.

Давно вырублены вековые вечнозеленые рощи, служившие приютом для единорогов, а их бесценные хрустальные рога разошлись на обереги для представителей королевской семьи Атланы.

Волшебный мир пал от жадной и всемогущей руки человека. Остались лишь служители богини Лорин, да легенды об их былом могуществе.

Только Норс по-прежнему был загадочным и неприступным для великих держав. Жители этой холодной страны кочевали по своему крошечному матеруку, прячась от зимней стужи в походных домах из звериных шкур. С приходом короткого яркого лета — возвращались на поля, где запасались алыми кислыми ягодами, сушили травы, пасли скот.

Норс из поколения в поколение передавал легенды о неких великанах с золотыми глазами, что отнимали людские души, о крепких рыцарях, что плечом к плечу стояли рядом с великанами в древней войне...

О чем были легенды, в какие времена происходили загадочные битвы — никто во всем мире не знал и не придавал значения рассказам дикарей.

— Сначала появились обезумевшие от страха жители Норса. Их Лодки, обитые шкурами медведей и оленей, привезли, кажется, всех обитателей ледяной страны. Ну, или тех, кто выжил. — С горящими от азарта глазами вещал какой-то совсем юный дворянин.

Молодежь облепила диван, на котором, размахивая руками, делился новостями юный оратор.

— Захватчики, кем бы они ни были, появились следующей же ночью. Они отвоевали у Дрейтона часть его территорий. Эти существа вовсе не безмозглые! Они крадутся в ночи, нападают на людей и отнимают их жизни одним взмахом руки!

— Да вы просто сказочник, граф! — Рассмеялся один из слушателей.

— Клянусь Лорин! — Обиделся рассказчик и с азартом продолжил. — В какой-то момент Норс откинул противника назад, но воины под алыми стягами вернула свои позиции достаточно быстро. Ничто их не берет: ни стрелы, ни мечи, они быстрые и не чувствуют боли. Но стоит отрубить им голову или пронзить сердце — тела разлетаются на мелкие песчинки.

— Вы верите в эти рассказы? — Насмешливо обратился к соседке незнакомый Жанне юноша.

Жанна невольно прислушалась. Беседующая группа людей расположилась на соседнем диване. Рядом с рассказчиком сидел молодой человек в темно-зеленом сюртуке, расшитым золотыми нитями. Густые волосы, цвета топленого молока, завязанные в короткую косу, гибкий, точно у девушки, стан, белая атласная кожа, яркие зеленые глаза...

— О, разумеется, верю! — Воскликнула прекрасная маркиза, изящно прячась за свой веер.

— Право, маркиза, не стоит бояться! — Сверкнул белозубой улыбкой юноша — Дрейтон стойко держит оборону, но против кого — никто не знает. Эти дрейтонцы — народ дикий и сумасшедший. Они каждого культурного человека за упыря принимают.

— Но мой кузен писал мне, что упыри уже подходят к нашим границам. — Не унималась маркиза, явно продолжая разговор только ради разговора. — Он служит войскам его величества на границе.

— Вашему кузену пора вернуться к цивилизованному обществу, милая Ирэн. — Хихикнула другая девушка, кокетливо подмигивая зеленоглазому красавцу. — Еще и не такое привидится на холодных берегах дикого моря.

— Давайте спросим у герцога. Он — особа высокопоставленная, все знает о таких важных вещах. — Горячо воскликнул оратор, что затеял этот разговор.

— Вот же и он. — Подхватила маркиза, раздосадованная тем, что ей не верят тоже.

Однако Свейн направлялся к Жанне, вежливо кивнув спорщикам.

— Графиня, могу я пригласит вас на вальс? — Он галантно протянул девушке руку, унизанную кольцами.

— Разумеется, ваше превосходительство... — замешкалась Жанна. — Только...

Брови герцога изумленно поползли вверх.

— Только графиня обещала этот танец мне. — Рядом возник буквально из ниоткуда юноша в темно-синем костюме.

Его изумрудные глаза азартно сверкали, тонкое аристократичное лицо озаряла полу-усмешка, полуулыбка.

— Совершенно верно. — Обрадовалась спасителю Жанна. — Я обещала танец... — она замялась, герцог выжидательно смотрел на нее, понимая, что ему лгут.

— Графу Вильяму Валуа. — Юноша кивнул.

Через десять минут Жанна оживленно болтала с новым знакомым. Граф Валуа был родом из Атланы, путешествовал вместе со своим другом, который насмеялся над суевериями молодого дворянства, Маркизом Рамиресом Фрей.

На праздник к Жанне молодые люди попали абсолютно случайно: их новый знакомый приходился троюродным братом Луизе де Стрейн.

Разные, как день и ночь, дворяне, казалось, были связаны чем-то вроде кровных уз. Что-то было общее в их утонченных лицах, манере говорить и держаться раскованно. Люди собирались вокруг них, очарованные какой-то магией, обаянием.

Новые знакомые с увлечением рассуждали о литературных веяниях и полотнох выдающихся художников. Их заинтересовали рассказы Жанны о Бирэме с его белокаменными дворцами и слонами, дикими джунглями и золочеными храмами.

В этот вечер она больше не увидела герцога Свейна, оскорбленного ее невниманием, но с радостью узнала, что ее новые друзья тоже участвуют в зимней охоте...

— А где же матушкин родственник? Как вы сказали его имя? — Внезапно спросила Жанна, прерывая Вильяма на полуслове.

— Он плохо себя почувствовал и в последний момент не смог приехать. — Печально вздохнул Рамирес.

— Да, Грегори любезно принял нас у себя. — Подхватил Вильям. — И так хотел познакомить со своей кухней. Но вот беда, кажется, схватил простуду.

— Бедный дядюшка Грег. — Жанна лукаво обвела друзей глазами. — Ему ведь уже под шестьдесят. Куда же ему угнаться за двумя молодыми людьми.

— Великая Ночь! Вы нас раскрыли, дорогая! И, должно быть, презираете? — Рамирес всплеснул руками.

— Моли пощады у прекрасной дамы, лжец! — Вильям толкнул друга в бок и сам первым упал на колени.

Жанна смеялась как дитя. Конечно, ей хотелось узнать правду: кто они, откуда и зачем пришли на ее праздник. Но они так забавно разыгрывали раскаяние, напугали своими громкими причитаниями важных дам и горничных, что Жанна добродушно простила обоих.

* * *

Полная луна освещала узкие улицы трущоб. На крыше небольшой церквушки сидела темная фигура. Вскоре, от стены отделилась вторая.

— Ты задержался.

— Пришлось удирать от стражи.

— Но мы не раскрыты?

— Обставил все как ограбление.

— Ты сильно рискуешь, Рамирес. Этот город еще не готов принять сказочных чудовищ.

Вильям подошел к другу ближе.

— Еще одна охота — и спать. Завтра мы обещали Жанне быть в опере, ты не забыл?

— Милая графиня. Бьюсь об заклад, ее кровь сладкая, как мед. — Рамирес откинул со лба непослушную челку.

В свете луны его профиль выглядел как чеканка на монете.

— Жанна — хорошая девушка, ее кровь — не твоя забота. — Разозлился Вильям.

— Хорошая, милая, умная. — Рамирес сел на крышу, прислонившись к колокольной башне. — Ты хочешь, чтобы такая красавица вышла замуж за какого-нибудь болвана, родила ему кучу баронов или маркизов, и всю жизнь с каменной улыбкой кланялась занудам-Свейнам?

— Мы не можем взять ее с собой. — Отрезал Вильям. — Мы — дезертиры, за нашу голову кое-кто многое отдаст. А кое-кто другой — еще больше, чтобы твоя глотка больше не узнала вкуса крови.

— Хорошо, я не настаиваю. — Примирительно вскинул руки Рамирес. — К тому же, мне кажется, мы в этом городе не одни, кто ею интересуется.

— О чем ты? — Не понял Вильям. — О герцоге?

— О том, что нам пора убираться отсюда. Нас выследили. Он выследил нас. — С нажимом на слове «он» ответил Рамирес.

В эту ночь две хорошеньких девушки не дошли до дома, их отец, хозяин магазина тканей, лишился обеих дочерей. Утром он сойдет с ума от горя, а двое нищих никогда больше не будут просить милостыню на крыльце храма святой Елены...

* * *

Охота подходила к концу. К концу же подходило терпение герцога Свейна.

Совершенно очевидным стало то, что он не просто так посетил когда-то дом Стрейнов. Отец Жанны, хмурил брови, но молчал. Сама Жанна старалась ускользнуть от герцога.

Честных намерений у последнего явно не было, положение становилось опасным. Весь двор знал, что Альберт Свейн всегда добивается того, чего хо-

чет. И весь двор с сочувствием смотрел на молодую графиню, не выказывая при этом желания помочь.

Альберт то и дело пытался остаться с Жанной наедине, то на ледяной переправе, то в охотничьем доме, богатом на множество уединенных комнат и потайных дверей, то среди зимних лесов, где шла охота.

Безропотность отца выводила Жанну из себя. Она надеялась на его защиту, но граф, от чего-то не спешил вмешиваться. В их семье всем правила Луиза, сам граф был слишком добродушен. Скорее всего, Альберт искренне надеялся на порядочность герцога.

Жанна отчаянно жалела, что Луи не было в Оринберге. Старший брат наверняка вступился бы за честь сестры.

О, Луи. Смешливый, бесстрашный и рассудительный старший братец. Он тайком учил сестричку обращаться с оружием. Ее девичьи руки с трудом удерживали меч, тогда он привез из столицы легкую садданскую саблю. Эта новая игрушка все равно была слишком массивна, но через несколько недель девушка уже не ощущала ноющую боль в мышцах, что позволило брату и сестре с азартом предаться шуточным поединкам.

Когда Август де Стрейн обо всем узнал, уроки пришлось прекратить.

— Ваша матушка не одобрит. Жанна. Ты девица, а не рыцарь. Твоя забота — шитье и пение, а не лязг стали. Подумать только. Во что превратятся твои руки? А если Луи ранит тебя? Нет, нет. Решительно запрещаю вам это баловство.

Жанна расстроилась, но то немного, чему научил ее брат, надолго врезалось в память. И теперь она с тоской вспоминала о любимом брате, сожалея, что военная служба обязывала Луи отбыть на границу.

Не известно, когда герцог загнал бы свою жертву в угол, если бы не два красивых друга Жанны, ни на шаг не отстающих от своей подруги. Они так напоминали ей Луи с его легким сарказмом и гордостью истинного дворянина.

— Грядет буря, мой друг, поверьте мне. Через пару дней герцог свернет нам шею. — Смеялся Вильям.

Жанна, одетая в костюм для верховой езды, ехала на белой лошади рядом с друзьями. Юноши скрывали лица под белыми масками, объясняя это тем, что солнце дает отвратительный загар для кожи аристократа.

— Как он был зол, когда вы появились на переправе в одном сапоге, без лошади. — Засмеялась Жанна.

— Не мог же я дать вас в обиду. — Рамирес потрепал гриву своего пегого коня. — Пришлось импровизировать. Конь в самом деле скинул меня.

Троица расхохоталась.

— Тише, господа. — Жанна, обернувшись, увидела приближающегося герцога.

— Господа. Не могли бы вы оставить меня наедине с графиней. Мне необходимо ей кое-что сообщить.

Вильям бросил вопросительный взгляд на Жанну. Та едва заметно кивнула.

— Разумеется, ваше превосходительство. — Юноши откласнялись, прищиприли коней, удаляясь вперед, однако, остались в поле зрения.

— Вы необыкновенная девушка, графиня. — Начал Свейн. — Вы либо слишком глупы, либо — слишком умны.

— Объяснитесь, герцог. — Холодно ответила она.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я. — Сквозь зубы процедил герцог. Эти двое — либо ваши любовники, либо парочка идиотов, раз вечно таскаются за вами. Вам они не кажутся странными, не так ли?

— Я понимаю вас все меньше и меньше. — С нарастающим гневом, откликнулась Жанна. — Ваши крайности — только Ваши. Есть простой ответ на ваш вопрос: эти двое благородных молодых людей — мои друзья. Неважно, насколько они отличаются от других. И как мои друзья — они не желают, чтобы со мной случилось что-нибудь для меня неприятное.

— «Неприятное», графиня, случается с каждым. И очень неожиданно. — Его серые глаза сузились. — Сегодня ночью убили двух крестьян, вы слышали? Говорят, это вампиры, ибо жертвы были обескровлены, их шеи изорваны. Но мне почему-то кажется, что это — дело рук обыкновенных разбойников, которые хотят ввести местные власти в заблуждение. С момента, как мы въехали в мои охотничьи угодья, в близлежащих селах стали происходить странные убийства. Пока что погибают простолюдины, но, кто знает, такое может случиться и с дворянами... Будьте осторожны, графиня, здесь становится опасно, пора завершать охоту.

— Вы угрожаете? — Не веря услышанному, прошептала она.

— Я информирую и беспокоюсь за вас... и ваших Странных друзей.

* * *

Она вспомнила об этом разговоре на следующий день.

Ее верные друзья внезапно сказались больными и остались в охотничьем домике. Жанна вместе со свитой герцога продвигалась по лесу. День клонился к закату, мужчины, во главе с Альбертом Свейном, увлеченно загоняли оленя, дамы мирно беседовали и смеялись возле палаток с напитками и едой.

Жанна заскучала. Она решила немного проехаться по дороге, чтобы хоть как-то развлечься. Подруги держались особняком: с тех пор, как герцог стал проявлять знаки внимания к Жанне, а двое ее друзей, напротив, высказывать холодность к юным кокеткам, девушки подчеркнуто игнорировали графиню.

Молодые люди все как один обсуждали прибывавшие с границы новости: Дрейтон пал! Если Норс населяли племена примитивные, то Дрейтон вполне можно было причислить к цивилизованному государству. И все беженцы твердили одно и то же: золотоглазые великаны несут смерть.

Мысли Жанны были погружены в себя, когда Кристалл, ее прекрасный жеребец, дико заржал и понес девушку в лес.

Черные стволы замелькали, угрожающе хлестали ветки, а конь все никак не хотел слушаться.

Что же испугало ее милого и всегда послушного жеребца? Волки? В угодьях герцога хищники чувствовали себя вольготно: Альберт Свейн считал их наличие гарантированной защитой от любого, кому в голову придет желание поохотиться на его земле. Мнение крестьян было безразлично вельможе.

После долгих минут бешеной скачки, Кристалл остановился. Он все еще беспокойно перебирал копытами и фыркал, его уши настороженно прислушивались к лесной тишине. Жанна осмотрелась: как вернуться назад? Она погладила Кристалла по шее. Упасть с коня она не особенно боялась: все тот же Луи любил брать сестру на конные прогулки.

В такие часы брат и сестра не редко пускали лошадей в галоп. Бывали и па-

дения, и переломы. Потом Луиза де Стрейн надолго лишала молодых людей такого удовольствия, но их это не останавливало никогда.

Лес хранил тишину. Лишь скрип снега под копытами, да тяжелое дыхание жеребца. Ранние зимние сумерки все стремительнее переходили в ночь.

Девушка развернула коня, стараясь разглядеть на снегу следы. Это было не легко, не было даже намека на тропинку или дорогу, ей пришлось спуститься на землю.

Легкая меховая мантия и изящные, но такие не практичные перчатки совсем не грели графиню, она начинала замерзать.

Паника нарастала, Жанне стали чудиться шорохи, а тени казались густыми и живыми, она ускорила шаг.

Прошел час, но никто не торопился искать ее, и мороз пробирал до дрожи. Внезапно Кристалл заржал и встал на дыбы. Поводья выскользнули из онемевших рук Жанны, и конь снова помчался прочь во весь опор.

— Кристалл. — Отчаянно крикнула она осипшим от страха голосом.

Девушка стала озираться: чего или кого испугался жеребец?

«Только бы не волки», — с ужасом подумала она и тут же упала в снег от резкого толчка в грудь.

Огромная черная морда с оскаленными зубами смотрела на нее. Жанна мысленно попрощалась с жизнью. Золотые глаза уставились на графиню, широкие лапы намертво придавили к земле.

Волк был просто чудовищно большим. Девушка едва смела вздохнуть, по телу пробежал озноб, она боялась даже моргнуть.

Зверь всматривался в ее лицо. Взгляд у волка был какой-то странный: не человеческий, но и не звериный. Какой-то чужой и гипнотический.

И запах. Странный запах. От черной шкуры пахло горькими полевыми травами и ветивером. Точно от ручной собачки, которую заботливая хозяйка каждый день купает в ванной.

Волк повел носом, пригнувшись, склонил голову на бок, отступил.

Жанна пролежала, не шевелясь несколько мучительно долгих минут. Наконец, девушка решила встать. Но сразу же упала вновь, сбитая с ног.

«Да он просто издевается» — Жанна закусила губу от отчаяния. — «Лорин, пошли мне легкой смерти, молю тебя».

Волк обошел ее кругом, сел поодаль. Жанна попыталась отползти и тут же пожалела: волк зарычал и цапнул ее за руку.

Алая кровь моментально оросила снег. Жанна вскрикнула от боли. Хлынули слезы ужаса.

Зверь вдруг ощерился и попятился, потом тоскливо заскулил. Жанна зажмурилась, всем сердцем надеясь, что вот сейчас он ее и убьет.

Шершавый язык аккуратно слизывал кровь с запястья, затем облизал ее щеки, горячий нос уткнулся в шею, послышалось жалобное поскуливание.

«Ох, уже просто убей меня или уйди» — Подумала Жанна.

«Не могу», — отчетливо прозвучало в голове.

Кажется, она сходила с ума. Жанна попыталась вновь отползти.

«Даже не думай, — предупредил голос, — за тобой уже идут».

Волк лег рядом, положил свою тяжелую квадратную голову ей на грудь, согревая своим теплом, обволакивая запахом летних трав.

«Мы еще встретимся» — пообещало чудовище, прежде чем веки Жанны со-

мкнуло забытьё.

* * *

Ей повезло: она не замерзла насмерть, даже не простудилась. Когда егеря нашли графиню, волка уже и след простыл.

Свита герцога немедленно зашушукалась, вновь и вновь вспоминая тревожные новости с севера, легенды об оборотнях и прочей нечисти.

Но прошел день, другой, охота подходила к концу, неприятный инцидент забывался: ничего ведь не случилось, никто не умер. И мало ли что померещится в глухом лесу юной девушке? Надо меньше читать книг: они лишь забивают голову порядочных девиц бреднями и ненужными мыслями.

Тем не менее, Август де Стрейн вызвался возглавить поиски волка. Герцог дал обещание, что отправит Жанну домой незамедлительно.

Рука болезненно пульсировала, а по ночам Жанна все чаще видела волка, снились ей и кошмарные великаны, что ступали по земле Оринберрга и отнимали жизни одним взмахом руки.

Герцог от своих намерений не отступился. Его по-прежнему интересовала молодая графиня, о чем он незамедлительно дал ей понять.

— Каков подлец! — воскликнул Вильям. — И твой отец сейчас где-то в глуши, ловит этого... волка.

Юноша поежился. Происшествие взволновала и его, и Рамиреса. Они помогли Жанне обрабатывать рану на запястье, расспрашивали подробности, утешали и успокаивали.

Между тем, поведение друзей изменилось: они все реже покидали охотничий домик, и, кажется, всерьез засобирались продолжить свое путешествие как можно скорее.

— Но ты же не пойдешь, Жанна? Обещай, что не пойдешь! — Рамирес обнял подругу.

— Разумеется, нет! — Жанна поджала губы. — Я только не знаю, что теперь делать, герцог не оставит в покое ни меня, ни мою семью.

Друзья сидели в ее уютной маленькой комнатке. На улице уже стемнело, едва слышался лай собак в псарне, но уже отчетливо пахло зажаренным оленем, которого герцог все-таки подстрелил.

— Что он еще сказал тебе? — Рамирес нетерпеливо перебил подругу.

— Что если я соглашусь, он подберет мне удачную партию, обеспечит будущее моей семье и Маргери, моей сестре...

Щеки Жанны разгневанно вспыхнули.

— Отблагодарит, значит. — Зло процедил Вильям.

— Но ты не согласишься? — спросил Рамирес.

— Нет и еще раз нет! Как ты можешь так говорить? — Девушка топнула ножкой. — Вот только... Луи служит на северных границах. — Жанна вздохнула. — Герцог грозился послать его в самое пекло.

— Успокойся, дорогая. — Вильям сел рядом с Рамиресом и Жанной на широкую кровать. — В пекло мы пошлем этого развратника-Свейна.

— Если я решусь, то за ужином я должна надеть медальон, который он мне подарил.

Воцарилась пауза. Вильям задумчиво теребил подбородок, Рамирес нервно барабанил пальцами по ноге.

— Есть один выход, дорогая. — Вздохнул Вильям. — согласишься ли ты?

— Ты же говорил, что мы не можем. — Догадался Рамирес.

— Не можете чего? — С надеждой спросила Жанна.

Вильям еще раз вздохнул.

— Послушай, мы с Рамиресом направляемся в Атлану. Ты никогда не спрашивала нас, откуда мы приехали, почему и куда движемся. Мы предали одного... очень опасного, гм-м-м... человека. Мы должны были выполнить его поручение, но не смогли. Мы — дезертиры, Жанна. Наши принципы и взгляды разошлись, мы бросили службу. Мы бежим в Атлану, куда он не сунется. Во всяком случае, не скоро.

— Хочешь ли ты поехать с нами? — Рамирес серьезно посмотрел на нее. — Это опасно, но все будет выглядеть так, будто ты просто сбежала, а герцог не сможет испортить жизнь тебе и твоей семье.

— И когда-нибудь я смогу вернуться? — Спросила она.

— Сможешь. Он же не бессмертный, твой герцог. — Подтвердил Вильям.

— Я тоже. — Грустно добавила она.

Друзья переглянулись.

— Ну, некоторые существа бессмертны.

— Хватит уже этой болтовни. Не вы ли смеялись над этими суевериями на балу. — Слабо улыбнулась Жанна. — Я только и слышу о всякой нечисти. Это все — глупости и легенды. Давно известно, что люди вытеснили сказочных существ, и никто давно не видел даже цветочных фей.

Снова юноши переглянулись.

— А как же тот случай? Волка ведь не нашли? — Вкрадчиво поинтересовался Рамирес.

— Он снится мне ночами. — Продолжила Жанна, совершенно смутившись, — Вы не будете смеяться надо мной? Скорее всего, это из-за этого. — Жанна многозначительно коснулась забинтованного запястья.

— Нет, что ты. Расскажи. — Вдруг насторожился Рамирес.

— Он приходит ко мне, стоит закрыть глаза. Я не слышу его голос, слова сами приходят в голову. Потом он меняется... Хотя, скорее всего, это оборотень. — Вдруг засомневалась она.

Вильям нахмурился:

— И как он выглядит?

— Смутно помню его лицо... Глаза янтарные, с вертикальным зрачком... — Она смешно наморщила лоб, пытаясь вспомнить. — Острые скулы, тонкие губы. — Жанна задумалась на мгновение. — Эти глаза. Я хорошо запомнила их, они завораживают... У него выбриты виски, на них какие-то татуировки, узоры, волосы собраны в длинную косу. Все как в тумане... Помню, у него на мундире узор из символа.

— Символа? Помнишь его? — Заинтересовался Рамирес.

— Я нарисую.

Вильям заметался по комнате, подошел к маленькому бюро, что стояло возле окна, и протянул девушке бумагу и чернила.

Жанна положила бумагу на колени и стала рисовать.

— Какой странный... — глядя на набросок, сказал Рамирес.

На белом листе бумаги сплетались округлые линии, образуя чашу, в центре которой четырьмя росчерками выделялись две буквы. Но Жанна не смогла бы различить их, потому как буквы эти не принадлежали ее миру.

— Неприятный сон. Снится мне после нападения. И рука болит нестерпимо. — Продолжала Жанна шепотом, напоминая испуганное дитя. — Так что, не стоит играть с моим воспаленным разумом, он и так восприимчив ко всяким сказкам. — Она поежилась, точно холодный зимний воздух пробрался в эту светлую комнатку.

Жанна отдала рисунок Рамиресу, тот нахмурился, протянул его другу.

Юноши помолчали.

— Раз тебя мучают такие кошмары, тем более пора бежать. — Резюмировал Вильям. — Но, для начала, проучим герцога.

— Бежать. — Она недовольно скривила личико. — Это еще больше опозорит мою семью.

— По крайней мере, ты будешь в безопасности. Уж это мы тебе гарантируем. — Обиделся Рамирес.

— Проучить герцога разрешаю. А дальше будет видно.

— Ты слышала последние новости с границы Дрейтона? — Поинтересовался Вильям.

Жанна кивнула. Об этом говорили все: беженцы, испуганные, измученные, все твердили о неземных захватчиках, о том, что они брали в плен людей, а те возвращались уже другими. С жаждой крови и алым блеском в глазах.

— В Лорин существует легенда о Великой битве. — Начала Жанна. — Будто эти самые великаны, лоринцы и воины черного василиска сражались вместе против какой-то богини. Будто вторглись в мир какие-то существа, не то люди, не то звери и Лорин попросила помощи у других богов. Вот только, легенда эта старая как мир и принадлежит язычникам. Каждый знает, что в Лорин — одна богиня и других быть не может.

— Думаешь, это просто совпадение? — серьезно поинтересовался Рамирес. — В каждой сказке есть доля правды.

— Думаю, кто-то из наших соседей решил сыграть на суевериях. Сааддан давно заглядывается на наши богатые земли, ему не дают покоя наши шахты с драгоценными камнями. Атлана, как бы ни клялся в этом ее посол, мечтает сама поставлять в Бирэм свои вина и морепродукты. Но их климат слишком влажный для благородной виноградной лозы. Соседи недолюбливают нас.

— Ты необыкновенно умна для юной девицы на выданье! — Восхитился Вильям. — Поверь, я познакомился с дамами из свиты герцога — все как один озадачены только нарядами и замужеством!

— Луи настоял, чтобы меня обучали вместе с ним. — Смутилась Жанна. — Вы — единственные, кто действительно слушает, что я говорю. Вы и мой брат. Быть образованной для женщины почти проклятье в любом уголке мира.

— Ты просто обязана поехать с нами! — Заключил Рамирес. — Что ждет тебя в Оринберге? Замужество? Нет ни одного достойного тебя человека в Оринберге, я в этом просто уверен!

За ужином Жанна блистала в темно-красном бархатном платье, ее шею украшал злополучный медальон.

Герцог был доволен. Он расшумелся, много шутил и благодарил подданных за охоту. Не замечал он лишь ироничных усмешек Рамиреса и Вильяма.

Перед герцогом было напуганное личико Жанны и предвкушение конца охоты. Жертва была приговорена.

После полуночи все разошлись по комнатам.

С наступлением назначенного часа, хрупкая девушка проскользнула по коридору. Тень от ее свечи металась, едва разгоняя ночной мрак.

Она на цыпочках прошла мимо комнат, где смотрели десятый сон гости герцога, остановилась в условленном месте.

— Я ждал вас, — шепнула ночь. От стены отделилась фигура мужчины.

— Я исполнила обещание.

Мужчина подошел к девушке, взял ее за руку и потянул к своей спальне. Жанна неожиданно заупрямилась высвобождаясь.

— Идемте же, дорогая, медлить нечего. — Удивился Свейн. — Вы пришли, поздно отступать.

— Я не хочу, отпустите меня. — Вскрикнула она. — Я передумала.

— Не шумите, графиня, нас услышат. — Зашипел Свейн, прилагая больше усилий. — Я же обещал вам — я все устрою.

Из темноты появилось еще два действующих лица.

— Ба! Герцог! Какая неожиданная встреча. — В слабом лунном свете засверкали звериные глаза.

— И неприятная притом. — С другой стороны появилась еще одна пара огоньков.

— Кажется мне, Жанна просила ее отпустить? — На свет вышел Рамирес.

Обомлевший герцог, увидев лицо маркиза, пришел в еще большее замешательство.

Холодная как лед ладонь коснулась его плеча.

— Отпусти ее. — Над самым ухом прозвучал голос.

Герцог непроизвольно выполнил приказ.

— Иди, Жанна, больше тебе здесь нечего делать — Вильям чуть подтолкнул изумленную подругу, мягко, но настойчиво забрал свечу. — Не оборачивайся, милая, иди.

Через несколько шагов девушка все-таки оглянулась.

Ее друзья плавно кружили вокруг затравленного герцога. Человек не робкого десятка, Альберт был испуган. Рамирес что-то прошептал Свейну на ухо, и герцог, сломя голову, кинулся прочь под сдавленные смешки молодых людей.

Жанна, напуганная не меньше герцога, заспешила в свою комнату, на ощупь пробираясь по коридору.

Она закрыла дверь на ключ, попыталась отогнать жуткое видение, забралась под одеяло. Она слушала ночь, но было тихо. Наконец, сон сморил ее.

— Ты уверен, что мы можем... — Горячо зашептал Вильям.

— Ты много видел верийцев, способных превращаться в волка? — Риторически спросил Рамирес.

— Может, это все-таки оборотень? — Неуверенно начал юноша.

— Не говори глупости, это все — миф. — Фыркнул Рамирес. — Так точно описать Гевальта мог только тот, кто видел его! Татуировки, символ, волк. Задача сошлась с ответом. И вообще, мы уже пришли...

Молодые люди проскользнули в комнату подруги. Второй ключ они отобрали у герцога: кажется, вельможа был настроен идти до конца даже против воли Жанны.

— Не разбуди ее. — Рамирес склонился над девушкой, откинул волосы с ее шеи.

— Только быстро, друг мой: слишком беспокойный сон.

— Если она откроет глаза — загипнотизируй ее.

— Вдруг не получится? Ты пробовал когда-нибудь...

— Тс!

Рамирес приподнял подругу за плечи. Ее голова безвольно откинулась назад. Маркиз приблизил свои губы к ее шее, во тьме сверкнули белоснежные зубы.

Жанна заметалась, морщась от боли, резко распахнула глаза. Вильям, растерявшись, пытался поймать ее безумный взгляд. Девушка настойчиво сопротивлялась, гипноз не оказал на нее никакого воздействия.

По ее шее текла кровь, графиня вывернулась из цепких рук, подгоняемая ужасом и болью. Вериец на мгновение растерялся, и этого было достаточно. Жанна закричала, нарушая тишину ночи, бросилась прочь из комнаты.

— Лови ее, болван! — Выругался Вильям.

Со всей своей нечеловеческой скоростью юноша кинулся за Жанной, но та уже захлопнула дверь, перед его носом щелкнул замок.

— Открывай же, чего застыл? — Выругался Рамирес.

— Я оставил ключ в замке с той стороны. — Признался юноша.

— Тогда в окно. Не хватало наделать еще больше шума. — Рамирес отдернул занавеску, но вдруг отпрянул. — Ты? — Его лицо исказил испуг.

Она ехала верхом, одетая лишь в легкую шелковую сорочку. Кристалл мчался во весь опор.

Из последних сил Жанна пыталась удержаться в седле, но руки слабели, а сознание мутилось от страха. Холодный ветер кусал ее со всех сторон, заставляя зубы стучать, беспощадно терзал плоть.

За спиной оставался охотничий дом, в котором уже зашевелились напуганные слуги и гости, залаяли сердитые псы, вспыхнули огни в окнах.

Неразбериха поставила охотничий дом на уши. Естественно, крики графини подданные пропустили мимо ушей, они все прекрасно понимали, как дорого может обойтись вмешательство в ее судьбу. Но грохот выбитой двери, дрожь стен, будто ураган пытался разорвать дом изнутри. Это было слишком любопытно и жутко для ночного свидания.

Разорванные когтями деревянные половицы, лужи крови, пустая спальня Жанны де Стрейн и испуганный до смерти герцог, — вот что ожидало тех, кто решился-таки выглянуть в коридор.

— Жанна, стой! — Рядом с ней поравнялся Рамирес. — Остановись, я не причиню тебе зла... Дьявол! — он выругался, ибо девушка, собрав остатки сил, попыталась хлестнуть друга плетью.

— Прошу, выслушай! — С другого бока появился Вильям.

Оба друга бежали за ней с невероятной скоростью.

— Оставьте меня... — прошептали ее губы.

Она была напугана. Значит, все правда: вампиры, слухи и волк ей не приснился. А может, был одним из этих двоих. И все эти легенды о страшных захватчиках...

Краем глаз она заметила, как резко сменил направление Рамирес, что-то просвистело совсем близко, разрубая воздух.

Она еще слышала предостерегающие крики, потом началась суматоха, какие-то люди окружили ее со всех сторон (люди ли?), пытаясь догнать.

Сухие ветви черных деревьев царапали немеющее тело, Кристалл скакал все быстрее, дальше. Конь был напуган не меньше хозяйки.

Лес внезапно расступился, Кристалл выскочил на поляну. Несколько мгновений, — и под копытами коня земля превратилась в глубокий обрыв.

Что-то тяжелое прыгнуло на круп коня позади Жанны...

Кто-то бесцеремонно отобрал поводья и вцепился рукой в плечо.

Глава 2

Советник и Король

*«Я здесь, я пришел к тебе
Пришел вопреки судьбе.
С небес льется лунный свет,
Я — зверь, мне покоя нет»
«Ария» — «Зверь»*

Кто-то снял ее с коня. Жанна пришла в себя. Она увидела белое, как молоко лицо с острыми скулами и угольными бровями. Золотые глаза светились огнем, белоснежные волосы спадали на плечи, открывая высокий упрямый лоб.

Она закричала, не слыша себя, стала вырываться.

Тот, что ее нес, больно швырнул на снег возле ног жуткого существа. Назвать их людьми язык не поворачивался. Их глаза светились в полумраке, пугающе-острые ногти отливали глянцем, слова перемешивались с непонятными рычащими звуками. И они были высокими. Выше любого мужчины Оринберга.

Незнакомцы еще о чем-то переговаривались, но для девушки эти звуки казались какой-то тарабарщиной, даже отдаленно не похожей ни на один язык цивилизованного мира.

Она попыталась приподняться и взглянуть на варваров, но это стоило ей последних сил.

— Если выходишь ее — умрешь легко и быстро. — Голос обволакивал, зачаровывал своей мягкостью, гибкая высокая фигура мелькала, то и дело, закрывая тусклый свет.

— Милорд, ее укусили. — Заскулил в ответ кто-то над головой. — Она потеряла много крови.

— Делай, что говорю. В твоих советах нуждаюсь в последнюю очередь. — Повелительно бросил первый.

Слова звучали странно и обрывисто, точно человек с трудом подбирал их.

— Здесь ей не выжить... Тут — крысы, сырость и холод. Люди нуждаются в тепле и комфорте. — Проныл лекарь.

— Кто вы? — Приоткрыв глаза, проговорила Жанна и осеклась.

Над ней стояли двое: щуплый человек в рваной серой одежде заискивающе смотрел на силуэт из ее снов.

— О, ты пришла в себя. — Белое лицо приблизилось, тонкие губы едва улыбнулись. — Кто укусил тебя, скажи? Я вырву его зубы. — Искренне пообещало чудовище, точно эта новость должна была Жанну осчастливить.

Существо погладило ее волосы, озабоченно рассмотрело укус на шее.

Руки у него были теплыми, осторожными.

— Ты снишься мне... — Пробормотала Жанна. — Все это — дурной сон. — Она снова попыталась подняться, но не смогла, заметалась в горячке. Маленькие ладони брезгливо отталкивали от себя незнакомца, а тело извивалось, пытаясь, высвободиться.

Ужас пробрал ее до кончиков волос. Чудовище походило на ее ночного гостя, на ее кошмар. Надо было бежать! Срочно!

— Милорд, она угасает. — Заволновался лекарь. — У нее лихорадка и...

Мужчина с силой ударил лекаря, бедняга отлетел в угол камеры, закричал от боли. Лекарь трясся от страха, прижимал дрожащие руки к кровавым бороздам на лице.

Он был простым лекарем. Когда он возвращался от очередного пациента, его схватили, засунули в мешок и долго везли куда-то далеко... Очнулся несчастный в этой самой камере, рядом с умирающей девушкой и созданием самого темного кошмара.

Девушка болезненно приоткрыла глаза, цепляясь за зыбкую реальность, застонала.

Ночной кошмар никуда не делся: он навис над ней, все также ласково перебирал шелк ее волос и растирал замерзшие девичьи руки.

— Это не сон. — Все так же отрывисто проговорил мужчина, точно прочел мысли. — Меня зовут князь Фауст Гевальт.

Реальность слилась с галлюцинациями, было тяжело и муторно.

— Этого не должно было произойти. — Задумчиво произнес он, его страшные янтарные глаза всматривались куда-то вдаль. — Я вырву их зубы и сделаю из них бусы для тебя...

— О, Лорин! Что за омерзительное создание! — Прошептала она.

— Милорд, ей нужна кровь. — Снова заскулил лекарь. — Боюсь, она умирает.

— Так дай ей все, что нужно! — Зашипел Фауст, вскакивая. Он с ужасом заметил, как красивое лицо девушки с каждой секундой все больше напоминает восковую маску. — Что ты ноешь над ней? Если она умрет — я сниму с тебя кожу. Сантиметр за сантиметром.

Желтые глаза полыхнули красными огоньками.

Затем чудовище что-то забормотало по поводу расплетенных нитей души и глупых необразованных полукровок.

Она все время видела эти звериные глаза, обеспокоенное лицо Фауста. Так звали ее ночной кошмар. И все звучала непонятная речь вперемешку с ее родным языком. В страшных видениях, опутавших воспаленный мозг, Жанна бежала по холодному снегу, стараясь скрыться от чего-то огромного и темного, добежать до далеких огоньков вдали. Но, как в любом кошмаре, ноги двигались медленно, точно бежать приходилось по воде, а преследователь, напротив, обретал небывалую скорость. В конце концов, тьма, антрацитовая, непроницаемая, волной накрыла беглянку, выбивая воздух из легких.

Пахло лекарствами, в вену вонзилась боль, и тепло хлынуло по телу. Когда она проснулась окончательно, монстр сидел рядом, задумчиво поглаживая ее руку.

— Доброе утро. — Улыбнулся Фауст, обнажив белоснежные зубы.

— Я думала — ты снился мне. — Приходя в себя, ответила Жанна. — Кто ты и где я? — И она тихонько отдернула руку, точно коснулась насекомого.

Это галлюцинации или реальность? Голова шла кругом, слабость одолевала, каждое движение давалось с трудом.

— У тебя много вопросов. — Он коснулся рукой ее щеки, вызвав новую волну отвращения. — Но тебе нельзя говорить, побереги силы. Прошло уже чуть больше недели с твоего появления. Поспи еще. Я буду здесь.

— Откуда ты меня знаешь? — Спросила она, но Фауст прижал палец к гу-

бам.

— Все потом.

Мир вновь закружился в карусели снов.

Следующее пробуждение было менее приятным.

Грохот и ругань разбудили ее, а руки двух мужчин выдернули из кровати.

Ее волокли, не отвечая на вопросы, по каменным коридорам и лестницам, пока не швырнули на пол перед чьими-то сапогами.

Девушка подняла глаза. На высоком троне сидел тот беловолосый монстр, что велел бросить ее в тюрьму.

— Да ты еще жива, смертная? — Ухмыльнулся он. — Как ты посмела попасть в мое королевство? — Он говорил небрежно. Либо не осознавая, какой вселяет ужас, либо, не обращая на это внимание.

Голос его гремел, неловко подбирая слова.

Она молчала, пытаясь прийти в себя. В глазах плясали черные мухи, все крутилось в бешеном танце. По бокам стояла стража.

Над массивным столом, под широким зарешеченным окном, склонились тени, рассматривая какие-то карты. Они не говорили друг другу ни слова, лишь обменивались красноречивыми взглядами. Но Жанна готова была поклясться, что между ними идет оживленная беседа. Запестрели их одежды, все еще кружилась голова.

Огонь свечей казался слишком ярким, загонял тьму в углы просторной комнаты, резал глаза. В окно заглядывала любопытная луна. Выцветшие гобелены на стенах изображали батальные сцены, холодный каменный пол заставлял зябко дрожать.

Беловолосый потерял терпение и нехотя подошел к девушке. Стража рывком заставила Жанну подняться, но ноги едва держали ее. Даже выпрямившись во весь рост, она доставала ему макушкой лишь до широкой груди.

— Простите, милорд, если чем-то оскорбила вас. — Проговорила она ему в лицо, отчаянно стараясь не дрожать. И голос не изменил девушке, лишь зубы стучали друг о друга не то от озноба, не то от страха.

— Я - Кейн. Сумеречное Королевство — мое. А ты здесь не должна жить.

Чужестранка даже не вздрогнула, долго смотрела ему в глаза, не выказывая ужаса.

Кейн изумленно приподнял кустистую бровь: смелая. Он стал обходить ее вокруг, бесцеремонно рассматривал, точно раздевал до самой души. Говорил он смешно, вот только Жанне было не до смеха.

Кажется, Кейн понял, что его речь недостаточно чиста, потому что дальнейший разговор происходил в голове Жанны.

— Я триста лет правлю великой расой верийцев. Я убил бога, создавшего наш мир, и занял его место. Кто ты и почему до сих пор жива? Я сам бросил тебя перед дверями тюрьмы. И ты должна была жизнью расплатиться за нарушение границ, ибо больше с тебя взять нечего. — Продолжил он. А в глазах плясала насмешка. — Как ты сумела пробраться в мои земли?

Жанна собрала остатки гордости, вскинула голову. Она — дворянка, и не позволит этому чудовищу запугать и унижить себя.

Кейн снова встал перед ней, скрестил руки на могучей груди в ярко-алых доспехах. Девушка пыталась ответить хоть что-нибудь, мысли разбежались как мыши от кота. Он смотрел долго и пристально, пока она не потупила

взгляд.

— Я к вам в королевство не собиралась. — Жалко выдавила она. — Я лишь спасала свою жизнь. Это вы напали на Дрейтон. — Догадалась она.

— Ты утомляешь меня. Я узнаю все быстрее.

Его золотые глаза вдруг заполнили все пространство, тело девушки стало ватным. И она вспомнила все, что произошло в последнюю ночь охоты, день рождения, детство...

Когда видения, яркие, как крылья весенних бабочек, реальные, будто она переживает все заново, закончились, она упала к ногам мучителя. Было тяжело дышать, тошнота подкатывала к горлу.

— Что ты за тварь? — С ужасом прошептала она.

Существо рассмеялось, запрокинув голову.

— Жизнь твоя скучна. Признаться, я ожидал разведчика от смертных. А ты — жалкая девчонка, которая жива по прихоти моего верного Советника.

Кейн нарочито брезгливо поморщился. В этих фиолетовых глазах можно было утонуть! Жемчужные волосы спадали на плечи, голова гордо вздернута, хотя смертную била дрожь. Детально и ярко запечатлелись ее личные воспоминания, будто он сам лично присутствовал в ее жизни. Что-то было не так с лоринкой!

— Прошу прощения, милорд.

Воздух сгустился, в комнате появился Фауст. Он встал рядом с Жанной, помог ей подняться, накинул на ее плечи свой мундир.

— Ты возишься с ней, как с куклой, Фауст. — Усмехнулся Кейн. — Зачем тебе это ничтожество? — К его изумлению, девчонка спряталась за спиной князя Гевальт.

Конечно, она не понимала, о чем сейчас говорили два жутких существа, этот язык не был ей знаком. И от этого становилось еще страшнее. И все же, Фауст явно был единственным меньшим злом.

— Ты обещал мне награду, Кейн. Награду за двух дезертиров. Вот их зубы. — Фауст с достоинством протянул королю четыре клыка.

Король невозмутимо взглянул на трофеи.

— Я не сомневался в твоей ловкости.

Казалось, он вовсе забыл о девчонке, с любопытством рассматривая добычу князя.

— Она — моя награда. — Мягко произнес Фауст, кивая головой за спину, где еле держалась на ногах чужестранка. — Это мой трофей.

— Я не привык, чтобы мои приказы обсуждались, — заупрямился Кейн. — К тому же, ей удалось преодолеть магические барьеры Костяных гор. Она должна умереть.

— Я свой выбор сделал. — Отрезал Фауст. — Безопасность Костяных хребтов — задача Лилит и Лино ди Герра.

Беловолосый задумчиво окинул взглядом непрошенную гостью.

— Играй со своей куклой. — Скривился Кейн. Он снова принялся рассматривать клыки, подаренные Фаустом. — И пусть не попадается мне на глаза. Я с удовольствием поужинаю ее душой.

Жанна, переодетая в пышное голубое платье с золотой вышивкой, бездумно смотрела на зимний сад. Она была растеряна. Огромное душевное напряжение отступало, холодная логика пыталась найти разумное объяснение все-

му, что произошло. Она сошла с ума и не иначе. По-другому и быть не могло.

Накануне охоты она получила письмо от Луи, в котором ее старший брат описывал странные и пугающие вещи. Он писал о поражении королевства Дрейтон, о кровожадных существах, что превосходили доблестных солдат Оринберга скоростью и числом. Жанна решила, что Луи шутит, чтобы посмеяться над легковерной сестренкой. Но теперь ей было не до смеха.

Но как? Как она попала к этим... чудовищам? Или они подошли так близко к столице?

Фауст появился тихо и не заметно. Точно из воздуха соткался высокий и гибкий силуэт.

— Не тревожься. — Мягко произнес он, вкладывая в слова что-то особенное, успокаивающее. — Здесь ты в безопасности.

Девушка вздрогнула от неожиданности, обернулась на бархатный голос. Тревога угасала как тлеющие угли в глазах этого существа. Бояться было нечего. Кроме короля... До сих пор она видела перед собой его острое скуластое лицо, переполненное отвращением.

— Кто он? И почему вы говорили обо мне, как о куске мяса? — Бледным голосом спросила она. — Слово я — хромая лошадь на рынке.

— Прости. — Он вздохнул, взял ее руку за кончики пальцев, слегка коснулся губами. — Кейн слишком прямолинейный и жестокий. Война — вот его интересы. Мы — верийцы, нам свойственно думать о людях, как о еде.

— Верийцы? — Она задумалась. — Пьете кровь? Так почему ты не убил меня? — Девушка холодно отстранилась. — Зачем оставил жизнь и ведешь себя так, будто мы давние друзья? Тебе какая выгода от моей жизни? — Она попыталась встать, но изнеможенное болезнью тело отказалось повиноваться.

Жанна застыла, ожидая реакции. Похоже, не все эти твари вели себя высокомерно и вспыльчиво. Лицо Фауста, обладающее чертами, несомненно, благородными, осталось радушным, не смотря на услышанные обидные слова.

— Верийцы питаются чужими душами.

— Не все ли равно? Живете за счет других — значит, вампиры. — Упрямо заключила Жанна.

— Как тебе будет угодно.

— Я хочу домой. — Девушка нахмурилась. — Я не знаю, как сюда попала, ваш король может быть спокоен: даже если я расскажу о вас другим людям — меня поднимут на смех и отправят в дом для душевнобольных.

— Я спас тебе жизнь. — Князь зажмурился, точно кот. Голос его тоже напоминал мурлыканье.

— Да, это так. — Нехотя согласилась Жанна. — Чем я могу отплатить тебе за это? Надеюсь, верийцы не лишены благородства. — Надменно закончила она.

— Можешь не сомневаться, дорогая. Мне будет очень приятно, если ты удержишься в моем мире в качестве гостя.

Жанна прикусила побелевшие губы. Однако взгляд золотых глаз быстро погасил тревогу.

— Кое-что я поняла. — Кивнула она. — Тебе нужна игрушка? На подобии экзотического животного в зверинце? Боюсь, что ты выбрал неподходящую кандидатуру. — Она холодно и надменно окинула его взглядом, отвернулась.

— Ты ошибаешься. Мое любопытство вполне оправдано: смертные нашего мира больше похожи на диких животных. Мне еще не приходилось встречать

такую утонченную и сильную девушку. К тому же, мы уже знакомы, разве нет?

Жанна нахмурилась.

— Очень странный способ познакомиться. — В ее голове возник образ черного волка, что не так давно ранил ее на охоте.

— Только не для меня! — С чувством отозвался чужак. — С первой капли крови...

Она поежилась.

— Нет, нет. Не бойся. — Спыхватился князь, прижимая руки к сердцу. — Я не причиню тебе вреда... больше.

— Думаю, после сегодняшней ночи меня трудно чем-то испугать. — Горько улыбнулась она.

— Только не в Маледиктусе. — Пожал плечами Фауст. — Здесь может произойти все что угодно.

— Что такое Маледиктус?

— Все, что ты видишь вокруг. — Он развел руки, Жанна невольно осмотрелась по сторонам. — Крепость. Город верийцев. Сердце Сумеречного Королевства.

— И ты живешь здесь? — Жанна с интересом коснулась ближайшей стены ладонью.

Стена оказалась на удивление теплой.

— В основном — да. — Фауст предложил ей руку. — Но у меня есть свой замок. И я увезу тебя туда. Хочешь осмотреть Маледиктус?

— Мне кажется, безумный король-злюка не будет в восторге от моего присутствия. — Ехидно ответила она.

Фауст усмехнулся. Девушка действительно была не из простых.

Даже если она встанет на цыпочки — ее голова едва будет доставать до подбородка верийца.

«Какие же они высокие и мощные по сравнению с нами» — Не без восхищения подумала она.

— Мы не задержимся здесь, Жанна. Если тебе не интересно — можем уехать прямо сейчас.

— Нет, нет. — Возразила графиня. — Я все еще не могу прийти в себя. Но с тобой мне не так страшно. Во всяком случае, ты не пытаешься запугать меня или убить.

То, что Фауст называл Маледиктусом, являло собой огромный город-крепость, что вращал одной половиной в горную плоть.

Жанна запомнила не много: высокие черные башни, множество комнат, лестницы, коридоры, в которых встречались мужчины и женщины в красивых одеждах или сияющих доспехах с пересекавшимися в узор линиями... Были среди жителей крепости простые люди. Они все время молчали, их испуганные глаза смотрели в пол, а руки сами выполняли свою работу. Некоторые носили какие-то знаки отличия и выглядели вполне удовлетворенными своим положением.

Маледиктус не спал ни днем, ни ночью. Каждое мгновение по его бесконечным просторам прогуливались верийцы, спешили курьеры, едва слышно скользили тени. Несколько этажей вверх, вдоль скалы, и вниз, к подвалам и сырým камерам узников.

Пожалуй, здесь можно было блуждать бесконечно. Крепость была красива и ужасна одновременно. Среди залов с высокими сводчатыми потолками вполне можно было наткнуться на распятого узника или давно истлевший скелет какого-то преступника.

Были залы, посвященные победам Кейна и его предшественников, часовни во славу старого бога и нового, библиотеки и множество скульптур, статуй, фресок.

— Никогда не ходи в Маледиктусе одна. — Предупредил ее Фауст.

Жанна согласно кивнула: она не сумасшедшая.

Маледиктус дремал в долине среди заснеженных горных вершин. Солнце в Сумеречном Королевстве было тусклым. Пелена белесых, выцветших туч затягивала бледный розовый диск. Широкий овраг заполняла холодная горная река, стремительно мчалась дальше, рассекая долину на две части.

По высоким стенам смело могли проехать две кареты, абсолютно не соприкоснувшись друг с другом.

Густой заброшенный сад в одном из внутренних дворов служил местом для прогулок Фауста и Жанны.

— Перед тем, как все это случилось со мной, я встретила двоих странных молодых людей. — Призналась Жанна.

В саду было тихо, только ветер завывал в каменных изваяниях, изображавших каких-то страшных крылатых зверей. Под ногами хрустел снег.

— Кажется, я знаю, о ком ты говоришь. — Кивнул Фауст. — О паре дезертиров-полукровок.

— Да, они так и сказали: дезертиры. — Удивилась она. — Значит, это ваши...

— Это мои подчиненные. — Подтвердил Фауст. — И боялись они меня не напрасно.

— Что с ними стало? — Взволнованно спросила Жанна, плотнее кутаясь от холодного ветра в меховую шубку.

— Они получили по заслугам. — Холодно ответил Фауст. — О, я обещал тебе... — Вдруг вспомнил князь.

Он протянул ей браслет, сделанный из странных белых камней.

Девушка взяла украшение в руки и тотчас же уронила на пол: браслет был сделан из человеческих зубов!

Князь удивленно посмотрел на лоринку.

— Для бус было слишком мало. — Растерянно произнес он, поднимая украшение и снова предлагая Жанне принять его.

Жанна поежилась и опустила глаза.

— Я не могу это взять. — Тихо ответила девушка.

Фауст задумался, но настаивать не стал, спрятал браслет обратно в карман мундира.

Какое-то время шли молча. Она думал обо всем, что происходило в Оринберге, об убитых крестьянах, о тревожных новостях. О Луи. О своей семье.

— В нашем мире есть легенда о Великой битве. В ней упоминаются высокие люди с золотыми глазами. — Она робко нарушила тишину.

— Это битва против обезумившей Сахрезейи. — Кивнул князь и с любопытством взглянул на свою спутницу. — Ты знаешь о Великой битве?

— Это — легенды диких племен. Миф.

- То есть я — тоже миф? — Рассмеялся князь. — Я иду рядом с тобой.
- Прости. — Она смутилась. — Я просто хотела... Расскажи мне.
- В другой раз. — Сдержанно пообещал он.

Глава 3

Князь Гевальт

*Сменялась светом тьма, и ночью день
Была иллюзия прочна
Ты засыпал опять, и просыпался вновь
Но сон — не прекращался никогда
Теургия — «Гений сновидений»*

В Маледиктусе Жанна провела несколько дней, пока лекарь не убедился, что девушка абсолютно здорова. Она не стремилась ходить по крепости, в которой обитало слишком много золотоглазых существ.

За дверями чудился шепот и шорох. Вид из окна выходил на горы и раскинувшуюся внизу долину. Монотонные черно-белые оттенки лишь на закате сменялись лиловыми и нежно розовыми цветами.

Наконец, они покинули крепость.

Дорога вилась серпантинном через ущелья, слева нависали каменные груды, справа бесновалась река. Дух захватывало от одной мысли, что будет, если случится обвал и карета полетит вниз!

Но извилистый путь свернул в сторону и пошел под уклон. Сумерки окончательно сгустились, чужестранка уснула, убаюканная мерным ходом лошадей.

Если Маледиктус казался сном, а его обитатели — сказочными чудовищами, то именно здесь, среди красных высоких стен, пришло сознание действительности.

Волчий замок стоял у подножия горы, возвышаясь над долиной. Его четыре башни тонули во мгле, рассмотреть что-либо ночью было сложно. Стяги густого винного цвета, с черным волком, что воет на полную луну, украшали замок изнутри и снаружи.

— Это — Волчий замок. — Прервал тишину вериец. — В роду Гевальт верят, что окрестные волки — это души предков, которые обрели свой последний приют. Каждый из моих потомков обладал способностью перевоплощаться в этого беспощадного зверя. Впрочем, теперь, нас осталось трое.

Сердце Жанны съежилось от ужаса, когда она увидела на стенах клетки с костями и полуистлевшими трупами.

— Тебе ничего не угрожает, поверь. — Хозяин замка проследил за ее взглядом.

Жанна рассеянно кивнула. В одной из клеток, оскалив беззубый рот, скрючился покойник. Несомненно, труп был еще свежим, хотя вороны и поклевали его. Она узнала в нем своего бывшего друга, Рамиреса. Узнала по светлым волосам и некогда богатой и красивой одежде, теперь залитой кровью и забрызганной грязью.

Как бы ни кляла она старых друзей за все, что они собирались с ней сделать, ей было жаль этих обаятельных и скрытных юношей.

Фауст удивленно приподнял бровь: она жалела убитого искренне, точно не по его вине очутилась в этом мире. Это сострадание смутило верийца. Вот почему чужестранка не приняла его подарок.

— Я держу свое слово: они поплатились за свои преступления перед коро-

лем. — Будто оправдываясь, произнес он.

Карета остановилась, князь помог девушке выйти. В полумраке их встречали слуги с подсвечниками в руках: пять женщин и шесть мужчин в темно-серой униформе. Женщины исподтишка бросали любопытные взгляды на гостью: кто такая?

Слуги были молчаливы, но усердны. Смертные не то чтобы боялись своего хозяина, скорее дорожили своим местом и возможностью жить под его покровительством. И улыбались они гораздо чаще людей из Маледиктуса.

Встречались в замке полукровки, а также Истинные верийцы, из тех, что когда-то присягнули дому Гевальт. Абсолютно все были заняты своими делами, отрываясь лишь для того, чтобы поприветствовать своего господина. Они не боялись князя, в их глазах светились преданность и обожание верной собаки.

К приезду гости готовились наспех, а потому, некоторые комнаты сияли чистотой и уютом, в то время как в других сохранялась затхлая и пыльная атмосфера заброшенности.

Потолки замка украшали фрески, мебель была сделана из драгоценных пород дерева. Изысканными витражами смотрели на гостью окна галерей, глубоким мягким ворсом ковров встречали гостиные, через которые ее вела одна из служанок.

Да, Волчий замок уступал Маледиктусу размахом и величиной. Но он не был так страшен, как твердыня бессмертных.

Рейна понравилась Жанне сразу. Молодая девушка болтала без умолку о всяких мелочах, расспрашивала о ее впечатлениях от Маледиктуса, и вообще, всячески выражала восторг по поводу появления гостью в замке.

Гостья лишь удивлялась, что служанка свободно владеет ее родным языком, не успевая осмотреться по сторонам, шла за своей провожатой.

— Сюда, госпожа. Я вам и ванну горячую приготовила с дороги то. И одежду свежую. Устали, небось.

Они поднимались по круговой лестнице все выше и выше. Бесконечные коридоры, гостиные, еще лестницы, несколько этажей вверх. Наконец, дверь вывела их в длинную галерею с огромными окнами. Перед взором Жанны предстали величественные горы. Их могучие очертания простирались далеко, на сколько хватало взгляда, щетинились густым лесом.

— Тут никто давно не живет, но князю это крыло больше всего нравится. Здесь и оранжерея на крыше, и до библиотеки недалеко, вы ведь любите книжки читать?

Жанна лишь кивала головой. Смешливое веснушчатое лицо Рейны совсем не вписывалось в мертвую обстановку замка.

— Я страсть как люблю истории про чувства. — Рыжие локоны служанки смешно взвились. — Только я плохо читаю, госпожа. Это у нас Герда грамотная.

Комната Жанны была простой и аккуратной. Кровать с воздушным полом, бюро, пара кресел и маленький ажурный столик. Золотистые портьеры прятали широкие окна, стены, облицованные вишневым деревом, украшали пейзажи в резных рамках. Рейна увела свою гостью в смежную комнату, где притаилась горячая ванна.

Жанна позволила себя раздеть и искупать. В голове снова всплыла ужасная

ночь в охотничьем домике. Как же сейчас ее семья? Матушка места себе не находит! Отец жалеет, что оставил ее одну...

А Маргери? Как же Маргери? Ведь они всегда были вместе. Все поездки, все путешествия — только семьей. Даже на день совершеннолетия Жанны, Маргери умудрилась тайком посмотреть на бал, а потом прокралась на кухню, чтобы попробовать торт. А Луи? Он уже знает?

И она представила себе, как ее высокий статный брат сломя голову мчится в родовое имение, бросая службу. Как отчаянно и тщетно разыскивают ее, Жанну, по охотничьим угожьям герцога Свейна.

О, Луи устроит скандал! Может, вызовет герцога на дуэль. Луи — это не отец, кровь в нем кипит, он не потерпит оскорбления своей семье, не проглотит оправдания даже от королевского брата.

— Да вы дрожите вся. — Рейна укутала гостью, помогла выбраться из ванны. — Не окрепли еще от болезни! Ох, я этим лакеям задам! Комнату не протопили совсем! Все в спешке! Нам его светлость только вчера приказ передали то! И не приготовились толком! Мы же, это, отвыкли гостей то принимать!

Рейна растирала худенькие плечи гостьи пушистым полотенцем, бережно промокнула мокрые волосы другим. За делом рыжая кудрявая горничная продолжала без умолку свою болтовню.

— А вот пять лет назад еще балы давали, тогда и старая княгиня в последний раз приезжали! Ох, не к ночи ее помянула! Никак нагрянет опять! Злющая она, все его светлости пеняет за разорванную помолвку с... Ой, что это я! — Всплеснула руками Рейна. — Это лишнее уже! Простите, госпожа, я не то...

Жанна беззвучно заплакала. Она только сейчас осознала, что не спит. Все происходило с ней на самом деле. Ожившие из мифов чудовища, чужой мир, полный опасностей. Где она сейчас? Сможет ли выжить и вернуться домой?

До сих пор ей удавалось подавлять свои страхи, была надежда вернуться домой, ведь Маледиктус, кажется, был совсем рядом от ее дома. А сейчас она отдалилась еще. И это, к сожалению, не сон, не розыгрыш — этот странный и безобразный Верес.

— Что это? Что за слезы? — Горничная всплеснула руками. — Я вас обидела? Ну-ка, ну-ка. Такая красавица! Лицо сейчас в миг опухнет. Вон уже нос покраснел.

— Мне страшно. — Прорыдала Жанна. — Я хочу домой.

— Великая Ночь! Только приехали — уже домой! — Всерьез разобиделась Рейна. — А для кого же я пол замка перемыла? Вы думаете, мне эти дурехи помогали? А Варвара для кого весь день на кухне старалась? До сих пор переживает: пересушила утку, али нет! Что придумали! Ну-ка, ну-ка, вытираем слезы. Нам еще пол ночи танцевать!

— Как танцевать? — Удивилась Жанна. — Я никуда не пойду. — Она замотала головой, плотнее завернулась в простыни. — Пускай сразу убивает. Еще не хватало — развлекать. Ты видела мертвецов в клетках? Меня потом — тоже...

Она снова зарыдала.

Рейна встряхнула Жанну за плечи.

— Князь Гевальт вам не упырь какой-нибудь. Да мы все молимся на него, простит нас Великий Кейн. Он же Истинный. Благородная кровь. За зря чужие

жизни не переводит. А эти на стене — предатели и преступники-полукровки. — Рейна беспечно махнула рукой.

— Я ничего не понимаю. — Жанна удивленно уставилась на Рейну. — У вас здесь просто сумасшедший дом.

— Я вам потом все объясню. — Рейна снова принялась растирать Жанну полотенцем. — А хотите — князя расспросите. Он лучше расскажет. Он ученый, не то что мы — смертные. А сейчас — переодеваться, и чтоб никаких слез! А бояться, госпожа, у нас некого. Никто вас пальцем не тронет, уж я прослежу.

Жанна впервые улыбнулась: горничная выглядела грозно и решительно. А что она могла против своего господина?

Но на душе стало спокойно.

— Волосы то какие! — Вздохнула Рейна. — Загляденье! Мы их сейчас высушим, Герда прическу сделает! Она раньше у княгини-матери служила! Да та совсем разлютовалась после... Опять я лишнее! В общем, отправила девчонку к нам. Никак шпионить наставила.

Дверь отворилась и вошла еще одна девушка. Не в пример Рейне, вторая горничная выглядела отстраненно и собрано. Она вежливо кивнула гостье.

— Князь велел помочь вам одеться. Меня зовут Гердой.

— Явилась наконец-то! — Хмыкнула Рейна. — Давай, давай, поторапливайся! Госпожа тебя до рассвета ждать чтоль должна? — Рейна уперла руки в боки.

Несмотря на свой добродушный вид, Рейна явно имела власть над слугами, потому как Герда лишь поджала губы и принялась расчёсывать и сушить волосы Жанны.

— Вы, госпожа, не обращайтесь внимания: у нас тут половина слуг пришибленные от страха после войны с Невеккет. Весь мир на ушах стоял, ну и смертным досталось маленько.

— С кем? — Удивилась Жанна.

Она сидела возле зеркала, наблюдая за работой Герды. Горничная ловко собирала локоны в простую, но красивую прическу.

— Ты в своем уме, Рейна? — Вдруг подала голос Герда. — Откуда ее светлости знать такие вещи? Простите, госпожа, гости из других миров у нас не бывали прежде. Князь сам расскажет все, что посчитает нужным. — Обратилась она к Рейне. Ее зеленые глаза гневно сверкнули.

Рейна хотела отчитать девушку, но передумала. Так и застыла с открытым ртом, вызвав невольную улыбку Жанны.

— Да что-то заболталась я. — Спыхватилась Рейна. — Платье ее светлости помощи выбрать.

Рейна проводила молодую гостью в столовую, где ее уже ждал хозяин замка.

— Замечательно! — Он обошел ее вокруг, рассматривая с головы до пят.

— Благодарю. — Девушка покраснела. — Платье, действительно, прекрасно.

Своих вещей у девушки не было, но Герда приготовила для нее все необходимое. У князя была супруга или сестра? Одежда пришлась в пору, точно мерки снимали с самой графини.

— Что за вздор. Оно прекрасно только благодаря тебе.

— Вы смущаете меня, князь.

— Дорогая, давай оставим светский тон, ведь мы почти друзья, верно?

Жанна покорно кивнула.

— Ты боишься меня? — Князь нахмурил черные брови. — В Маледиктусе ты чувствовала себя увереннее. Посмотри на меня.

Девушка вскинула испуганные как у зверька глаза.

Лицо у князя было красивым и приятным, но привычка повелевать проглядывалась как в плотно сжатых тонких губах, так и в чуть надменно приподнятых бровях. И было что-то чужое в больших золотых глазах.

— Я не причиню тебе вреда. — Пообещал он, и Дар, вложенный в слова, Дар убеждения, подействовал моментально.

— И я когда-нибудь вернусь домой?

— Разумеется.

Блюда вовремя ужина были вполне привычны: никаких отрубленных руки и крови. Фауст рассмеялся и чуть снисходительным тоном объяснил:

— Кровь утоляет голод только полукровок, дорогая Жанна. Они черпают в ней бессмертие и магию чужих душ. Истинные обладают Даром извлекать эту энергию без физического контакта.

Жанна недовольно приподняла бровь, ей не понравилось, что к ней обращаются свысока.

— Я бы хотел показать тебе весь замок, но, боюсь, его сначала нужно привести в порядок. Это займет время. Быть может, моя коллекция картин развлечет тебя?

— Буду рада. — Вежливо улыбнулась гостья.

Она совсем не знала, о чем говорить с хозяином замка, чувствовала себя неловко. Пристальное внимание только вызывало тревогу.

В картинной галерее девушка долго блуждала, рассматривая работы незнакомых ей художников. Она то подходила совсем близко, то делала несколько шагов назад. Ее губы тихонько бормотали, а глаза восхищенно лучились.

— Кто писал эти полотна? — Наконец восторженно спросила она.

Фауст все это время смотрел на нее саму как на создание какого-то мастера.

— Так ли это важно? — Его янтарные глаза изучали каждую эмоцию Жанны, сознание осторожно соприкасалось с мыслями гостьи.

Девушка была красива. Совсем юная, немного наивная. Однако же в ней явно скрывался упрямый и сильный характер, живой ум и богатая фантазия. Возможно, поэтому она и не сошла до сих пор с ума от всего, что с ней случилось: ее это не шокировало.

— Тебе понравились работы? — Спросил он.

— Они восхитительны! Я никогда раньше не встречала такой манеры письма. Если не ошибаюсь, здесь представлены работы десяти разных художников.

И она увлеченно принялась объяснять все, что показалось ей интересным, какие детали заставили прийти к таким выводам, то и дело водила рукой по полотну, трепетно касаясь загустевших красок.

Фауст слушал ее внимательно, продолжая изучать каждую черточку, каждое движение.

— Тебе скучно. — Осеклась Жанна.

— Напротив. Эти полотна я собирал много лет, мне приятно, что кто-то смог оценить их по достоинству.

— У тебя прекрасная коллекция! Жаль, что сейчас темно. При солнечном

свете они смогли бы рассказать больше.

— Через два часа рассветет. — Он протянул ей руку. — Думаю, моя библиотека тебе тоже понравится. Идем, тебе стоит отдохнуть.

— Время пролетело так быстро. — Искренне удивилась Жанна. — А я так и не задала своих вопросов.

Они покинули галерею, и вышли на смотровую площадку замка.

— Горы скрывают солнце, но оно скоро взойдет. А твои вопросы... У нас еще будет возможность поговорить.

С площадки открывался вид на прекрасный парк и вереницу гор. Внизу шумела река. Небо, серое, затянутое хмурыми тучами, действительно начинало бледнеть.

— Я должен вернуться в Маледиктус. Несколько дней меня не будет.

— Кто-нибудь в замке, кроме Рейны и Герды, говорит на моем языке также хорошо, как ты?

— Не все. Но они научатся. — Фауст позволил себе улыбнуться. — Ты можешь делать все, что захочешь, только не покидай пределы парка.

— Мне немного не по себе... — Призналась Жанна.

— Если что-то понадобится — скажи Рейне.

— Кто вы такие? — Почти прошептала Жанна тот заветный вопрос, что мучил ее все это время.

Фауст улыбнулся, предложил ей присесть на скамейку, снял свой камзол и накинул на плечи девушки, чтобы она не замерзла.

— Мы — верийцы. Когда-то давно бог Верес создал восемь первых Истинных из своей крови. Они помогали ему собирать умершие души и возвращали эту энергию в Маледиктус, чтобы новые существа могли появиться на свет.

Жанна слушала внимательно, представляя себе неведомого бога, который населил свой мир смертными. Люди плодились и умирали, Верес не успевал справляться со своими обязанностями.

— Значит, вы лишь отдаете души своему богу? — Она почувствовала облегчение: не столь ужасны эти создания!

— Уже нет. — Покачал головой князь. — Все изменилось. Души дают могущество, вечную молодость и бессмертие. У нас появились Дары Вереса — особенности, которые наделяют нас умениями как опасными, так и созидательными.

— Вы не устояли перед соблазном?

— Верес сам позволил нам. Пришли тревожные времена, ему нужна была армия. Было недостаточно свободной материи, мы начали забирать чужие жизни. А потом и вовсе разучились видеть мертвые потоки. Мы стали превращать смертных в полукровок, меняя их природу. Так смертные стали слабой ступенью мира Верес. Они начали опускаться все ниже и ниже.

— А битва с богиней? — Жанна ловила каждое слово.

— Думаю, тебе стоит узнать историю с самого начала.

Первые лучи солнца выглянули из-за горизонта.

— Нам пора. — Вериец торопливо потянул девушку обратно в тепло замка.

В распоряжении Жанны был последний этаж восточного крыла замка, с великолепным видом и небольшой оранжереей на крыше.

Тоска и одиночество угнетали, мысли о доме не покидали ни на минуту. Она боялась выйти из комнаты. Двадцать шагов в одну сторону, пятнадцать —

в другую. Маледиктус все еще жил в памяти и было не известно, насколько безопасен Волчий замок.

Она сидела в мягком кресле возле окна, и ей казалось, что мир за витражным стеклом не существует. Только ее комната, где она изучила каждый отрезок.

Рейна всегда улыбалась и принималась болтать. И рядом с ней было тепло и спокойно. Простая и прямая, экономка расспрашивала гостью о ее мире, рассказывала о своем.

Понемногу любопытство взяло верх, лоринка позволила Рейне уговорить себя покинуть комнату. Девушка водила Жанну на кухню, где смешливая пышная женщина назвалась Варварой и, ломая слова, расспрашивала о том, нравится ли ее стряпня.

На кузнице широкоплечий великан подковывал лошадь. Жанне позволили угостить животных сахаром. Девушка осмелела настолько, что выхватила у помощника кузнеца, тощего юноши, щетку, и принялась чистить бока бело-снежной кобылице.

За этим занятием ее и застал князь Гевальт.

Фауст появлялся с закатом, уходил в середине ночи. Он говорил, что день и солнце — не опасны для его расы. Однако, подобно людям, верийцы лучше чувствовали себя в свое время суток.

Солнечные лучи обесцветили чарующую красоту верийца, превратив его в бледный набросок: светлая кожа стала пугающе-алебастровой, зрачок превратился в тонкую нить, глаза — в золотую бездну.

Жанна испуганно вздрогнула, столкнувшись с его взглядом, и спряталась за лошадь.

— Я хотел показать тебе библиотеку.

Голос у хозяина замка был приятным и бархатным, но сейчас совсем не вязался с его внешностью. Одновременно отталкивающий и по-своему красивый.

— Да, разумеется. — Жанна не поднимала глаз от лошадиной шкуры, боясь снова увидеть это чудовище.

Наконец, она пересилила себя, не желая проявить невежливость.

К счастью солнечный диск уже ушел за горизонт, перед Жанной снова стоял высокий мужчина с точеными чертами лица.

Князю нравилось ее живое, искреннее любопытство ко всему новому. Она заставляла Фауста читать ей вслух, а затем попросила обучить веалору, — языку верийцев, чтобы читать самой и общаться с другими обитателями замка.

Ждать и проявлять терпение Жанна не умела, а потому, следующие несколько часов старательно выводила замысловатые буквы, произносила непривычные и резкие звуки.

— У тебя получается довольно хорошо. — Отметил Фауст.

Желание получить что-то сиюминутно, не откладывая, было присуще лоринке. Она не была капризна, но упряма и настойчива.

И он всегда с интересом слушал ее рассказы о доме. О людях, о традициях и обычаях, о законах и взаимоотношениях государств между собой. Казалось, ему нравилось, что Жанна знала так много. Большинство женщин Оринберга пренебрегало книгами, если только это не любовный роман.

«Книги — для мужчин» — Твердил отец. А Луи приносил ей географические атласы, описания путешественников и красивые альбомы с грифельными рисунками художников. Он покупал все это в разных городах и странах, куда забрасывала его служба в доблестных войсках его величества. И всегда, в каждом городе, Луи находил школы живописи, выкупал рисунки учеников, а если хватало денег — настоящих мастеров. Он знал: сестра любит живопись и очень надеется поступить в Женскую академию при монастыре святой Натальи.

У этой маленькой смертной на все было свое мнение. Жанна горячо отстаивала свою точку зрения, но также умела признать правоту собеседника.

Взгляды верийцев на мироустройство приводили ее в ярость! В Сумеречном Королевстве люди считались существами третьего сорта, не способными к обучению дикими животными, которых приручали.

Да, некоторые удостоились чести пройти ритуал Обращения, стали полукровками. Им позволяли служить и умирать в войсках Великого Кейна, но большинство людей все же выполняли черную работу, были слугами и рабами, а то и вовсе — пищей, источником силы.

— Что же тебя удивляет? В вашем мире люди занимают такую же позицию. — Пожимал плечами Фауст.

— В нашем мире нет других разумных существ. — Возражала Жанна.

— А если бы были? Сомневаюсь, что два вида смогут существовать на равных. Один всегда будет пытаться доминировать над другим. Разве ваши государства не воюют за власть и земли? И куда исчезли магические существа Лорин? Они были достаточно разумны.

— Мы истребили их. — Горько призналась Жанна. — Но ведь я сижу сейчас перед тобой. — Она вскочила со своего места, вцепилась ладонями в его ладони, продолжила с нарастающим волнением в голосе. — Неужели я так отвратительна в твоих глазах, что ты смог бы просто убить меня как дикое животное? Просто ради того, чтобы набраться сил?

— Три месяца назад я попытался. Разве ты не помнишь? — Он ответил на пожатие.

Жанна вздрогнула, отстранилась.

— Три месяца. — Завороженно повторили ее губы. — Что же остановило тебя?

В библиотеке воцарилась тишина. Девушка отвернулась к широкому окну, уставилась на занесенный снегом внутренний дворик с застывшим фонтаном и несколькими скамейками.

— Твой запах. Твоя кровь.

Его бархатный голос проникновенно звучал в голове, а перед глазами проплывали воспоминания так, словно Жанна увидела все с его стороны. Увидела и ощутила.

— Как ты это сделал? — Девушка изумленно посмотрела на князя.

Он сидел, прикрыв глаза.

— Я ничего не делал. — Фауст пожал плечами. — Ты сделала это. Ты почувствовала.

Он подошел к ней, с нескрываемым интересом заглянул в ее изумленное лицо.

— Об этом я и говорю: ты другая. Редкая. Из тех, кто хочет создавать, а не

разрушать. Твой разум просто недостаточно развит, чтобы работать в полную силу. Но я хотел бы тебя научить. И это вполне возможно.

— Спасибо, что не считаешь меня безнадежной. — Обиделась Жанна. — Но в Оринберге много хороших и умных людей. Гораздо умнее меня.

Фауст покачал головой, улыбнулся.

— Других я не заметил.

Жанна смутилась и потупила взгляд.

Между тем, все попытки князя сделать комплимент или просто быть вежливым были нелепы. Ей все время казалось, что он смотрит на нее, а видит перед собой хороший сытный ужин.

— Я тебе верю. — Поспешно пробормотала девушка и вернулась за столик с книгами.

Князь с досадой ощутил, что снова не смог правильно подобрать слов. И почему она обиделась?

— Я давно хотела спросить у тебя, — начала она после долгой паузы. — Как ты попал в мой мир? И как случилось, что я здесь?

— Мы разорвали границу. — Просто ответил он. — Лорин — не первый мир, куда мы вторгаемся. И не последний. У Кейна далеко идущие планы на счет всех восьми миров.

— Восьми? — ее брови удивленно поползли вверх. — Великая Лорин! Я только свыклась с тем, что есть другой мир, а их восемь!

— Восемь миров, что создали боги. — Князь взял с верхней полки увесистый фолиант. Он положил книгу перед Жанной, быстро пролистал несколько страниц, пока не нашел то, что хотел.

На выцветшей картинке художник изобразил восемь миров, круглых сфер, что идут друг за другом, образуя кольцо.

— Разве Лорин не учила своих созданий основам? — Фауст указал пальцем на каждую сферу, поочередно называя: Карьяд, Сантер, Лорин, Верес, Невеккет, Сахрез, Болгайр, Арнхос.

Жанна рассматривала иллюстрацию. Она погладила шероховатую страницу, повторила шепотом каждое название.

— Зачем вы вторглись к нам? — В глазах мелькнуло подозрение. — Вы хотите войны?

— Мне будет сложно объяснить тебе все сразу. — Князь захлопнул книгу, протянул ее девушке. — Прочти сама. Потом мы сможем обсудить все. Ты уже достаточно хорошо читаешь на нашем языке. А если какие-то слова будут тебе незнакомы — подчеркни. Я объясню.

Снова «прочти». Жанна вздохнула, прижала к груди книгу. Неужели так сложно просто рассказать?

День в этой стране был много короче ночи, но удлинялся с приходом весны. И белый снег нехотя начал таять, обнажая мерзлую черную землю. Лило-вые тени в парке выцветали, становились нежно-сиреневыми. Лед на пруду уже стал ломаться, коньки, которые смастерил для нее угрюмый кузнец, были брошены.

Фауст стал появляться реже: его дела и заботы требовали времени.

Безлюдные великолепные комнаты замка вызывали тоску. Впрочем, все достаточно быстро пришло в движение: безмолвные слуги наводили блеск, появлялись цветы в изысканных расписанных вазах, огромные окна избави-

лись от вековой пыли, замок задышал, весело затрещали дрова в камине.

Жанна изо дня в день наблюдавшая за своей матерью, разыгрывала теперь роль хозяйки, пыталась внести хоть маленькую каплю привычного уюта в этот чужой дом. Ей была отдана свобода действий во всем, что касалось пределов восточного крыла.

Когда Жанна попросила холст и краски, ей принесли и то и другое незамедлительно. К концу месяца у девушки было множество портретов, натюрмортов, пейзажи.

Она вполне сносно могла построить простой диалог на языке верийцев... Но все это было скудно.

А ей хотелось домой. Хотелось проснуться от этого нелепого кошмара... Она скучала, но разговоры о возвращении пресекались на корню, вызывали у князя какую-то неловкость и обиду. Книга, которую Жанна усердно читала по вечерам, будила тревогу и новые вопросы.

Падение мира Карьяд, захват Невеккет, война между Балгайр и Сахрезеей, Союз Балгайр и Арнхос... Боги воевали, потому что теряли силу.

Они создавали свои миры, играли с ними, словно дети и однажды понимали, что мир вышел из-под контроля. Их создания вытягивали силу, плодились, растворяли своего бога в себе. Так случилось с Карьяд. Богиня исчезла, ее имя стерлось из памяти, храмы разрушились.

Оставшиеся миры нашли другой выход: покорение соседей. Боги время от времени затевали войны между собой, опустошали и истребляли чужой мир, чтобы подпитаться его энергией.

Великая и древняя Сахрезейя впала в паранойю: ей казалось, соседи желают расправиться с ней раз и навсегда, и она напала первой...

Напала на Лорин. Богиня, не приспособленная к войне, чей мир населяли ажурные и миролюбивые существа, обратилась за помощью к Вересу и Сантеру. Между этими тремя богами всегда были странные отношения: Верес во всем поддерживал прекрасную Лорин, а та, в свою очередь, слепо доверяла Сантеру.

Держалась троица особняком от остальных, даже свои миры они расположили рядом.

Никто так и не смог понять, что случилось с мирной и доброй Сахрезейей, но битва оказала огромное влияние на всех оставшихся: Невеккет, самый младший, перестал покидать свой мир, стал угрюм. Балга и Арнхос окончательно утонули в бесконечных стычках между собой. Сантер и Лорин стали еще ближе друг к другу, а Верес...

Жанна задумалась, оторвавшись от страниц: неужели боги способны чувствовать то же, что смертные? Дружить, любить, ненавидеть? Она вздохнула и вспомнила свою семью.

Девушка часто видела во сне свою мать и отца, родное поместье, любимую Маргери и, конечно, ей отчаянно не хватало Луи.

При мысли, что родные, близкие люди, не знают, где она и что произошло, Жанна впадала в беспокойство. И никаких сомнений не оставалось: ее дому грозит беда.

Что-то не спешил вериец рассказывать своей гостье о том, почему и как она вдруг столкнулась с ним, зачем между мирами перекинут тонкий мост?

— Ты говорил, что я смогу вернуться. — Девушка злилась, становилась рез-

кой и нетерпеливой.

— И ты вернешься. Но не сейчас.

— Я слышу это каждый день! Назови точный срок! — Она топнула ножкой по ковру.

Фауст ощутил нарастающее раздражение: он не привык, чтобы с ним так разговаривали. Уж не забывается ли эта смертная?

— Ты не в праве требовать от меня ответа. — Сухо произнес он.

— Ах, да, разумеется! — С сарказмом воскликнула Жанна. — Смертные вообще не в праве что-либо требовать от верийцев! Простите меня, ваша светлость! — Она низко поклонилась, точно была служанкой. — Могу ли я вернуться в свою тюрьму?

— Ты не знаешь, что такое — настоящая тюрьма. — В тон ей ответил князь, резко отложил книгу, что читал ей несколько минут назад. — Ты у меня в гостях, так... — Он сдержался, сжал руку в кулак и опустил.

— Продолжайте, ваша светлость! — Вскинулась Жанна. — Покажите мне ваше гостеприимство! У вашего короля это получилось чудесно!

— Замолчи! — Золотые глаза вспыхнули яростью.

Она обиженно отступила, эмоции бурлили в душе. Жанна прикусила нижнюю губу, засопела, готовая расплакаться как дитя.

Эти разговоры были неприятны обоим и заканчивались ссорой. Обычно Жанна обижалась, не выходила из своей комнаты, отказывалась есть. И совсем не боялась. Ни капли. Ее юность была ключом и нуждалась в такой же юности.

Это ставило верийца в тупик, ведь остальные люди тряслись от одного его взгляда. Слишком сдержанный и правильный, Гевальт наслаждался обществом своей гостьи, но не умел так же беспечно радоваться простым мелочам. Время от времени он забывал, что чужестранка не имеет ни малейшего представления о том порядке, что царит в Вересе.

— Прости. — Фауст протянул ей руку, сделал несколько шагов навстречу.

Но она так и застыла на пороге библиотеки, не решаясь уйти.

— Ты не права. Я не могу тебе объяснить. Не сейчас. Но ты не справедлива ко мне.

— Не думаю, что я хочу знать твои мотивы. Ничего не происходит, князь. Ты ничего не просишь от меня за свою щедрость. — Жанна горько улыбнулась. — Я благодарна тебе за жизнь и за то, как ты со мной обращаешься. Разумеется, это лучше, чем умирать в тюрьме Маледиктуса. И я...

— Я понимаю твою тоску. — Перебил он. — Я не просто так запрещаю покидать замок. Верес — опасный мир, твое желание увидеть его...

— Перестань копаться в моей голове! — Вдруг резко крикнула она.

Жанна давно догадалась, что Фауст иногда считывает ее мысли. Это открытие было неприятным сюрпризом: она не могла от него ничего скрыть! Ни своих желаний, ни страхов, ни планов на побег...

Не мог он просто чувствовать, чего хочет Жанна. Фауст всегда точно знал, чем порадовать свою гостью, желает ли она прогуляться в окрестностях замка, послушать музыку, остаться одной.

Последнего ей хотелось все больше и чаще. Черные мысли кружились в голове Жанны, ее раздражала покорность слуг, замкнутость пространства, в котором ей, смертной чужестранке, дозволено существовать.

— Закончим этот разговор. — Князь подавил сознание смертной Даром. Оставив ее в легком трансе, Фауст покинул библиотеку.

Все тягостнее становились эти эмоциональные стычки. Девушка притягивала своей живостью, красотой, пытливым умом. Из нее вышла бы чудесная полукровка! К сожалению, мироустройство Вереса было Жанне чуждо, противоестественно. И мириться с этим она не собиралась.

Ее вынужденное общество состояло из горничных. Герда нехотя отвечала на расспросы о Сумеречном королевстве и мире, к которому она принадлежал. Ее надменный голос несколько смущал, она смотрела на гостью как на неразумное дитя, раздражающее своей глупостью и любопытством.

В то же время, Герда проявляла интерес к обычаям Оринберга, моде, прическам, танцам и песням. С восторгом рассматривала она наброски платьев, которые для нее рисовала Жанна.

Загадка обширного гардероба была проста: Герда шила одежду, как для князя, так и для Жанны. Вот откуда взялись великолепные платья и изысканные наряды для гостыи.

Болтливая и простодушная Рейна нравилась Жанне больше. Девушка была чуть старше графини, ее живой и добродушный нрав завоевал расположение Жанны. Именно с ней лоринка могла позволить себе любое веселье от вторжения на кухню Варвары и попыток замесить тесто до игры в снежки.

Жанна снова и снова думала, как сбежать из замка и подбивала Рейну пойти на сделку с собственной совестью. Преданность в горничной всегда одерживала верх, хоть она искренне сочувствовала графине.

— Ах, леди Жанна. Если бы не князь — мое мертвое тело валялось бы среди других деревенских. — Поведала Рейна. — Король наш — настоящий тиран, ему бы только убивать. А князь сжалился надо мной и моей матерью. Взял к себе служить. Матушка умерла год назад, так что вы для меня — отрада. Служить буду вам преданно, как князю.

От других слуг толку не было вовсе: все они смотрели на Жанну так, будто она говорила откровенные глупости. Их пугал не столько князь: он был справедлив и щедр по отношению к своим рабам. Смертные боялись короля Маледиктуса и его подчиненных. За пределами замка Гевальт мир обрисовывался черными красками.

— Чем ты так обязана своему господину? — Однажды спросила Жанна. — Разве не верийцы сожгли твою деревню и уничтожили всех ее жителей? А ты заступаешься за него! Ведь это он и ему подобные пришли на ваши земли!

Рейна неловко улыбнулась.

— Верийцы позволяют нам жить, своих земель у смертных никогда и не было.

Жанна на минуту задумалась: все слуги вели себя странно. Будто что-то не договаривали, тщательно скрывали. Весь этот сказочный замок с его идеальными комнатами, улыбчивыми обитателями и невозможностью выйти за пределы парка, казался искусственным. словно перед Жанной разыгрывали тщательно отрепетированный спектакль.

— Смертных больше в Вересе. — Уверенно произнесла девушка. — Но вы боитесь. Точно овцы на бойне. Покорно ждете своего часа.

— За что же так, госпожа? — Обиделась Рейна.

Ее ловкие руки с белоснежной кожей, усыпанной рыжими пятнышками,

застыли над чугунным утюгом.

— Ты трусиха, Рейна. — Разочаровано поджала губы графиня. — Жить лишь бы как — это не для меня. Как мне выбраться из Волчьего замка? Ведь есть же в Вересе другие города?

— Я не могу сказать, я дала слово.

— И кому же ты его дала?

— Господину Фаусту. — Рейна снова принялась отглаживать складки бело-голубого платья для своей госпожи.

— Ну хорошо. — Не унималась Жанна. — Неужели никто из слуг никогда не выходит за пределы замка?

— Нет, госпожа, и не просите! — Возмутилась Рейна.

— Ерунда какая-то! — Жанна сердито топнула ножкой. — Вокруг сплошная военная тайна!

Жанна вышла из прачечной, быстрыми шагами пересекла кухню, выбежала во внутренний двор, где сушилось на веревках белье.

Она задумчиво прошлась по двору, заглянула на кухню, рассеянно кивнула поварихе и ее помощникам. Все глубже погружаясь в свои мысли, девушка не заметила, как забрела вглубь другой половины замка.

Ей никогда не приходилось бывать в западном крыле. Коридор освещался несколькими свечами, но потом проваливался в густой мрак. Жанна взяла ближайший подсвечник, прислушалась к глухой тишине и медленно двинулась вперед, пряча пламя от сквозняка.

Ни звука. Двери почти все были заперты на ключ, а те, в которые удавалось заглянуть, не скрывали за собой ничего, кроме пыльной зачехленной мебели.

В этой половине убранство было скромнее: ни гобеленов, ни статуэток, все просто и лаконично. Коридор разветвился. Поколебавшись, Жанна свернула направо и очутилась возле лестницы, ведущей вниз.

Девушка застыла. Каким-то шестым чувством она понимала: внизу ее не ждет ничего хорошего. Но все было по-прежнему тихо, лишь гулко стучало сердце, да ладони взмокли от волнения.

Жанна набрала побольше воздуха, точно собираясь нырнуть в глубокий омут и начала спускаться вниз. Шаги эхом отпрыгивали от холодных стен, ступеньки стали чуть влажными.

Лестница сделала несколько витков, опускаясь все ниже и ниже, уперлась в массивную дверь, возле которой горела лампада!

«Значит, кто-то все же здесь есть», — Ощутив приступ паники, подумала девушка. И, точно замороженная, потянула дверь на себя.

Коридор кутался в полумрак. То, что это тюрьма не было никаких сомнений. Камеры были пусты, лишь запах сырой соломы, да возня крыс.

Девушка застыла, прислушиваясь. Где-то очень далеко раздался крик!

«Бежать!» Первый порыв почти сдвинул Жанну с места. «Но откуда в Волчьем замке узники? Кто они и за что?»

Лоринка решительно двинулась дальше, ускоряя шаг. Следующее помещение встретило ее несколькими ямами, накрытыми тяжелыми решетками. Холод и сырость стали ощутимы, под ногами что-то юркнуло, Жанна вскрикнула, зажимая рот, чуть не упала! Язычки пламени на свечах опасно встрепенулись, готовые погаснуть.

Полный боли крик стал явственным, к нему добавился грозный пугающий

голос.

Жанна поспешила на звуки, покидая одно за другим помещения: камеры, пыточные с жуткими приспособлениями, на которых засохла, въелась кровь. Кандалы, колодки, топоры и щипцы, дыба и одной Лорин ведомо, что еще за приспособления боли притаились в темноте, будто наблюдая за живой душой, предвкушая. Легкая дрожь пробежала по телу девушки.

Любопытство влекло ее больше страха. Луи всегда говорил, что у нее нет чувства самосохранения. И в тот день, когда Жанна пятилетней девочкой забралась на отцовского скакуна, чудом удержалась на возмущенном животном, которое понесло незадачливую наездницу. Тогда ее перехватил конюх.

И в день, когда она решила переплыть на другой берег реки, где заманчиво атели маки. Жанна внезапно передумала и повернула обратно. И утонула бы, если бы не Луи.

И было еще множество возможностей расстаться с жизнью от любопытства, внезапно возникающих порывов и желаний...

Крик звенел в ушах, кровь стыла от ужаса. Но Жанна нашла в себе силы прикинуть к маленькому окошку в стене, откуда раздавались звуки.

Перед ней предстала кошмарная картина: к столбу был привязан человек, которого беспощадно били плетью! Спина превратилась в кровавое месиво, местами обнажились кости, несчастный уже не стоял на ногах, обвиснув на цепях, что сковывали его поднятые руки.

Грузная низкорослая фигура палача выдавала полукровку или же такого же смертного, как пленник. Мучитель громко выкрикивал вопросы. Из слов Жанна поняла только «где» и «будешь». Ее взгляд скользнул в другую сторону, и она узнала хозяина замка! Фауст со скучающим видом просматривал допросные листы за небольшим столом.

Он что-то сказал палачу, тот кивнул, принялся освобождать пленника. Мужчина рухнул на каменные плиты. Он был молод, чуть старше Жанны, его лицо распухло и посинело от ударов, волосы слиплись от крови, одна рука неестественно вывернулась в другую сторону.

Фауст медленно приблизился к нему, обхватил избитого за горло и поднял вверх! Мужчина забился, задыхаясь, пытался схватиться ладонью за горло! А князь невозмутимо что-то спросил и запустил в живот пленника руку. Раздался вопль, Жанна зажмурилась от ужаса, бросилась прочь и вдруг поняла, что не одна!

Послышался окрик, подсвечник выпал из рук и погас! Ее больно вжали в стену, схватили за волосы и поволокли! Все произошло за два удара сердца. Жанна кричала от ужаса и боли, пытаюсь встать на ноги, но ее тащили и тащили в ту самую пыточную.

Девушку протолкнули внутрь, она распласталась на залитом кровью полу.

— Жанна? — Князь помог ей встать, затем яростно отчитал стража, что привел ее сюда. Слов было не понять, но интонация говорила сама за себя!

Страж что-то растерянно отвечал в ответ, девушка пыталась отстраниться от Фауста, чьи руки были все еще в крови.

Запах боли и смерти вызывал тошноту, было невозможно смотреть на измученного пленника, лоринка зажмурилась, понимая, что вот-вот расплачется.

— Зачем ты пришла сюда? — Он пытался сгладить гневные интонации в

голосе.

— Я просто гуляла. — Она часто задышала, больше не в силах сдерживать себя, залилась слезами.

На полу лежал еще живой человек, но его грудная клетка была разорвана. Несколько ребер валялось рядом, кровь бурным потоком хлестала на пол, заливая изысканные сапоги хозяина замка! Мундир Фауста, его руки, его хищное лицо были также испачканы! А в глазах светились алые искры. Точно перед ней был тот самый волк, каким она его повстречала впервые.

Князь отдал приказ и страж взял девушку за локоть, настойчиво уводя из подземелья.

Как она снова очутилась в своей комнате, — Жанна не помнила. Моментально появилась Герда, принесла чистую одежду, увела гостью в ванну.

— Кто это был? — Ни к кому не обращаясь спросила Жанна, пока горничная оттирала кровь с ее тела. Девушку била мелкая дрожь, она никак не могла согреться.

— Говорят, один из ваших. — Тихо ответила Герда. — А может, кто-нибудь из восточных охотников. Они снова пытаются бунтовать. Не хотят подчиняться власти Кейна.

— Это отвратительно. — скривилась Жанна.

— Это нормально, госпожа. — Покачала головой Герда. — Вся власть замешана на крови.

— Он сам...

— Господин должен внушать страх.

— Он получал от этого удовольствие. — Жанна прикрыла глаза, но снова вспомнила жуткое зрелище, вздрогнула, повела плечами. — Не хочу его видеть, Герда. Никогда.

— Так не получится, — усмехнулась служанка.

Она помогла графине переодеться, расстелила кровать и удалилась, пожелав хорошего сна.

Ждать визита не хотелось. Ни сегодня, ни завтра. Лишь Герда скрылась за дверь, Жанна вскочила с постели, кинулась к гардеробу и обнаружила, что он пуст.

Жанна сжала губы: позаботились, чтоб не сбежала. Этим ее было не остановить! Она зло сдернула с кровати покрывало, завернулась в него, поспешно сунула ноги в ночные туфли: обуви тоже не оказалось на месте.

За дверь стоял страж. Разумеется.

— Я хочу увидеть Рейну. — Жестко бросила она полукровке.

— Не велено... — Косноязычно произнес страж. На вид он был еще мальчишкой лет 16-ти. Но внешность верийцев обманчива.

— Что стоишь как истукан? — Напустилась на него Жанна. — Веди! Рейна! — Она сопровождала свои слова поясняющими жестами.

Страж, видимо, что-то обдумал и кивнул.

Рейна жила на первом этаже, как и все слуги. Ее комната была не далеко, путь занял не больше пяти минут.

Информация в Волчьем замке явно передавалась по воздуху, так как рыжеволосая экономка уже ждала Жанну, наспех одетая в свою униформу.

— Можешь идти! — велела Рейна стражу. Тот послушался. — Госпожа! — Рейна бросилась обнимать девушку. — Зачем же вы...

— Замолчи! — Резко перебила ее Жанна. — Я хочу выбраться отсюда, Рейна!

— Нет, нет. — Экономка замотала головой. — Вы видели, что бывает... — Она опустила глаза. — Господин не так плох. Он не требует от нас многого: нужно только следовать правилам и выполнять свою работу. В других княжествах Истинные могут зверствовать, но только не в Гевальт! — Рейна заговорила полупшепотом. — Здесь каждый получает лишь то, что заслужил.

Жанна все еще злилась. Она ходила по маленькой комнатке Рейны из стороны в сторону. Жила экономка скромно: кровать, умывальник, маленький шкаф с одеждой, небольшое зеркальце на столе. Все простое, но опрятное.

— Да и вам некуда идти, госпожа. — Продолжала Рейна. — Здесь самое безопасное место!

— Княжество Гевальт. — Задумчиво произнесла Жанна. — Большое оно, это княжество?

— Не маленькое, — уклончиво ответила Рейна. — Есть города и села, если вы об этом. Но везде один закон. На каждом месте есть солдаты господина Фауста. Те, кто следят за порядком. И везде один и тот же...

— ...страх. — Закончила Жанна. — Вы все трясетесь. Кого убьют и за что. Сегодня или через неделю... Восточные охотники...

— Не спрашивайте о них! Безумцы! Они скрываются в горах и противятся власти Кейна! Их отлавливают и казнят на площадях, в назидание остальным. Казнят жестоко и долго!

— Прелестное место. — Жанна устало села рядом с Рейной на кровать.

— Если следовать правилам, можно получить Обращение. — Рейна взяла девушку за руку. — Не все так плохо, госпожа. Можно стать одним из них.

— И помогать убивать своих вчерашних друзей, родственников. — Хмыкнула Жанна.

— Вам нечего бояться. Вы гостя. Значит, вы важны для князя. Нужно только...

— Следовать дурацким правилам! — Разозлилась Жанна, вырывая ладонь из руки Рейны. — Что ты все бормочешь мне про них? Что за правила такие?

— Все просто, госпожа. — Ничуть не обиделась Рейна. — Служить и быть покорным, не возражать и быть полезным. Не брать того, что принадлежит господину, не говорить лишнего, не покидать княжества без разрешения хозяина. Наши жизни принадлежат им, и мы должны быть готовы отдать все, что им потребуется.

— Тирания в чистом виде. Они не только ваши души высасывают. Но и вашу волю.

— Что? — Не поняла Рейна. — Разве в вашем мире господа не властны, распорядиться жизнями слуг?

Жанна задумалась.

— Я не сдамся, Рейна. Будь в этом уверена. Я не служанка и никогда ей не стану.

Несколько дней ничего не менялось. Жанна сидела в своей комнате без возможности куда-либо выйти.

«Наказывает, как ребенка, — думала она, — будто я в чем-то провинилась, а не он».

Фауст также не мог зайти к ней, как она, — покинуть свою комнату. Жанна

пылала от праведного гнева, так что хозяин замка даже не пытался показывать ей на глаза.

Это было непонятно, ново для существа, привыкшего, что его бояться и ему подчиняются беспрекословно. Можно было сломить эту волю также, как другие. Или попытаться договориться. Наблюдать за лоринкой оказалось интереснее. Поэтому князь бесцеремонно перехватывал потоки мыслей своей гостью.

Так некоторые мотивы ее поступков стали Фаусту более понятны. Головоломка оказалась интересной, князь попросил своего вассала помочь.

Амос Дитрих не был похож на других верийцев. Все они отличались крепким телосложением и совершенными, благородными чертами лица. Еще бы! Любимцы бога!

Но Амос Дитрих был исключением. Невзрачный, с пустыми бледными глазами, худой и слишком низкий.

Вассал Гевальтов, дом Дитрих был скромен и мал. В его роду не было выдающихся Дарами. До появления этого тихого юноши.

Он обошел весь Верес в поисках знаний, и, говорят, он их нашел где-то в западных землях, на руинах древних языческих племен.

Верийцы называли его Пауком, Плетельщиком снов. Амос обрел удивительный дар проникать в чужие сны, наводить кошмары и морок или вселять в спящий разум нужные мысли. Жертва никогда не знала, откуда и как возникало то или иное решение и, уж точно, никто не подозревал, что его разум подвергся воздействию, настолько тонкой была работа.

К сожалению, на существ более сильных Амос воздействовать пока не мог. Ему были не подвластны разумы Кейна и его приближенных. Но он вполне справлялся с равными себе и более слабыми. Такими как Жанна де Стрейн, например.

В просторной комнате верийцы сидели вдвоем. Малая библиотека князя, где он хранил лишь ту информацию, с которой работал, соединялась с личным кабинетом.

На Плетельщика снов смотрели записи о мирах, сборники легенд, истории государств и их развитие, упадок, правящие династии, бережно собранные подчиненными Фауста сведения о Вересе, Невеккет, Карьяд и Лорин. Личные записи Советника о Сантере — огромная кипа скрепленных между собой документов.

Гость сидел напротив князя, их разделял длинный стол, с аккуратными стопками бумаг. Небывалое довери: обычно вериец держал в секрете все, с чем работал.

— Вытащи ее. Я давно вернул ей все, что забрал. Ее давно никто не опекает. Но смертная упряма. Она не желает даже смотреть в мою сторону. — Произнес князь, не скрывая своего недовольства.

Амос слегка удивился. Покрутил в руках бокал вина.

— Что за развлечение вы себе придумали, князь? Зачем Истинным возиться с этими животными?

— Она лоринка, Амос. Изучив ее, я смогу лучше понять, в каком направлении двигаться дальше. Ее воспитали лучше, чем простых смертных того мира. Значит, вполне можно рассчитывать на знание местных обычаев, религии, правил поведения. Мы наладим отношения с лоринской элитой и заставим

действовать в наших интересах. Это быстрее и надежнее, чем ломиться через густые заросли. Ты сам можешь отыскать в этом сознании необходимые сведения. И девушка даже не заподозрит ничего. Мое вмешательство будет более грубым, скрыть его не получится. Она чувствует, когда я читаю.

— Пытки лоринцев, действительно, дают не слишком много. — Согласно кивнул Амос. Его болезненное лицо снова перестало выражать хоть что-нибудь, кроме безразличия. — Я должен видеть свою жертву. Когда она засыпает?

— В вечерних сумерках. Этой породе тяжело перестроиться под наш образ жизни. Она радуется солнцу и видит мир в примитивном фокусе, как все смертные.

— Можно взглянуть?

Фауст мысленно передал Амосу образ графини.

— Красивая девушка. — Улыбнулся Амос.

— Не для твоей коллекции. — Строго произнес князь. — Ты еще сможешь найти в Лорине новые экземпляры.

Все знали причуду Паука: у него была огромная коллекция красивых существ. Со всех уголков Вереса, из покоренного Невеккет, даже Карьяд. Они спали вечным сном, отравленные ядом, опутанные особыми нитями, что поддерживали в них жизнь. Амос заботился о своих подопечных, его слуги не давали телам умереть, подпитывая растворами, а Паук не подпускал тление и старость, делясь своей энергией.

Иногда он блуждал в их снах, насылал морок, развлекался...

— О, я не претендую. — Примирительно вскинул руки Амос. — Слишком хлопотный образец.

Сон был странным. Сначала Жанна блуждала в саду-лабиринте. Туман не давал увидеть ничего на расстоянии вытянутой руки. Стены из колючего кустарника, тишина.

Затем ее позвал голос. Слова были незнакомы, но она понимала — их дополняли образы в голове.

Лабиринт остался позади, девушка вышла к воротам своего дома, следуя неведомому зову.

— Где ты пропадала, Жанна? — Ей навстречу выбежала Маргери. — Ты оставила меня совсем одну. — Она обиженно надула губки. Легкое голубое платье мелькнуло на тропинке и ускользнуло из вида.

— Подожди! — Едва сдерживая слезы радости, графиня устремилась вслед за сестрой.

Она бежала и бежала, а туманной садовой тропинке все не было конца, силуэт сестры все время мелькал слишком далеко! Жанна уже рыдала в голос, звала Маргери, пока без сил не свалилась на пороге дома.

— Леди не подобает себя так вести! — Над ней стоял, улыбаясь, Луи. Он протягивал ей руку.

Жанна поднялась на ноги, бросилась в объятия брата. Это был он! Высокий, смеющийся, его одежда пахла сухой скошенной травой и немного свежeweыделанной кожей.

— Где ты ходишь, Жанна? — Луи отстранился и, призывно махнул рукой в сторону дома.

Девушка последовала за ним.

В парадной все было так, как в День ее рождения: суета, нарядные гирлянды, топот ног, голоса горничных и лакеев.

— Мы ждем тебя уже давно! — К ней стремительно приближалась мать. — Ты помолилась Лорин? — Ее тонкие брови нахмурились, теплая ладонь погладила щеку. — Непослушное дитя! Скоро гости приедут!

Мать вдруг смешалась с горничными, Жанна тщетно пыталась отыскать ее, но вокруг мелькали только черные платица и кружевные фартуки.

— Жанна, зачем ты поехала на охоту? Кому ты поверила, дитя? — Возле камина в своем любимом кресле сидел отец. Его волосы, с проседью, усталое лицо, печальные серые глаза. — Герцог погубит тебя, а я ничего не могу сделать. — Отец зарыдал. — Я трус, я не спас тебя, дитя.

— Нет, нет! — Она пыталась обнять его, но ее подхватили под руки горничные, щебеча на все голоса.

— Пора собираться, госпожа!

— Сегодня ваш праздник!

— Сегодня!

— Сегодня!

Они тащили Жанну наверх, в ее комнату.

Комната была странной. Все та же мебель, портьеры, картины, безделушки, склянки с духами... И мрачный полумрак. Вместо кровати перед ней оказался темно-лиловый алтарь Лорин.

— Сегодня, госпожа! — Вдруг зашипели со всех сторон горничные. Их лица стали искажаться: глаза загорались алыми искрами, кожа бледнела, силуэты вытягивались.

Жанна оказалась в окружении верийцев! Их руки беспощадно впивались в тело, тащили девушку на алтарь.

— Нам нужна твоя жизнь. — Из толпы вышел король Кейн. В его руках сверкнуло лезвие жертвенного кинжала.

— Пошли прочь! — Закричала Жанна. — Вы ничего не получите от меня! Ничего!

Ее положили на холодный камень, крепче сдерживая извивающееся тело. Кейн уже склонился над испуганной девушкой, занес руку для удара, Жанна закричала, задергалась сильнее. Толпу разъяренных верийцев разметал ярко-голубой взрыв искр.

Жанна удивленно огляделась по сторонам: искореженные мертвые тела валялись вокруг.

— Как ты посмела? — Прогремел голос Короля.

Он остался на своем месте, забрызганный чужой кровью, с тем же кинжалом в руке.

— Ты должна умереть. — Продолжил Кейн.

Девушка почувствовала себя увереннее, поднялась во весь свой невысокий рост и первой бросилась на короля.

Мир перевернулся, она снова оказалась в саду-лабиринте, а навстречу ей выбежала Маргери.

— Где ты пропадала, Жанна? — Беззаботно спросила она.

Жанна почувствовала, как ее бросило в жар от страха: легкое голубое платье сестры было в крови, колотые раны алыми цветами распукалились на груди.

— Нет! — В ужасе произнесла Жанна.

Она хотела подойти поближе, но мир снова перевернулся, она стояла посреди разрушенного города. Дома горели, раздавались крики людей.

— Помоги! — К девушке бежал растрепанный мужчина с обожжённым лицом, на руках он нес какую-то женщину.

Жанна сделала несколько шагов вперед, над головой с оглушительным карканьем пролетела туча ворон, земля под ногами исчезла, девушка полетела куда-то вниз, пытаясь кричать. Звук застрял в горле, будто кто-то плотно заклеил рот.

Следующая картина была странной: посреди большого зала замер невысокий юноша. Вериец. Не такой статный и утонченный, как все, болезненное лицо его исказилось от удивления.

— Как ты нашла меня? — Произнес он с досадой. Золотые глаза сверкнули в полумраке.

Жанна пожалала плечами. Ей вдруг очень захотелось коснуться незнакомца. Лоринка в два удара сердца преодолела расстояние, разделявшее их.

— Не прикасайся! — Резко выкрикнул вериец, вскидывая руку.

С длинных пальцев сорвались тонкие блестящие нити, оплели плечи и ноги Жанны так, что она не могла пошевелиться. Вериец бросился бежать прочь, а стены вокруг снова закружились.

На этот раз она увидела поле, усеянное мертвыми. Закатное небо, хмурое, серое, вытоптанную траву, знамена, грязными тряпками развевающиеся от ветра.

Здесь были лоринцы и верийцы. По полю бродили женщины в черных одеждах. Они наклонялись, светили в лица павших лампадами.

«Ищут живых» — подумала Жанна.

Но рядом с ней проскользнула одна из женщин, в руках сверкнуло лезвие, раздался вскрик.

«Они добивают их!» — Догадалась Жанна.

— Не смотри! — Чьи-то ладони закрыли глаза.

Запах ветивера накрыл удушливой волной.

Сон начал таять, оставляя легкое удивление. Девушка проснулась. Простыни липли к мокрому телу, солнце скрылось среди черных туч, с неба повалил густой снег.

Глава 4

Рада

*В темноте глаза горят,
В них сомненья нет — один азарт,
Волчья стая свой готовит прыжок, Цель есть!
Ария — «Раскачаем этот мир»*

Гость давно покинул Волчий замок, а князь все еще не мог пересилить себя. Конечно же, он видел сон Жанны. В деталях, в подробностях, наблюдая со стороны за тем, как раскрывается сознание.

Задача, которую Гевальт поставил перед своим вассалом, была выполнена частично. Фауст чувствовал это, всякий раз приближаясь к двери своей гостыи. Теперь она жаждала встречи. Ей хотелось поговорить, обсудить свои страхи, снова вопросы, эти неудобные вопросы! Такое милое на вид существо доставляло много беспокойства.

— Это был не просто сон. — Произнес Амос, когда закончил работу. — Это было послание. Решение твоей задачи.

— Какой из них? — Поинтересовался Фауст.

— Тебе виднее. — Пожал плечами юноша.

— Распутай свою паутину, Амос. Что ты сделал?

— Ничего. В самом деле, ничего. Просто залез в сокровенные мысли. — Вериец облизнул губы, вспоминая эмоции своей жертвы. Живые, вкусные страхи. — Дальше она вела меня сама. Это было сложно. Каждый раз, когда я пытался создать иллюзию, сон сопротивлялся, превращаясь в кошмар. Твоя гостыя должна умереть. Подумай об этом.

И он думал. Лежали на столе записи и донесения, информация, с которой Гевальт работал вот уже несколько месяцев. Слухи, старые мифы, неполные, оборванные.

В дверь постучали.

— Что тебе, Рейна? — Прошептали губы.

Он знал, служанка слышит его в своих мыслях. Так он и управлял своим замком. На расстоянии.

— Ваша гостыя, господин. Она хочет поговорить. — Раздался голос за дверью.

Говорить, как верийцы, мыслями, смертные не умели. Только слышали, когда их хозяин этого хотел.

— У меня нет сейчас времени. — Солгал он. И вдруг почувствовал, как стремительно приближается по коридору сама Жанна, почти ощутил, как она касается плеча служанки, отстраняет ее.

— Зато у меня его полно! — Она ворвалась вихрем, прекрасная как никогда.

Ничего лишнего: простое бледно-розовое платье, распущенные жемчужные волосы, ни одного украшения на теле. Картина в оправе. Из тех, что висели в его галерее.

Девушка открыла было рот, намереваясь сказать что-то злое и грозное, но умолкла, подавляемая Даром верийца.

— Рейна, можешь идти. — Приказал князь опешившей от такой наглости служанке.

Когда они остались одни, Фауст жестом предложил девушке сесть.

— Я хочу знать, что дальше. — Будто проснувшись, заговорила Жанна. — Мне по-прежнему тревожно, все непонятно и сложно. Ты избегаешь меня, хотя сам сюда привез. И запрещаешь все.

— Тебе решать. — Князь склонил голову на бок, с любопытством рассматривая собеседницу.

— Тогда я хочу вернуться в Лорин!

Он рассмеялся.

— Великолепно! Ты не спрашиваешь, какой выбор, ты диктуешь условия!

— Я не собираюсь следовать вашим правилам. Они нелепы и ограничивают мою свободу! — Нахмурилась Жанна.

— А также помогают контролировать интеллектуально незрелых существ, поддерживать порядок... Не надо громких слов! — Он прочел волну возмущения и бурю мыслей. — Ты не похожа на наших смертных, и мы с тобой договоримся, кое о чем. Как два разумных существа. Я не враг тебе. Своей природы никогда не скрывал. Можешь быть против всего вокруг, а можешь принять мою помощь и попытаться понять. Тебе решать.

— Ты мучил человека! — Выдавила из себя девушка.

— А ты уверена, что он ни в чем не виноват? — Хозяин замка с иронией окинул ее взглядом. — Вот только не надо пытаться меня, что и кому он сделал. — Фауст пресек ее вопрос. — То, что допустимо в Лорин, не обязано быть правильным в Вересе. На этом и закроем вопрос.

Фауст протянул ей руку. Жанна помолчала, глядя на раскрытую ладонь. Затем протянула свою в ответ.

— Замечательно. — Он слегка пожал ее пальцы. — Продолжим учить язык и разбираться в мироустройстве Вереса?

Она кивнула. Прикосновения к верийцу успокаивали. Больше он не казался ни страшным, ни опасным. Странная, чужая внешность не пугала, скорее завораживала.

— Готов поклясться, милая Жанна, в своем мире ты была белой волчицей. — Он улыбнулся.

— Может, белой вороной? — Поправила девушка.

Вериец перехватил образ и ассоциации.

— Да, так будет точнее для тебя. — Согласился он. — Девушки твоего мира скромны и ограничены правилами. И все они мечтают выйти замуж. А твой нрав и возмутительные принципы создали много хлопот для твоей семьи, не так ли?

Жанна залилась краской, потом почувствовала легкую досаду: как точно и много вериец понимает! И как бесцеремонно говорит о ней.

— Я не хотел обидеть тебя. — Вздохнул князь. Это было так тяжело. — Просто, наши взгляды, наши правила и обычаи очень разные. Могу сказать лишь, что ты чем-то похожа на наших вериек: им тоже многое позволено, они живут так, как захотят.

— Неужели? — Не поверила Жанна.

— О, конечно, есть определенные нормы поведения, законы. Верес чуть менее патриархальный мир, чем Лорин, если ты понимаешь, о чем я.

Жанна не понимала, но мысли ее текли в точном направлении, князь удовлетворенно улыбнулся: обучить, воспитать.

Он не собирался долго играть со своим трофеем, но увлекся настолько, что принял окончательное решение: Жанна де Стрейн не умрет и сон ничего не значит. А свои задачи вериец решит другими способами.

— Почему бы тебе не прочесть вот эти книги?

Вериец подошел к полке, вытащил несколько чуть потрёпанных тома, подумал, убрал два назад.

— Снова книги? — Уныло протянула Жанна. — Почему мы не можем просто поговорить?

— Сложно говорить с тем, кто не понимает, почему ночь — черна, а день — светел. — Безапелляционно отозвался Фауст, на губах его играла усмешка. — Тебе ли не знать, что разум должен уметь воспринимать разные формы информации, а чтение — один из основных инструментов просвещения. Возьми, — он протянул книги графине. — Если у тебя появятся вопросы, — запиши. Я приду чуть позже, тогда и поговорим. А сейчас, пожалуйста, вернись к себе. У меня много дел.

Фауст больше не напоминал кота, что забавляется мышкой, не пытался быть слишком любезным. Таким князь нравился Жанне больше. Почти равным. Почти.

С ней больше не говорили так, будто ей пять лет. Взгляд верийца по-прежнему излучал интерес, но появилось в нем и уважение.

В Вересе жили люди. Много людей. Одно княжество Гевальт расползлось от Костяных хребтов на сотни городов, шесть долин и заняло огромный приток Гремучей реки.

На рисунках изображались женщины и мужчины в разных одеждах, занятые работой в садах, охотой, рыбалкой. Другие трудились в шахтах, судя по всему, добывали драгоценные камни.

Иногда в книге встречались иллюстрации городов и сел. Жизнь шла в обычном порядке, если верить описанию некоего Керена Вейса, кто бы он ни был. Именно это имя значилось на обложке.

И везде один порядок: живи, работай, размножайся, но не забывай, кому обязан всем. Все в этом мире принадлежало детям бога Вереса. И было их не мало. Об этом Жанна узнала из другой книги, посвященной самым влиятельным семействам Истинных.

Смертные платили дань, отдавали юношей и девушек в служение верийцам, особо талантливые получали Обращение. Об этом в книгах было написано крайне мало, но ритуал возвышался как божий дар и предел мечтаний.

«Паразитизм», — подумала Жанна. — «В обмен на долгую жизнь и юность получить вечную необходимость убивать и пить кровь. И вериец утверждает, что они — не вампиры!»

Да, ценность представляла только душа жертвы, но раздобыть ее по-другому полукровки не могли. Да что там! Дары бога Вереса были практически не доступны новообращенным! «Магия» проявлялась только у Истинных, иначе эти нечеловеческие способности Жанна назвать не могла.

Чтение зародило в девушке новую идею: посетить хоть одно поселение княжества. Поговорить с людьми.

Интересно, что будет, если она попытается покинуть пределы парка? Кто остановит ее, если она захочет уйти? Если бы сейчас рядом был ее брат, он бы точно отвесил сестре подзатыльник: опять любопытство толкало Жанну не ту-

да, куда следует.

Девушка окинула взглядом стражника, что расхаживал по высокой стене. Полукровка даже не удостоил ее внимания.

На Сумеречное королевство опускался хмурый вечер. Под ногами хрустели лужи, морозный воздух щекотал нос свежестью, золотистая луна наливалась багрянцем от заходящего солнца.

Жанна прихватила масляную лампу, что висела на стене перед дверью, и решительно направилась в парк. По дорожкам из гравия девушка вышла к замерзшему пруду, затем спустилась к беседке из мрамора, где иногда коротала вечерние часы.

Сухие ветки дубов явственно чернели на фоне бледно-синего неба, ветер заставлял ежиться от холода. Весна была не ласковой. Погода то радовала ясными днями, то срывалась на снегопад.

Парк заканчивался все той же краснокирпичной стеной. Небольшую дверцу никто не охранял, и девушка, не раздумывая, толкнула створку.

Покинуть замок оказалось не так сложно! Если бы она знала раньше! Все быстрее и быстрее удалялась она от красных стен, скрываясь в гуще леса.

Шум реки слышался все отчетливее... Новое, неизведанное манило к себе. Тропинка была узкой, но тут точно кто-то ходил.

Сворачивать в самую чащу не хотелось. Жанна решила, что осмотрит окрестности, чтобы в следующий раз хорошо продумать путь. Ближайшее село было не так далеко: маленький кружочек на карте почти вплотную подступал к Волчьему замку.

Прошло около получаса, прежде чем из виду скрылись красные стены, Жанна поняла, что совершила глупость: лампа в ее руках начинала мигать и гаснуть. Ей надо найти вернуться назад, пока не стемнело.

Ночь становилась сильнее, а холод ощущался все явственнее. Вернуться назад? Но куда? Откуда она пришла? Лоринка сделала попытку найти свои следы, но через несколько минут поняла, что заблудилась окончательно. И каждое следующее дерево стало копией предыдущего, а мелкий снежок уже начал заметать тропинку.

Жанна застыла на месте: рядом кто-то ходил. Мрачный лес наполнился шорохами, скрипами и страхом. Морозный воздух пахнет свежестью, вокруг все черно-белое, застывшее и сонное.

«Вот я глупая! — Кляла она себя. — Не могла дождаться утра!»

Шорохи перешли в отчетливые шаги и утробное ворчание.

«О, нет, нет! Снова волки!»

— Прекрати меня пугать. — С надеждой произнесла она. — Я просто хотела осмотреться.

В ответ она услышала только еще одно рычание, но уже ближе.

Жанна скорее почувствовала, чем увидела крадущееся животное. Она поставила лампу на снег, взяла в руки увесистую палку: не сабля, с которой ее тренировал брат, но хоть что-то.

Волки подбирались не спеша, злые искры глаз сверкали в ночи. Их поджарые серые силуэты скользили плавно, крадучись. Первый бросился на девушку неожиданно, однако ей хватило ловкости увернуться и нанести удар. Палка лишь проскользнула по ребрам зверя и разозлила его. Ловкий и проворный хищник снова принял угрожающую позу, зарычал. Время потянулось неесте-

ственно медленно.

Бежать было бессмысленно. Эти светящиеся глаза внушали животный страх, что жил в людях из поколения в поколение. Страх перед опасным хищником. И чувствовала себя девушка глупой загнанной зверюшкой, которой осталось не так много.

Жанна напряженно следила за волком, дрожа как осиновый лист. Только он был не один: в спину ударили мощные лапы! Посыпались укусы, плоть отозвалась лютой болью! Девушка пронзительно закричала, прикрывая голову руками, стараясь сжаться в комочек. Боль была нестерпимой, липкая кровь покрыла всю спину и бедра. Адреналин ударил в виски, сердце застучало бешеным ритмом...

Внезапно звери отступил. Несколько долгих минут жертва лежала, не смея вздохнуть, одежда стала горячей от крови, перед глазами плясали «мушки». К горлу подступило тошнотворное отчаяние.

Она открыла глаза: никого. С трудом поднялась на дрожащие ослабевшие ноги. Жажда жизни толкнула ее вперед, заставила делать шаг за шагом, оставляя за собой алый след.

Через несколько минут Жанна снова слышала волчий вой. Она ощутила волну ужаса и попыталась бежать, не разбирая дороги, двигаясь медленно и неуверенно, точно во сне.

Возле лодыжки клацнули зубы! Лоринка попятилась, но с другой стороны появился еще один волк! И еще, еще, еще... Стая будто забавлялась охотой. В оскаленных мордах воспаленному разуму чудилось предвкушение, азарт.

Жанна продолжала метаться, понимая тщетность своих усилий. Она еще долго пробивалась сквозь снег и хлесткие ветви кустов, крича от ужаса, пока, обессилив, не упала в ледяное покрывало.

— Пошли вон отсюда! — Хрипло раздалось над головой. — Рада! Уведи свою свору!

Людей было пятеро, двое держали в руках факел, другие — луки. Несколько выпущенных стрел заставили зверей отступить. Послышалось недовольное рычание, обиженный визг раненого пса.

Жанна брела как во сне, стараясь не потерять сознания. Ее почти тащил на себе неожиданные спасители. Стая провожала людей долго, прежде чем раствориться в снежном лесу. Звери выли, но не решались подойти близко.

Смутно запомнился маленький деревянный домик, твердая лавка, на которую ее уложили.

— Глупая девчонка!

Этот голос она знала.

— Ты успела вовремя, Нора. Можешь быть уверена, я не останусь в долгу!

Жанна открыла глаза и увидела лицо, похожее на запечённое яблоко.

— Очнулась, красавица. — Удовлетворенно кивнула бабка и улыбнулась беззубым ртом. — Какой черт понес тебя в волчий лес? Сбежала от одного волка и угодила на обед к целой стае?

Рядом возник князь, но видеть его Жанна не хотела: ей было стыдно за свою глупость.

— Ты совсем довел девчонку, Гевальт! Ей умереть желаннее, чем жить в твоём тоскливом логове! — Бабка сердито ткнула верийца в бок своей клюкой.

Старуха не церемонилась с хозяином Волчьего замка, чем очень удивила Жанну.

Князь несколько не рассердился, скорее, смутился от такой прямолинейности.

— Чем я обидел тебя, Жанна? Зачем ты ушла из замка, ведь я предупреждал! — Он отстранил старуху, погладил девушку по голове. — Я не успел прийти к тебе на помощь. — Он сокрушенно вздохнул. — Смог только предупредить Нору. Зачем ты пошла в лес? — Голос перестал быть участливым, приобретая допросные интонации. — Я только начал доверять тебе.

Жанна отвернулась от него, пряча лицо в подушку. Она не знала, что сказать, ей хотелось остаться одной и в самом деле умереть. Мокрые дорожки слез побежали по пылающему лицу.

— Уходи, князь. Девочке надо отдохнуть. — Нора настойчиво подтолкнула мужчину к выходу. — Иди дальше любезничай со своими душегубами, здесь твои упреки не помогут. Сумасшедшая семейка! Рада чуть ее не убила!

— Я должен забрать ее. — Твердо заявил князь. — С Радой я поговорю позже.

Он едва не касался головой потолка избушки, тесной, пряной, увешанной травами, заставленной кувшинами и кадушками.

— Дай ей отдохнуть. — Серdito оборвала Нора, так звали старуху. — У меня ей дышится легче, чем в твоей клетке. Мы залечим раны и тогда я дам тебе знать. А твоя сестра... Надо было раньше разбираться с родственниками, проклятое племя! Радую усмирить не мог даже твой покойный отец! И нечего нападать на девочку! — Старуха сделала еще шаг в сторону князя, вытесняя его из комнаты.

Как ни странно, раны затягивались быстро. Волки разорвали ей спину, изранил левое бедро. От этой боли было невозможно уснуть, несколько ночей девушка пролежала в слезах, беззвучно крича в пуховую подушку. Ее красивое хрупкое тело было истерзано, изуродовано!

Волшебные мази Норы пахли летними травами и затягивали укусы, будто ничего и не было. Медленно, но верно. Ароматные настойки прогоняли дурные сны, не туманили разум, лишь успокаивали.

Жанне действительно было легче в этом маленьком домике, где все говорило о роде занятий хозяйки: она была знахаркой. О таких юная графиня слышала от своих безродных друзей, детей конюхов, горничных и прочей прислуги.

— Тебе необходимо собраться с мыслями, дитя? — На пятый день Жанна смогла встать с кровати. — Истомила душа по свободе. — Старушка улыбалась, и становилось тепло. — Ты скоро поправишься.

Жанна вздрогнула: снова Волчий замок?

— Никто не говорит мне правду. — Тихо ответила графиня. — Вокруг все фальшивое, я чувствую это.

— Правда неприглядна, дитя. Ты сама все узнаешь. Князь ждет от тебя решения. И не может объяснить, чего хочет. Он и сам не понимает до конца.

— Я устала от загадок, госпожа. — Жанна с благодарностью приняла горячую чашку с отваром. Приятно потянуло мятой и земляникой. — Кто такая Рада?

— Рада Гевальт, — последняя княгиня. — Нора покачала седой головой. — Девчонка еще совсем, ей нет и ста. Резвится с волками, как заиграется, — со-

всем забывает кто она: верийка или зверь. Впрочем, все одно. Занесло ее в гости к брату, а тут ты. Лакомый кусочек, игрушка. Не сердись на нее дитя. — Старушка погладила Жанну по голове. — Я ее уже отчитала. Она придет просить прощения.

— Еще одна сумасшедшая, только ее мне не хватало.

— Ты справишься, девочка. Ты сильная. Береги себя и ничего не бойся. Вечером князь увезет тебя. Но, если захочешь, — приходи ко мне. Только не броди одна.

— Вы спасли меня. Кто вы и эти люди, что были с вами?

— Мы жили здесь еще до появления верийцев. — Нора расправила пучок трав, что все это время тщательно перевязывала. — Они могут победить людей, подчинить себе магию, но они бессильны против самого мира и его природы. Мы — часть Вереса, его основа, воплощение стихии.

— Вы — не люди? — Заключила Жанна.

— Нет, дорогая, мы не люди. Скажу лишь, что с приходом весны я умру, а моя сестра займет эту избушку, чтобы осенью все повторилось с точностью да наоборот. — Старуха рассмеялась.

Мурашки пробежали по коже Жанны. Смех звенел, как кусочки льда в полынье.

— О, не пугайся. — Нора отложила травы. — Дай взгляну на твои раны.

— Будут шрамы? — Жанна покорно сняла легкую сорочку, обнажив грудь и израненную спину.

— Ни в коем случае! — Руки у Норы были теплые и аккуратные. — Будешь как новенькая. Тело — не душа, все перетерпит.

— Вы похожи на мою бабушку. — Улыбнулась Жанна, снова одеваясь.

— Все бабушки одинаковые.

Волчий замок встретил ее заботой. Рейна разрыдалась, ругала свою маленькую хозяйку, заботливо суетилась. Герда учтиво спросила о самочувствии, также не покидала девушку ни на минуту.

Жанна молчала, вяло отвечала, когда требовалось, проспала полдня. После маленькой хижины Норы, Волчий замок казался холодным и мертвым. Жанна искренне привязалась к старухе, хотя та и была странной.

С закатом явился хозяин замка. Он внимательно смотрел на свою гостью, а девушка не знала, с чего начать разговор. И нужно ли вообще что-то говорить.

В маленькой гостиной потрескивали дрова в камине, нетронутый ужин остывал на столике, сверкали разноцветные молчаливые безделушки на полках. Их любопытные нарисованные глазки, казалось, внимательно следили за всем происходящим.

— Я не знаю, чего ты ждешь от меня. — Начала графиня. — Как я могу тебе это дать? Зачем все эти книги и знания, если нельзя выйти из замка? Зачем ты учишь меня? Чего ты хочешь?

Он молчал.

— То, чего я хочу, отдают по доброй воле. — Наконец, заговорил князь. — Давай не будем обсуждать это сейчас. Я еще слишком зол на тебя.

— Мы никогда не будем говорить об этом. И домой я не вернусь. Никогда. — Устало подытожила Жанна. — Не трудись больше лгать мне.

— Ты не можешь напрасно рисковать жизнью. Дай мне еще немного времени. Наберись терпения. Перестань делать глупости. — Он чеканил каждое

слово, снова воспитывая неразумное дитя.

— Твой дом прекрасен, но никогда не станет мне дороже моего собственного. Меня терзают мысли о моей семье. — Горячо заговорила Жанна. — Здесь все чужое для меня. И ты чужой и жестокий в своей заботе. Птицы в клетке не поют, Фауст. Отпусти меня.

— Я же сказал: обсудим это в следующий раз. Завтра я покажу тебе окрестности замка. Направь свое любопытство на что-нибудь полезное! — Нервно ответил князь.

Скандал готов был вот-вот разразиться, когда в комнату ураганом влетела молодая девушка в бардовых брюках и белой рубашке. Она вскочила в мягкое кресло, небрежно закинула сапоги на стол.

— Привет! — Беззаботно произнесла она.

— Рада, что за манеры! — Князь недовольно поджал губы.

— Не будь занудой, братец! — Отмахнулась девушка, но ноги убрала. — Ты красивая. — Обратилась Рада к Жанне.

Графиня, все еще ошеломленная внезапным появлением, сидела, открыв рот.

— Она что — каменная? — Рада смешно наморщила носик. — Я немного, хм... заигралась там, в лесу, прости. — Между делом продолжила она, хватая с подноса яблоко.

— Это ты называешь «заигралась»? — Иронично спросил князь. — Ты ее чуть не убила.

— Ну не убила же! — Насупилась Рада.

— Жанна, это моя сестра. Рада Гевальт. Младшая в роду и не самая воспитанная. — Вздохнул князь. — Рада, это моя гостья, графиня Жанна Аделина де Стрейн.

Рада широко улыбнулась красивыми розовыми губами. На вид ей было лет 15. Черные волосы, заплетенные в две тугих косы, яркие золотые глаза с зеленой искоркой, подвижные тонкие брови и чуть вздернутый нос. На князя девушка походила лишь отдаленно, но, несомненно, была его сестрой. Жанна чувствовала это.

— Теперь извинись, как следует. — Приказал князь.

Рада картинно закатила глаза, но подчинилась. Она отложила яблоко, села ровно, точно в пансионате благородных девиц.

— Госпожа графиня, я прошу прощения за то, что напала на вас. Это поведение не достойно княжеского рода и более такого не повторится. Все, во имя Кейна? — Девушка сердито хмыкнула. Она явно повторяла чьи-то слова, и Жанна точно знала, чьи.

Жанна неожиданно для себя рассмеялась. Рада была настоящим ребенком! Активная, непоседливая, эмоциональная верийка ей очень нравилась и напоминала Маргери.

— Ничего страшного, Рада. — Сквозь смех произнесла Жанна. — Я надеюсь, вы задержитесь в замке?

Рада умоляюще посмотрела на Фауста. Тот вздохнул, но кивнул.

Рада внесла в замок смех и проказы. Девушки часами проводили время вместе, говоря о Вересе.

Наконец-то Жанна получила представление о том, куда попала. Рада болтала без умолку о городах за Костяным хребтом, о деревнях, где на самом деле

можно встретить вполне обыденную жизнь.

Молодая верийка предпочитала скитаться по Вересу в волчьей шкуре.

— Мне не интересны все эти интриги Маледиктуса. — Фыркнула Рада, когда Жанна спросила ее, почему та не живет в обители верийцев. — Мрачно, скучно! Они все шепчутся по углам, строят козни, лебезят перед королем.

— Ужасное место. — Согласилась Жанна, вспоминая черную крепость.

Девушки сидели в заснеженном саду, наблюдая, как красногрудые птицы объедают замерзшие ягоды с кустов.

— Скорее бы попасть в Лорин! — Мечтательно вздохнула Рада. — Меня матушка не отпускает. Говорит, я еще мала для войны.

— А ты хочешь воевать? — Удивилась Жанна.

— А то! Идти за Кейном — честь. На смерть! Но я с собой прихвачу немало врагов! — Она выразительно изобразила, как будет рубить и убивать.

Жанна сникла.

— Вообще-то Лорин — мой дом.

— Знаю. — Беспечно отозвалась Рада. — Мне жаль тебя.

— В нашем мире живет много невинных людей. Их тебе не жаль?

— Я не знаю другой жизни. И мне она нравится. — Пожала плечами Рада.

Она скатала маленький снежок и запустила им в птиц. Те разлетелись в стороны, испуганно защебетав.

— Кроме того, — замямвшись, начала она. — Я хочу, чтобы Он меня заметил.

— Кто? — Заинтересовалась Жанна.

— Кейн. — Рада потупилась. — Он — великий воин! Братцу повезло: он входит в его малый совет. Я его просила дать мне работу, отправить на разведку. А он уперся как баран. Твердит, как матушка: мала еще! Пффф!

Рада вскочила с лавочки, прошлась колесом по дорожке.

— Мне уже почти 50! — Звонко бросила она. — Я полна сил! Быстра и хитра как лиса!

— Рада, ваш король — чудовище. — Тихо отозвалась Жанна. — А ты восхищаешься им.

— Сама ты — чудовище! — Обиделась Рада. — Ты его не знаешь! И вообще, нечего лезть со своими законами и правилами. То, что для тебя истина — не обязательно истина для всех. Может, это ты живешь не так? Жизнь одна, понимаешь? — Рада схватила подругу за руки и закружила.

Они смеялись и кружились, пока не упали в снег.

Щеки Жанны покраснелись, Рада начала кидаться снежками, и они еще долго дурачились, пока небо не начало темнеть.

— Ты похожа на мою Маргери. — Грустно вздохнула Жанна.

— Должно быть, она замечательная. — Рада улыбнулась в ответ. — Семья — это святое. Тут я с тобой согласна. Нет ничего удивительного в твоей ненависти к Вересу. Но, поверь, чем дольше живешь, — тем гибче твоя мораль. Ты уже не делишь мир на черное и белое, а подлости всегда найдется оправдание.

— Я все еще не понимаю: зачем? Зачем вы влезли в Лорин, зачем война? Что нам делить?

— О, это сложные и высокие взаимоотношения богов! — Рада многозначительно закатила глаза. — Идем!

Верийка взяла Жанну за руку и потянула в сторону замка.

Жанна покорно последовала за Радой. Они очутились на кухне, где колдовала Варвара и ее поварята: двое мальчишек не старше 11 лет и юная девушка.

— Варвара! — Рада уперла руки в боки, заметила на столе алые яблоки и схватила одно, жадно впиваясь в тугую кожицу зубами.

— Госпожа? — Полная и улыбчивая повариха моментально очутилась рядом.

— Свари ка нам вина со специями! — Распорядилась верийка. — Не могу удержаться. — Кивнула она Жанне на яблоки. — У них есть маленький оттенок крови. — Девушка с удовольствием откусила еще кусочек. — Война, сестричка, была, есть и будет.

Рада плюхнулась на простой деревянный табурет. Жанна пристроилась рядом, услужливый поваренок предложил свой стул.

— Лорин — та еще... ох, братец запретил мне выражаться в присутствии знатной гостыи. — Рада прикрыла рот ладонью, давась смехом. — Она с ума сводила Вереса! Наш бог был готов отдать ей все!

Жанна слушала, подперев лицо рукой.

— А эта... Эх. В общем, она сама в рот заглядывала Сантеру, но вовсе не была глупой влюбленной дурочкой. А потому, водила обоих за нос. А потом Верес погиб от руки Кейна. А Кейн, — Рада мечтательно вздохнула, — не ослеплен Лорин. Он думает о своем мире. Да, между Лорин и Вересом еще долго было заключено перемирие, но! — Рада многозначительно подняла указательный палец вверх. — Глупая и самовлюбленная Лорин требовала от Кейна тех же условий, что от Вереса.

— А он? — Отозвалась Жанна.

— А он прекрасен! — Рада сладко потянулась, швырнула огрызок на стол. — Что ему Лорин? Она спелась с Сантером, вот уже год как мы ловим его соглядатаев на своих землях! Сейчас боги не заключают союзов! Каждый сам за себя! А Лорин... Прежде она всегда была нейтральна. А как узнала, что Кейн разрушил Невеккет — сказала, что он бессердечный и бездушный глупец, не способный ничего чувствовать! — Рада презрительно скривила личико. — Откуда этой высокомерной и самовлюбленной... даме... знать, что он не такой!

Жанна лишь повела бровью. Она явно разделяла взгляды Лорин, но сочла разумным промолчать.

— Лорин поклялась, что Кейн, даже если влюбится лишь раз за свою бесконечную жизнь — никогда не узнает ответных чувств! — Рада фыркнула. — Глупая она, ваша богиня!

Жанна снова промолчала. Для нее стало очевидным, что юная княгиня души не чаёт в своем короле.

— Выходит, Кейну нужен наш мир? — Поинтересовалась Жанна.

— Скорее, он хочет добраться до Сантера. — Подумав, ответила Рада.

Варвара поставила перед девушками два бокала с горячим вином. Жанна отрицательно качала головой: в Оринберге женщины почти не употребляли алкоголь, тем более юные, не замужние. Чтобы разум всегда оставался чистым, а тело не было отравлено прежде материнства.

— Да не бойся! — Усмехнулась Рада. — Я прослежу, чтобы с тобой все было в порядке. Пей!

Жанна сделала глоток и задохнулась от обжигающей горячей волны. В го-

лове моментально все перемешалось.

— Госпожа! Хозяин будет недоволен. — Робко подала голос Варвара.

— Так мы ему ничего и не скажем. — Невинно пожалала плечиками Рада.

Жанна икнула, смущенно закрыв рот ладонью. Комната закружилась. Варвара легонько покачала головой, поставила перед гостьей тонко порезанные кусочки сырокопченого мяса и ломти хрустящего румяного хлеба.

— Съешьте, госпожа. — Настоятельно посоветовала она. — Для вас и глоточка достаточно. — Повариха убрала горячее вино в сторону.

— Жаль мне только, что наша победа не принесет тебе радости. — Рада наблюдала за подругой, что рассеянно жевала кусочек мяса. — Для наших смертных ты слишком умна, а верийцы для тебя — не пара. Даже полукровкой ты не сможешь образовать новый род.

— Нужны мне ваши верийцы и смертные! — Заплетающимся языком пробормотала Жанна. — Не у всех в голове романтика и замужество!

Лоринка не заметила, как княгиня внимательно наблюдает за своей подругой. Затуманившийся разум не замечал пристального взгляда и вкрадчивого голоса.

— Чего же ты хочешь от жизни? — Невинно поинтересовалась Рада.

— Я всегда завидовала Луи. Брату. Он волен делать то, что пожелает. Родители никогда не навязывали ему богатеньких невест, не возражали, когда он выбрал военную службу против светской жизни.

— Это все ты найдешь в Вересе. — Хмыкнула Рада. — И тебе это надоест. Верийцы пресыщены свободой, их сложно удивить чем-нибудь. Мы обретаем счастье только внутри семей: каждый представитель своего рода тесно связан с другими.

— Вы боитесь одиночества. — Заключила Жанна. — Ваша сила не дает вам удовлетворения. Вы презираете смертных за их несовершенство, и они возвращают вам это своей ненавистью. Через страх, через мнимую покорность.

Кухарка испуганно посмотрела на лоринку: дерзкие суждения в присутствии Истинной сулили наказание. Каждый обитатель Вереса с детства знал: бессмертные — хозяева жизни, их нужно любить, ими должно восхищаться.

— Интересное наблюдение. — Протянула Рада. — Или мы просто — приверженцы семейных ценностей. Жаль, тебе не узнать, каково это на самом деле — быть высшим существом. Ваш разум работает слабо, потребности примитивны. Людям не хватает ни фантазии, ни широты взглядов. Это наглядно доказывают полукровки: даже с перерождением они не способны обрести Дары. Их души слабы и бесхитростны настолько, что собственная ограниченность не дает развиваться. Смертные — домашние птицы: есть крылья, но нет желания улетать от сытой жизни.

Жанна закипала с каждым словом княгини. Вино притупило осторожность, девушка была готова вцепиться в эту самовлюбленную снобку.

— Госпожа, если позволите, я провожу нашу гостью в комнату. — Вмешалась Варвара, с волнением наблюдавшая за разговором. — Кажется, вино плохо подействовало на графиню.

Рада холодно окинула женщину взглядом.

— Пожалуй, ты права. — Согласилась верийка, самодовольно наблюдая, как Жанну распирает от злости.

Любопытный экземпляр раздобыл себе братец в Лорин: изящная, умная, от-

крытая. Смелая до безрассудства, девчонка нравилась Раде. Еще бы не забывала, где ее место.

Разговор глубоко запал в душу лоринки, но следующий день притупил неприятный осадок. Больше Рада не возвращалась к этой теме, старательно уводила беседу в другое русло.

Молодая княгиня без конца восхищалась красотой девушки, наряжала ее в красивые платья, заплетала густые волосы, обнимала и называла «найри», — сестра на верийском.

Это немного настораживало лоринку, она чувствовала себя куклой в руках великовозрастного ребенка. Но не возражала.

Раде даже удалось уговорить Фауста отпустить их на долгую прогулку за пределы Волчьего замка.

— Что здесь делать в этом каменном мешке, братец? — Канючила Рада. — Одни и те же лица, кроме охоты здесь и развлечься нечем: ни гостей, ни друзей. Со мной Жанна будет в полной безопасности, чтоб мне шкуру продырявили!

С другой стороны, его донимала Жанна, которой до смерти надоел Волчий замок.

— Я скоро покроюсь пылью, как книги на твоих полках! И никакая Герда не стряхнет ее с моей израненной души. — Дурачилась Жанна, картинно заламывая руки.

Князь устало вздохнул и согласился. Он стойко держал осаду два дня, но девицы преследовали его по пятам, мешали вести дела.

И вот, обе девушки неслись на санях, запряженных тройкой резвых лошадей. Правила, конечно, Рада. Верийка набрала сумасшедшую скорость, Жанна восторженно смеялась и визжала от страха.

Они пересекли долину, направились между двух склонов, вдоль реки. Мелькали горы, чтобы расступиться и выпустить навстречу еще одну долину. Трепетали на ветру меха теплой шубы, в которую графиню закутала Рейна, развевался алый удушливый шарф.

Рада, не чувствуя холода, возвышалась на козлах в легонькой рубашке и брючках. Она то и дело наклонялась вниз, чтобы зачерпнуть горсть снега, проявляя чудеса акробатики, крутилась и делала стойки, чем вызывала еще больше восхищения у своей спутницы. Эти искренние эмоции согревали бессмертную, льстили самолюбию верийки.

На горизонте показалась тоненькая черная полоса, потянуло дымом.

— Смотри, графиня, вот как живут наши смертные! — Радостно крикнула верийка и еще подстегнула лошадей.

И перед восхищенной Жанной замелькала деревня: красные кирпичные крыши, белоснежные стены, запах угля и свежее испеченного хлеба!

Но стоило саням Рады заехать в деревеньку, как люди засуетились: дети кинулись в сторону дома, женщины закрывали шторы на окнах. От каждого дома стали выходить мужчины.

Рада остановила сани перед двухэтажным деревянным домом: резные ставни, флюгер на крыше, невысокий плетеный забор.

Ей навстречу вышел мужчина средних лет и женщина, чуть моложе.

— Госпожа Гевальт! — Женщина держала в руках поднос с угощением и вином.

Рада играючи спрыгнула на землю, кинула поводья подоспевшему мальчишке.

— Здравствуйте, здравствуйте, хозяйева! Гостью привезла вам, подругусвою! Вы уж развлеките графинюшку, зачала совсем! Покажите свое гостеприимство!

Рада осушила кубок, жестом подозвала Жанну.

Графиня не смело ступила на хрустящий снег, последовала примеру княгини, но кубок вина не осилила, лишь обожгла губы, прихватила кусочек твердого сыра.

И тут же налетел ураганом смеющиеся девушки и парни, зазвучали какие-то флейты, забренчали струны, верийку и ее подругу унесла вереница танцующих людей...

Спустя пару часов, Жанна и Рада, восседая на резных стульях, смеялись над шутком, что скакал рядом. В просторном доме было достаточно прохладно, не смотря на разожжённый очаг. У графини уже устали ноги от танцев, мышцы живота сводило от смеха.

Жанна извинилась и вышла на крылечко.

Холодный воздух бодрил. Звезды раскинулись на темном покрывале зимнего неба, в которое упирались столбы дыма из труб. Запах угля и свежести.

— Великий Верес! Кажись, довольна княгиня! — Послышалось справа. — Может, в этот раз без боли все пройдет. Ты улыбайся! Улыбайся, Забава! Ейная гостья довольна и княгиня рада!

Шепот был слишком громкий, чтобы его пропустить мимо ушей. Жанна вжалась в стену, подальше от факелов.

— Приведи ей Вика. Она любит на него смотреть, — отозвался женский голос.

— Да ты что, женщина? Вик уже постарел с их последней встречи, да обжегился! Приревнует, не стерпит!

— А коли спросит про него?

— Скажем, нет его в деревне!

— Чует ложь княгиня. Головы не сносим...

— Жаанна! — На пороге появилась Рада, веселая и покрасневшаяся. — Где ты ходишь?

— Поедем отсюда, Рада. — Грустно попросила Жанна.

— Не угодили чем? — Черные брови сошлись на переносице. — Разорву!

— Не надо, Рада... Устала я.

Смертные тряслись от страха. Жанна чувствовала это. Фальшивые улыбки, заискивающие взгляды. Нарочно все парни и девки юные, сияющие: может, приглянется кто, да обойдется малой кровью.

Рада, кажется, поняла все.

— Ночь темна, не поедем никуда. Остаемся! — Золотые глаза недобро сверкнули. — Хозяйева, скууучнооо! — Громко крикнула Рада, затопав ногами.

Из-за угла поспешно выскочили две женщины, те самые, что шептались, нарочито весело закричали:

— Девушки, парни, веселья мало! Княгиня наша заскучала!

И принялись петь звонкую песню. Молодежь высыпала на улицу, подхватила слова, пустилась в пляс. Мелькали цветастые полосатые юбки девушек, белоснежные полушубки парней. Улыбки, полные волнения и страха, кружи-

лись нестройным хороводом.

Рада рассмеялась, пустилась танцевать, увлекая за собой Жанну.

— Танцуй, графиня! — Азартно крикнула она. — Сегодня веселимся!

Жанна вырвалась из толпы, сердито оттолкнула девушку, что попалась на пути.

— Стой! — Рада настигла подругу. — Не нравится? — Она развернула графиню к себе. — Сама хотела на них посмотреть, а теперь нос воротить?

В золотых глазах плясали волчьи огоньки. Рада злилась и уже не напоминала беззаботную девчушку. И уж тем более светлую и милую Маргери.

— Развлечемся, по-моему! Хочешь знать, чего они стоят, эти смертные? — Не дожидаясь ответа, Рада громко свистнула, люди замешкались, пение прекратилось. — Хочу видеть Вика!

Кто-то охнул, люди зашептались в страхе.

— Где ты, мой разлюбезный? — Елейно пропела Рада. — Не забыл еще? — Ее взгляд остановился на людях.

Те расступились, пропуская вперед уже не молодого мужчину. Жанна удивленно уставилась на незнакомца: черты лица напоминали ей безумного Кейна! Тот же острый нос, косматые брови, скульптурное чеканное лицо, только взгляд уставший. Присмотревшись, графиня поняла: похож, да не совсем. Мягче и живее был незнакомец, было в нем слишком много человеческого, теплого и близкого.

— Постарел. — Деланно вздохнула Рада, приближаясь к мужчине. Даже снег не хрустел под ее плывущей походкой. — Скучал ли?

Она кружила возле Вика, точно волчица на охоте, не сводя взгляда. И мужчина своих глаз не отводил, но стоял уверенно, прямо.

— К чему все это? — Недовольно спросила Жанна. — Повеселились и хватит. Оставьте их.

Предчувствие чего-то неприятного и непоправимого поселилось в душе.

«Нравится он ей, на короля похож» — мелькнуло в голове. И Рада эту мысль перехватила.

— Похож, да не совсем. — Ответила она Жанне. — Не хочет Вик божьего дара, ему противна сама мысль о перерождении. — Усмехнулась девушка и красивое лицо исказилось. — А против воли не Обратишь. Этого надо желать. Стареть и умирать приятнее, чем быть вольным, да, Вик? — Она застыла возле него, заглядывая в лицо.

— Глуп да молод был, княгиня Рада! — Вступила в разговор одна из женщин. — Что с нас смертных взять, не чета мы вам! Оставьте его, княгиня, выберите другого!

— Наши парни за честь примут! — Подхватила вторая. — Любого выбирай.

— Вся семья их упрямы! — Поддакнул молодой парень, — и потомство такое же!

— Потомство?! — Воскликнула Рада.

Она впиалась руками в плечи Вика, прожгла взглядом.

Жанна понимала, что происходит: Рада читала воспоминания мужчины. Это было отвратительно. Все самые сокровенные минуты, отголоски чувств и желаний перебирались бесцеремонно и нагло.

— Прекрати! — не выдержала Жанна и толкнула подругу.

— Не лезь! — Рада с силой отшвырнула девушку, будто не была хрупким со-

зданием. Жанна кубарем покатила по снегу.

— Меня променял на смертную... — Рада вздохнула. — Привести!

Толпа загудела, но приказ исполнили.

Женщину с двумя ребятами вытолкнули вперед.

Вик, кажется, впервые потерял самообладание и кинулся к своей семье.

— Стоять! — Рада уперлась ладонью в его грудь.

Верийка рассмотрела соперницу и ее детей. Женщина крепко прижимала к себе двух мальчиков не старше 10 лет.

— Убожество! — Резюмировала Рада. И, небрежно вскинула руку.

Жанна, вытирая лицо от снега, увидела, как женщина застыла.

— Мама? — Испуганно пролепетал один из мальчиков.

— Мама, что с тобой? — Второй ребенок ухватил ее за руку.

А женщина бледнела на глазах, оседая на грязный снег.

— Рада, прекрати! — Взмолился Вик, кидаясь к супруге.

— Стой, где стоишь! — Улыбнулась верийка. И ноги мужчины точно приросли к земле.

Лицо Вика исказила мука: он был не в силах преодолеть нечто, что сдерживало его на месте. С трудом сделал он шаг, еще шаг. Но медленно. Слишком медленно, чтобы помешать княгине.

Дети испуганно окликали мать, та продолжала умирать, но никто из них даже не шелохнулся! Жанна видела в их глазах испуг и покорность.

Развлекаясь, Рада отпустила Вика. Он схватился за нож, что висел на его поясе.

— Ненавижу тебя! — Яростно крикнул Вик, кидаясь на Радку, но верийка лишь расхохоталась, отшвырнула его легким взмахом руки.

— Рада, перестань! — Жанна не торопясь приближалась к девушке. — Что ты хочешь доказать? Нельзя быть любимым насильно, Рада. Ты убиваешь ее! У нее же дети!

— Двое щенков! — Расхохоталась Рада, червонные глаза пронзили лоринку. — Этой грязи в Вересе полно, еще наплодится!

Вик снова и снова пытался напасть на княгиню, но тщетно. Ловкая и быстрая, девушка ускользала в последний момент. Лишь раз коснулось лезвие плеча верийке, но та со смехом скрылась вновь.

— Чего ты хочешь от меня? — Отчаянно взмолился Вик, прекратив все попытки.

И Жанну как кнутом обожгло: так же отчаянно она спрашивала у Фауста. А он играл с ней, как с куклой. Обида за себя и за незнакомца нахлынула неожиданно.

— Боли твоей она хочет! — Прошептала Жанна. — Чтобы место свое знал и на брюхе ползал! — Она наступала на Радку. — Жизнь твоя ничего не стоит! Игрушка надоела? Он живой, мерзкая ты тварь! — Девушка кричала в полный голос и бросилась на Радку сама.

Верийка растерянно отшатнулась, но вдруг больно ударила графиню. Нет, не рукой, не пнула и не толкнула. Тысячи игл вонзились в голову! В глазах потемнело, звуки превратились в невыносимый гул. Мерзлая земля двинулась на встречу.

— Жалко их стало? — Рада склонилась над ней. — Глупая. — Легкая улыбка зазмеилась по лицу верийки. — Думаешь, их надо спасать? Они же стадо. А ну

ка, хозяева любезные, накажите нашу гостью: на Истинных руку поднимать!

Люди молча направились к Жанне. И лица гостеприимных селян исказились в негодовании: как посмела? Против воли божественного создания пошла, ослушалась!

— Зачем ты? — Вздохнул рядом Вик, стараясь прикрыть неожиданную заступницу. — Варена померла все равно. И ты теперь...

Отчаянные крики детей Вика, которых оттащили в сторону, смешались с яростной руганью людей! Они безжалостно били Жанну и Вика, рвали на них одежду, пинали, щипали и тянули за волосы.

— Хватит! — Приказала Рада. — Хватит с них.

Вик старался, как мог, закрыть собой плачущую Жанну, большинство ударов мужчина принял на себя, и девушка была ему благодарна.

— Тебя и щенков твоих чтобы больше здесь не видела! — Распорядилась Рада, обращаясь к мужчине. — Бабу твою... повесить на столбе, чтоб гнила всем в напоминание! А ты... — Рада мстительно посмотрела на Жанну. — Расскажешь брату, — умрешь! Гостью вашу в порядок привести, подлечить и сопроводить через недельку в Волчий замок! Надоели вы мне.

Рада повела плечиком, развернулась и... большая черная волчица помчалась в ночь, оставляя позади и село, и его обитателей.

Глава 5

Фьель

*Все началось не со зла.
Все началось как игра,
Но лестницу в небо сожгла -
Плата за стыд твой и страх!
Ты и они, я порвал бы эту нить!
Слышишь, Жанна,
Жанна.
Ария — «Улица роз»*

— Вам бы следовало больше улыбаться. Улыбка вам идет. — Герда аккуратно причесывала Жанну. — Синяки почти прошли. — Девушка провела пальцем по лбу графини.

— Что-то не хочется. — Апатично отозвалась Жанна.

Возле зеркала сгрудилось внушительное количество скляночек, заколок, лент, коробок с украшениями.

Тусклая луна заглядывала в окно через портьеры. Тишина нарушалась лишь потрескиванием дров в камине, замок дремал.

— Вам не понравились украшения? — Снова заговорила Герда.

Ловкие руки принялись укладывать волосы в прическу. Горничная взяла несколько разных шпилек, протянула Жанне, предлагая выбрать. Та нехотя пожалала плечами, остановилась на жемчужном цветке.

— Поступок обычного человека: искупать вину безделушками. — Произнесла графиня.

— Это скорее утешение. — Герда отбросила шпильки, оставила украшенную рубином. — Хозяин волен был наказать вас за непослушание, но отчего то балует.

«Алый цвет нравится верийцу больше, — подметила Жанна. — Хочет угодить».

— Балует... — Проворчала лоринка. — Не много же вам надо для счастья.

Герда безразлично пожалала плечами: что взять со строптивой сумасшедшей чужестранки?

Как бы ни приказ князя держать себя с лоринкой вежливо и почтительно, будто она Истинная, — Герда с удовольствием отвела бы девчонку кузнецу.

Тот бы заклеимил глупую, чтобы не воображала себя госпожой, да помнила, что смертные — самая низкая ступенька Вереса. Но игра была забавной для хозяина. И слуги отлично исполняли свои роли.

Перед глазами Жанны до сих пор стояла жуткая картина: подвешенная к столбу женщина, плачущие дети и Вик, наспех собравшийся в дорогу вещи.

— Куда ты теперь? — Спросила пожилая женщина, очевидно, какая-то родственница или соседка. — От Рады не скрыться. Найдет.

— Ты знаешь, куда. — Махнул рукой Вик в сторону гор.

Женщина знала, осуждающе закачала головой. И Жанна догадалась. К восточным охотникам. К бунтарям. Почему верийцы не могли уничтожить их, — это было для графини загадкой.

— Не ходи, родимый, весной в горах не спокойно! Замерзнешь, не дойдешь! — Запричитала женщина.

— Выживем, тетушка. Оставаться — все равно, что сгинуть. Так лучше на перевале, чем рабом. — Вик участливо обнял женщину, успокаивая.

— Как тебя зовут? — Обратился Вик к Жанне.

— Жанна. — Она плотнее укуталась в меховую шубу.

— Откуда ты?

— Издалека. — Уклончиво отозвалась девушка.

— Рада тебя тоже не оставит в покое. Идем со мной, я помогу.

Его добрые глаза смотрели дружелюбно, мужчина был искренним, густой низкий голос звучал уверенно. Таким бы команды солдатам отдавать.

Жанна невольно представила Вика во главе армии. А что? Такой сможет повести за собой людей: сильный, уверенный, принципиальный. Ради благ и подарков верийских не отказался от своей семьи, не склонил колени.

Девушка отрицательно покачала головой. Еще месяц назад она бы с радостью последовала за незнакомцем. Но теперь пришло понимание: смертные Вереса — не те, на кого можно рассчитывать. Они сломаны где-то внутри. Сломаны давно, много поколений назад. А все же, Вик не такой.

— Рада потом накажет жителей. — Ответила Жанна. — Разозлится еще больше. И, кроме нее, есть, кому меня искать.

Вик понимающе кивнул, сжал кулаки при упоминании о верийке.

— С князем связываться еще опаснее. Если хочешь выжить, — не зли верийца. Не верь тому, что слышишь и видишь. Они играют с нами, наблюдают, впитывают. Их бессмертные души давно разучились что-то чувствовать. — Он говорил страстно, слова шли от сердца. — Для них мы — стадо. Покорное и безмозглое.

— Почему вы не сопротивляетесь? — Горько, с обидой спросила Жанна.

Толпа уже начинала расходиться, потеряв интерес к судьбе Вика и его детей. Люди роптали, осуждая и проклиная мужчину и его семью.

— Ты не такая как все, не такая как... они. — Он кивнул в сторону домиков. — Идем со мной! Не все в Вересе остались покорны! Мне хватит смелости вступить за тебя, как ты вступилась за мою семью перед Радой!

Что-то подсказывало девушке: Вик и его дети погибнут, если она сейчас не устоит перед этим предложением.

— Я хочу пойти с тобой. — Тихо ответила она. — Но что будет, если...

— Идем. Тебе терять нечего. — Вик подбадривающе взял ее за плечо. — Что будет — то будет.

Чужестранка поколебалась, но последовала за ним. Все отчетливее вырисовывалась картина Вереса: хозяева жизни — верийцы, их верные слуги — полукровки и существа, чья жизнь не ставилась ни во что — люди. Вот почему нельзя было покидать Волчий замок, вот откуда ощущение неестественности.

Не хотел Фауст отпускать свою гостью, но сестра пообещала поддержать иллюзию благополучия. Не сдержалась, не смогла.

Какими бы ни были безучастными горожане во время казни Варены, жены Вика, они снарядили уходящих провизией и теплыми вещами. Неловко опуская глаза, совали они в руки мужчины свертки, каждый раз озираясь по сторонам: не осуждают ли соседи.

Вик вывел двух лошадей со двора своего опустевшего дома. Мужчина в последний раз обнял Варену, уже окоченевшую и равнодушную ко всем страданиям этого мира. Снять тело он не решился: Рада, в самом деле, способна вы-

резать весь городок.

Жанна залезла на черного коня, посадила перед собой одного из мальчишек и странная компания двинулась в сторону гор.

Не прошло и трех часов, как на завьюженной дороге появились сани. Ими правил сам князь. С десятков полукровок и двое Истинных сопровождали своего господина. Все как один в темно-бардовых военных мундирах, черных высоких ботфортах и расшитых золотом треуголках.

— Знал, что Раде доверять нельзя. — Обреченно вздохнул князь, ступая на белый снег.

Он не стал слушать заискивающие оправдания старосты, велел полукровкам снять труп женщины и сжечь. Сестрица-Рада оставляла в убитых толику жизни. Через сутки мертвец вставал и лакомился живыми с бесконечным аппетитом.

Люди снова повылазили из домов как тараканы из щелей. То, что «клятый Вик со щенками» прихватил «гостыюшку» скулил каждый встречный горожанин, все они тряслись от страха и рассказ их обрастал подробностями мало правдивыми. Князь знал, куда направились беглецы.

Зашептали на ухо верные соглядатаи. Фауст отдал распоряжение своим подчиненным, двое остались в городе, чтобы наказать жителей за то, что упустили лоринку и позволили бунтовщику увести ее с собой.

Несколько местных уже волокли на эшафот. Кому просто клеймо поставят, кому руку отрубят за принесенный ущерб личному имуществу князя — избиение лоринки. Не важно, что княгиня велела. Силком никто не заставлял, да и власть Фауста выше как прямого владельца земель.

По Костяному хребту кочевали восточные охотники, и все вольнодумцы норовили удрать к бунтарям. Досаждали охотники по мелочи, а потому на них никто внимания не обращал. То мост обрушат, то завал горный устроят, то жителей смущают и на восстание подбивают. Но верийские смертные давно растеряли свой пыл, сопротивляться власти Кейна у них желания не было.

Раньше охотники были костью в горле и люди убегали в горы, собирали отряды и шли на верную смерть против полукровок и Истинных. Осаждали малые крепости, боролись за свое место под хмурым солнцем Сумеречного королевства.

Кейн выслал на поимку два отряда. Воины прочесали заснеженные вершины и холодные пещеры в недрах. Они без труда нашли и разбили смертных. Их тлеющие кости дали имя хребту, но на смену убитым пришли новые.

Было одно место, куда верийцы пройти не могли: восточная долина возле Фьель. Силы природы оберегали это место. Силы древние, как сам мир. Они водили вокруг да около Истинных, закручивали вьюгами дороги и тропинки.

В конце концов, Кейн не стал тратить время на бунтарей. Его отношение к людям было мягче, чем у Ольгарта, предыдущего короля.

Охотники не мешали его великим замыслам, а разбираться с ними приходилось тем Истинным, в чьих владениях они появлялись. К несчастью рода Гевальт, охотники облюбовали земли в их княжестве, а злополучная Фьель возвышалась не так далеко от Волчьего замка.

— Они ушли не так давно. Здесь только два пути. — Князь внимательно изучал дорогу к Фьель. — Они не пойдут через лес — слишком долго. Значит, остается перевал. Опасно, но быстро.

Чем выше в гору поднимались спутники, тем ближе проплывали влажные холодные тучи. Снег весело кружился, становился гуще. Весна еще не заглядывала в горы, стылая земля была твердой, сугробы глубокими. Становилось холодно, дышать было тяжело.

— Снег не собьет со следа! — Точно прочитал мысли Вик. — Верийцы чувствуют наш запах лучше псов! Возьми. — Он протянул Жанне маленькую ладанку.

Девушка удивленно покрутила вещицу в руках: внутри лежал маленький камешек, разрисованный узорами. Ладанка пахла летними травами.

— Это поможет?

— Отчасти. Мне передали ее восточные охотники. Они давно звали меня к себе. Да дети малы были, Варена долго болела. Раньше надо было уходить.

Вик остановил коня, обернулся назад и прислушался.

— Нас догоняют.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую. — Ответил Вик, неловко улыбнувшись. — Не просто так Рада меня изменить хотела. Не только за сходство с Кейном Великим. — Здесь пешком пойдем. — Он остановил коня и спешился.

Жанна взяла лошадь за узду, второй рукой крепко обхватила маленькую детскую ладошку. Сыновья у Вика были удивительно послушны: они ни разу не пожаловались на усталость, не всхлипнули. Шли безропотно за отцом и Жанной.

— Чем ты приглянулся Раде? — Поинтересовалась Жанна.

— Кровь в моем роду древняя. Не верийская, но и не та, что у других смертных. — Пожал плечами Вик. — У меня нет Даров Вереса, нет бессмертия. Но я чувствую верийцев, силы и ловкости во мне больше, чем в других людях.

— Кто твои предки?

— Не знаю. — Вик снова пожал плечами. — Погибли родители, когда Кейн стал полукровок творить для войны. А меня другая семья воспитала. Да неважно все это. — Он махнул рукой. — Поспешим, сейчас трудно будет.

— Я думала, кроме людей и верийцев больше нет других разумных существ. — Не унималась Жанна.

Вик пожал плечами:

— Теперь нет. Были еще маги Ми-Сойличте, но сгинули в своей пустыне. Были те, о ком я не помню — мои родичи, их племя.

— Об этом ни в одной книге не написано. — Удивилась Жанна. Она едва поспевала за Виком, но шаг не сбавляла.

— И где ты читала эти книги? Не в Волчьем ли замке? — С иронией поинтересовался Вик. — Ты либо плохо искала, либо от тебя их спрятали. Ты не из нашего мира.

— Так заметно? — Чуть обиделась Жанна.

— Да. Я это тоже чувствую. Для тебя все чужое в этом мире, ты не привыкла видеть то, что происходит вокруг, а потому сопротивляешься. — Вик стал серьезным. — Кейн уничтожил Невеккет. Еще несколько месяцев его воины вели в Маледиктус пленных. У них отняли самое святое, ради чего они жили — веру. Веккиты любили своего бога и после поражения покорно разделили его участь.

— Ты читал об этом в книге? — Заинтересовалась Жанна.

— Я видел это своими глазами. Вереницы пленных сначала увели в Маледиктус, а потом в Ледяной пик и Лисьи взгорья.

— Что это за места?

— Не была там?

— Жанна отрицательно покачала головой.

— Твое счастье. — Вик остановился, снова прислушался. — Как давно ты в Вересе?

— Уже несколько месяцев.

— Тебе ничего не рассказывали. Смею предположить, что живешь ты у князя Фауста Гевальт. Это его слуги идут сейчас за нами по пятам.

— Ты прав. — Девушка потупилась. — Ты передумал брать меня с собой? — Уныло спросила она.

— Нет! — Вик широко улыбнулся. — Что ты! Но нужно торопиться! Как доберемся до долины Фьель — сможем спокойно обсудить все, что захочешь.

Они пробирались по каменной тропе все выше и выше. Та петляла между гор, забирала все круче.

— Лошадей придется оставить. — Вик остановился. — Они сейчас нас только замедляют.

Он выбрал две сумки, придирчиво осмотрел их содержимое, что-то бросил, остальное взял с собой. Отстегнул от седельного кофра короткий топорик.

Мужчина выглядел взволнованно.

— Быстрее, Жанна, осталось не много! Видишь вон ту вершину? — Он указал рукой налево, где ощетичилась елями гора. — Это — Фьель. Верийцы не могут пройти за ее границу, хвала Норе.

Жанна вскинула любопытный взгляд на Вика.

«Нора?» — Хотелось переспросить лоринке.

Уж не та ли самая старушка, что живет возле Волчьего замка?

Но она не успела ничего сказать. Ветер вдруг стал налетать порывами, а спутник ускорил шаг.

Они почти бежали. Снежная вьюга залезала под одежду, слепила глаза, камни подворачивались под ноги, норовя уронить в пропасть. Дети стали выбиваться из сил. Младшего Вик уже нес на руках, старший все чаще спотыкался.

Тропа вывела их на небольшую поляну. Здесь все четверо рухнули на снег, понимая, что не успевают оторваться от погони. Жанна ничего не слышала и не замечала. Вокруг пел ветер, и кружила метель. Дорога потянулась вдоль горы. Величественная Фьель возвышалась над ними, оставалось пройти не так много.

Вик помог ей подняться.

— Тропинка там, за камнями. — Вик указал на поворот. — Я встречу их. Вместе не успеть нам. Спускайтесь в долину. Я отвлеку погоню, а ты с мальчишками беги без оглядки!

Девушка взглянула в его решительное лицо.

— Ты? Против верийцев? Почему же ты не остановил Раду?

— Я не собираюсь никого убивать. Только задержу. Вериец один. Остальные — полукровки. — Вик быстро обнял сыновей, подтолкнул их к Жанне. — У вас еще есть шанс. Не ждите меня!

Дети прижались к ней, старались не отставать. Мужество оставило их. Ост-

рые камни подворачивались под ноги, снег слепил глаза. Пробирались медленно и осторожно, ничего не было видно дальше вытянутой руки.

Паника холодной змеей вползла под сердце, подгоняя вперед, склон становился все более крутым, дыхание — сбивчивым.

Они упрямо пробирались наверх, вот-вот должен был показаться спуск. Кто-то дернул Жанну на себя за ворот шубы! Ужас пробрал лоринку до кончиков волос, она громко вскрикнула, теряя равновесие.

— Здесь она! — Неприятно проскрипел голос. — И щенки здесь!

Полукровка был крепким и рослым. Кожа его слегка отдавала синевой, точно он заледенел.

Дети с отчаянными криками бросились на чужака, но тот отпихнул их как досадную помеху: они его не интересовали. Мальчишки вжались в гору.

Жанна забрыкалась в цепких руках, вывернувшись из шубы и побежала прочь, в обратном направлении! Может, дети успеют уйти, ведь пришли не за ними.

— Сюда! — Услышала она голос Вика.

Вик бросился наперерез преследователю, подступая ближе к тропе, что шла еще выше в горы, к заветной Фьель. Сыновья прижались к холодному каменному боку, крепко взявшись за руки.

Жанна рванулась к Вику, до которого было несколько шагов. Но преследователь оказался быстрее, сбил беглянку с ног.

Вик поспешил на выручку. За его спиной из снежной метели вынырнул еще один полукровка. Ловкостью мужчина не уступал противнику, завязалась короткая схватка. На смертного навалился третий, вынырнув из снежного воздуха.

Вика свалили на землю, выбили топорик из рук, колено уперлось в грудь, придавливая человека к земле.

Младший мальчик, не раздумывая побежал на выручку отцу! Маленькими ручками он принялся колотить одного из напавших.

Тот рассмеялся, запрокинув голову, схватил ребенка и швырнул вниз...

Глаза Жанны расширились от ужаса, а в ушах зазвенел детский крик! Сначала младшего, потом старшего, который так же кинулся на ненавистного убийцу.

Полукровка оскалился и пнул мальчишку ногой в живот.

«Мама» — выдавил из себя ребенок, сложился пополам, застонал от боли, и упал рядом с отцом.

Вик в бешенстве вырывался, но его уже скручивали слуги князя.

Оцепеневшую Жанну подняли за шиворот, толкнули в спину.

— Ступай! Тебя заждались! — Грубо бросил низкий голос.

Девушка обернулась, прожгла взглядом ухмыляющегося высокого мужчину. Несомненно, происходящее забавляло его, а собственная вседозволенность доставляла удовольствие.

Не совсем отдавая себе отчет в том, что делает, она быстрым движением выхватила из ножен на поясе обидчика кинжал, и полоснула растерявшегося воина не глядя.

Она попала тому во вскинувшуюся руку. Полукровка зарычал и наотмашь ударил Жанну по щеке.

— Тваарь! — Протянул он разгневанно, готовясь нанести еще удар.

Жанна с глухим стоном повалилась на землю, упала лицом в снег, запульсировали разбитые губы, голова зазвенела от удара об острый камень.

Послышался свист рассекаемого воздуха, рядом с девушкой приземлилась отрубленная голова мужчины.

— Тупое животное! — Прозвучал до боли знакомый бархатный баритон.

Жанна приподнялась и увидела хозяина Волчьего замка. Тот не спеша вытирал снегом кровь с меча. Полукровка, что ударил Жанну, лежал у его ног, алая кровь растекалась во все стороны.

— Кому еще не понятно, что графиню следовало вернуть живой и невредимой? — Спросил Фауст, осматривая своих подчиненных. Спросил тихо, но так, что услышали все.

Его слуги молчали.

— Зачем же ты ушла с этим отребьем? — Князь нахмурился и взглянул на нее золотыми глазами, сулящими приговор за неповиновение.

Он вернул меч в ножны, протянул Жанне руку.

— Не подходи ко мне. — Решительно прошептали разбитые губы. — Я не пойду с тобой.

Девушка медленно отползала от князя к обрыву, поднимаясь на ноги. Их разделяло не больше трех шагов.

— Разве я сделал тебе что-то плохое? — Изумленно и даже обиженно спросил он.

— Твоя сестра убила его жену. — Она ткнула дрожащей рукой в сторону Вика, которого все так же крепко держали двое воинов. — А этот — убил его сына. — Жанна брезгливо опустила взгляд на обезглавленное тело. — Жизнь других ничего не значит для тебя лишь потому, что они — смертные? Ты пытал человека с наслаждением, я видела своими глазами...

— Поговорим об этом в Волчьем замке. — Нетерпеливо произнес Фауст, делая шаг в ее сторону. — А этого бунтовщика Рада наказала заслуженно: он смущал честных граждан, да еще и собрался к восточным охотникам!

— Не подходи! — Замерзшими руками девушка поднесла к своему горлу кинжал, что все еще крепко сжимала. — Живой я не вернусь назад! Чего ты хочешь от меня?

Вик внезапно громко рассмеялся. Все удивленно посмотрели на мужчину, один из слуг больно ткнул его в бок.

— Ты сама сказала мне, чего они от нас хотят. — Через боль прошептал Вик.

Жанна нахмурила тонкие брови.

— Он никогда не отпустит тебя, пока ты интересна. А потом...

— Замолчи! — Выпалил князь. — Уберите его и это. — Он кивнул в сторону мальчика, что все еще лежал на земле без сознания.

— Нет! — Зазвенел голос лоринки. — Ты отпустишь их обоих.

— Это исключено. — Непререкаемым тоном отрезал Фауст. — Они нарушили мои законы и законы Кейна!

— Отпусти их. — Девушка легко провела кинжалом по своему горлу, алые капли проступили на коже. — Или я присоединюсь к ним.

— Не делай глупости! Я быстрее тебя! — Кажется, вериец злился.

— Увидим! — Решительно заявила Жанна, делая шаг назад, к пропасти. — Их жизни в обмен на мою.

Они долго смотрели друг на друга. В сознании лоринки вдруг стала появляться навязчивая мысль, что все это ни к чему и лучше бы ей сейчас просто вернуться в Волчий замок.

— Не смотри ему в глаза! — Отрывисто бросил Вик, разбивая морок. — Он подавляет твой разум!

Жанна чуть надавила на клинок, кровь закапала сильнее, приводя ее в себя. Голова все еще гудела от удара, дышать было тяжело. Силы покидали Жанну.

— Хорошо. — Сдался князь. — Я отпущу их. Твоя жизнь в обмен на них.

Ноздри князя сузились от едва сдерживаемой ярости! Мало того, что смертная одержала верх, так еще и глупый амулет на ее шее заблокировал большую часть Дара! Иначе бы все было давно кончено: бунтовщика казнить, девчонку — обратно и под замок!

— Мы проводим их туда, куда они шли. Если ты обманешь меня — я найду способ свести счеты с жизнью! — Пообещала Жанна, медленно опуская оружие.

— И ты больше никогда не будешь пытаться уйти из Волчьего замка! — Потребовал вериец.

Жанна поджала губы, опустила глаза.

— Хорошо. — Кивнула она.

До спуска в долину Фьэль было подать рукой. Им не хватило всего чуть-чуть. Вика и его сына проводили до поворота.

Снежная буря становилась все гуще: гора не хотела подпускать к себе детей Вереса.

Жанна брела, обреченно опустив голову. Она винила себя за все, что произошло в городке и за все несчастья мужчины.

— Даже не думай об этом. — Вик по-доброму пожал ее руку. — Ты не виновата ни в чем.

— Прости меня, если сможешь. — Мокрые от слез, бездонные глаза смотрели горестно. — Я еще не встречала в Вересе никого, кто был бы достойнее тебя!

— Ну, хватит, нам пора. — Раздраженно бросил князь. — Ты промерзла насквозь.

Жанна протянула Вику ладанку, что он ей дал.

— Нет. — Мужчина сжал своей рукой ладошку девушки. — Тебе нужнее. Не потеряй и не расставайся с ней. Береги себя и ничего не бойся. Напрасно ты согласилась на его условия. — Вик кивнул в сторону Истинного. — Он замучит тебя до смерти.

— Не волнуйся обо мне. — Девушка попыталась улыбнуться. — Я тоже умею постоять за себя.

— О да, характер у тебя есть. — Он тихо рассмеялся. — Я постараюсь помочь тебе...

— Достаточно! — Оборвал его вериец. — Я всегда могу передумать.

Вик замолчал, крепко пожал ладонь девушке. Его сын шмыгнул носом, сдерживая свои эмоции, обнял лоринку на прощанье. Две уставшие фигуры скрылись в снежной пелене.

Потом была дорога в Волчий замок. Стоило начать спуск, как непогода отступила. Фьэль защитила себя от вторжения чужаков и, как надеялась Жанна,

защитит двух путников от дальнейших преследований.

Девушка задумчиво смотрела вдаль и не проронила ни слова. Она старательно не замечала ни верийца, ни его сопровождающих. Тело онемело от холода и усталости. Как ни крепилась гордая лоринка, на пол пути вниз силы оставили ее, ноги отказались повиноваться.

Фауст подхватил падающую смертную на руки. Обратной дороги Жанна не помнила — забыть поглотило девушку.

— Пора идти. — Герда прервала вереницу воспоминаний.

— Если ему так надо, — пускай сам приходит.

Девушка упрямо поджала разбитые губы, быстрым движением сорвала с шеи подаренное ожерелье, алые бусины застучали по полу. Но этого красавице показалось мало! Жанна растрепала прическу, выдергивая шпильки, вскочила с кресла и яростно снесла все склянки и шкатулки с туалетного столика.

Герда ахнула, расстроенная тщетностью своих усилий, испуганная дерзким поведением смертной.

— Госпожа, что вы наделали? Вы не можете...

— Могу! — С вызовом отозвалась Жанна. — И я хотела жемчужные заколки, а не рубиновые!

Герда испуганно отступила.

— Накажут не вас, госпожа, умоляю! — Сделала она последнюю попытку, умоляюще прижимая руки к груди.

— Да пусть хоть всех вас высекут! Казнят! Зарежут! — Топнула ногой Жанна. — Так вам и надо, прихвостням! Пошла прочь! Вон отсюда! — Фиолетовые глаза сверкнули гневом.

Герда попятилась к двери, хрустнули под удаляющимися туфельками осколки.

Жанна со злостью пнула какую-то шкатулку, завопила от распирающих ее эмоций, еще больше растрепала волосы на голове и обессиленно рухнула в кресло.

То, что витало в голове девушки, считывалось легко. Еще в галерее князь перебрал этот сумбур, извлек основные мысли.

За дверью царил беспорядок, сама виновница, прикрыв глаза ладонью, сидела возле зеркала, тяжело дыша.

— Ты отказалась спуститься. Я пришел сам. — Начал вериец, сдерживая первый порыв гнева, окинул Жанну с ног до головы. — С кем ты сегодня воевала?

Смертная бросила в зеркало уничтожающий взгляд.

— Верни меня в Лорин. Если миру суждено погибнуть, я хочу быть рядом со своей семьей. Если я умру, то умру счастливой!

Хозяин бесшумно приблизился.

— И что же такое, по-твоему, «счастье»?

— Свобода. Быть рядом с теми, кто тебе дорог. Без требований и дурацких правил! Выбирать самой, куда и зачем идти!

Она шагнула вперед с гордо поднятой головой, пристально всматриваясь в его золотые змеиные глаза. Она не боялась его ни на секунду. Пускай смотрит, сколько захочет! Привыкли верийцы к покорным, как стадо овец, людям.

— Столько эмоций... — Прошептал он. — Очень хорошо. Ни купить, ни запугать...

— Что? — Не поняла она.

— Завтра, если ты не передумаешь, даю слово, я верну тебя в Лорин.

— С чего бы мне изменить свое мнение? — Она надменно изогнула бровь, резким жестом схватила чудом уцелевшую на столике расчёску и принялась яростно приводить волосы в порядок.

Молодая и упрямая, смертная пахла цветами жасмина. Каждая клеточка хрупкого тела источала дурманящий аромат, от которого закипала кровь.

— Рада расстроила тебя.

Внешне вериец был абсолютно спокоен, но внутри безумствовали эмоции: люди всегда вызывали в нем смесь отвращения и жалости к их ничемному существованию. Им было дозволено жить среди созданий бога Вереса, служить и забавлять, насыщать и продлевать бессмертную молодость верийцев.

Чужестранка себя к таковым не причисляла, позволяла себе слишком многое и, вместе с тем, разительно отличалась от местных обитателей.

— Рада?! — Вскинулась гостя. — Она отбросила расческу, возмущенно окинула князя с ног до головы, — Меня расстроило здесь ВСЕ. Отвратительные обычаи, рабское унижение ваших людей, их жалкий страх! И твоя жестокость!

Разъяренной кошкой девушка ходила из стороны в сторону, все больше закипая.

— А тебе самой не страшно за свою жизнь? — Хозяин замка остановил дерзкую лоринку за плечо. — Я волен убить тебя, пытать, терзать сколько захочу. Никто не вступится за смертную и не придет на помощь.

Жанна вскрикнула от удивления, но пыл не растеряла. Она скинула длинные узкие пальцы, подошла вплотную к верийцу.

— Даже из страха я не утрачу чувство собственного достоинства! Как же приятно, наконец, узнать, что ты из себя представляешь на самом деле!

Смертная смотрела снизу-вверх уверенно. Где-то глубоко в ней бился ужас, но гордость глушила этот слабый голос.

Аромат жасмина стал невыносимым, вскружил голову, Фауст отступил, прикрыв глаза.

Таких отчаянных надо убивать! Но хочется зарыться лицом в ее густые волосы и ощутить касание этой бархатной кожи! Сколько эмоций! Сколько страсти в этих словах и бесстрашия!

Верес! Что происходит с князем Гевальт? Тем, чей род всегда стоял на стороне чистоты крови. Он не может ее больше видеть сейчас! Достаточно!

— Я должен подумать. — Тихо произнес князь.

Жанна озадачено смотрела в след уходящему верийцу.

— Они здесь все не в себе... — Шепотом произнесла она.

Глава 6 Лилит

*Во имя Добра! Уничтожим нечистые расы!
Несогласных — в тюрьмы! Еретиков — на костёр!
Елена Ханпира — «Во имя веры»*

Как и у других членов малого совета, у волшебницы были собственные апартаменты в Маледиктусе. Лилит также облюбовала небольшой замок с высокими башнями, что всем своим видом напоминал маленькую обитель сказочной принцессы.

Многие древние семьи погибли в войне с богом Невеккет, и теперь на просторах Сумеречного Королевства медленно разрушались родовые замки и поместья. Слишком ценные, чтобы отдать во владения полукровкам, слишком отдаленные, чтобы следить за их сохранностью, они простаивали и пустовали.

В том месте, где русло Гремучей реки разделялось на два потока, а через несколько километров и вовсе переходило в три отдельных рукава, поселилась Лилит. Не слишком далеко от Маледиктуса, но достаточно уединенно для своих занятий магией.

Ее новый дом, Ледяной Пик, скрытый густым лесом, окруженный бурной рекой, возвышался за высокой каменной стеной и садом. Лилит обходилась без стражи (кто же в здравом уме побеспокоит волшебницу?), держала небольшое количество слуг из смертных, что умели хранить молчание.

А еще у нее были ученики. Здесь волшебница не делала различий между полукровками, истинными или смертными. В вопросах магии Лилит была готова поступиться принципом чистоты крови.

Чем же занималась эта холодная красавица среди бессмертных? Она накладывала защитные руны на доспехи и оружие воинов, испытывала различные заклинания, изготавливала артефакты. И, конечно, зелья! Да, она не гнушалась примитивным колдовством! Яды, лекарства, отвары.

Первым с Лилит познакомился именно князь Гевальт. Это было его обязанностью: добывать информацию, искать возможных союзников и слабые места противника.

Когда-то Верес вручил горстке людей Дары. Ему была нужна сила, что смогла бы противостоять его ненасытным детищам-верийцам, чтобы сохранить равновесие мира. Люди эти отделились от своих братьев, и ушли в далекие пустынные земли, гонимые завистниками.

Среди каменной пустыни, в прекрасном цветущем оазисе волшебники основали город-лабиринт, город-мираж, и назвали его Ми-Сойличте, что означало «обман, иллюзия». В город могли войти и выйти лишь те, кого маги сами пропускали. Но и сам город появлялся не для всех!

От того и блуждала армия бессмертных вокруг да около, желая сразить своих вечных соперников. Снова и снова кружили верийцы по оазису, по несколько раз проходили одни и те же места, но ворота не являлись чужакам.

Жили волшебники изолированно, редко покидали свой дом, чтобы раздобыть какой-либо ингредиент или отправится в другое государство для торговли. Большие потрясения не затрагивали Ми-Сойлитче, магов уважали и боя-

лись.

Но только не сын безумного Вереса! Кейн жаждал обладать знаниями волшебников, их артефактами и энергией душ! Костью в горле стояли волшебники, что были равны ему. От союза Ми-Сойличте отказались, они знали, что однажды верийцы захотят быть единственными правителями Вереса и уничтожат соперников.

Кейну повезло. Лилит давно устала от Ми-Сойличте, своего отца — верховного мага, от замкнутой в оазисе жизни. На волшебницу возлагались большие надежды, ее будущее было predetermined происхождением и одаренностью.

Часами скиталась Лилит по ажурному городу. Как бы ни был велик и прекрасен родной дом, он оставался замкнутым. Белоснежные стены давили девушку, она знала каждую линию на витражах, каждую трещинку на мостовых. Точно под колпаком держал ее отец, не позволяя покидать город «до времени».

Потому, она приняла Фауста и его предложение перейти на сторону мятежного Кейна. Изворотливый Советник передал с торговцами послание для Лилит: птицу в клетке.

«Если захочешь — открой» — гласила записка.

Лилит позволила верийцам пройти в лабиринт и сразить давних врагов.

Молодая женщина встретила гостя в своем кабинете. Каждая вещь в этой небольшой комнатке лежала на своем месте: будь то аккуратная стопка бумаг на столе, или ровные ряды книг, расставленных в алфавитном порядке на тяжелых полках.

Вопреки ожиданию, пряничный дворец изнутри выглядел сухо и консервативно. Никаких безделушек или украшений! Только необходимые вещи!

— Как? Сам князь Гевальт? — Лилит улыбнулась своей обманчиво-радушной улыбкой полных спелых губ. — Давно ты не посещал мою скромную обитель.

— Надеюсь, я не помешал тебе, Лилит? — Фауст учтиво поклонился.

Волшебница терпеть не могла прикосновений! Ни вежливых поцелуев, ни дружеских объятий и рукопожатий. Она всегда четко обозначала границы дозволенного. Сама ее поза, манера говорить и двигаться, воздвигали между ней и собеседником невидимую стену, заставляли относиться с почтением, точно к королеве.

— Я всегда рада видеть тебя, друг мой. Надеюсь, ты не против небольшой прогулки под солнцем? — Лилит толкнула двери, ведущие в сад. — Мне необходимо проверить кое-какие, хм... растения.

— Как тебе будет удобно.

Они прошлись по яблонево́й аллее, углубляясь в сад, где вдали виднелись крыши оранжерей. Огромный и густой сад был ухожен. Точно безумный перфекционист отмерил расстояние между каждым деревом, каждым камнем на дорожках, каждой клумбой или ростком. Все здесь было правильно и скучно.

Суровый климат Сумеречного королевства не способствовал увлечению Лилит, а потому, не обошлось без магии.

— Полагаю, у тебя ко мне есть просьба? Иначе ты бы не явился лично. Значит, просьба деликатная. Ты не доверил дело бумаге. Значит, потребуются объяснения.

Волшебница укуталась в меховое манто, скрыла копну густых черных во-

лос капюшоном.

— Тебе не нужно читать мысли, чтобы докопаться до истины. — Отозвался Фауст. — И все же, речь пойдет не только о моей просьбе.

Сам вериец холода не боялся, так же, как и тусклого солнца. Его тело без труда подстраивалось под изменения климата.

— Я вся — вниманье.

До оранжереи было еще далеко. Под ногами женщины хрустел тонкий лед замерзших за ночь лужиц, с каждым днем становилось все теплее, весна брала свое. Глупые птахи щебетали на деревьях, ветер приносил запах оттаявшей черной земли и прохладу с Гремучей реки.

— Король желает знать, сколько еще времени тебе понадобится на поиск ключа. — Начал князь.

Этот вопрос стоял особенно остро. Кейн терял терпение. Мир не пускал к себе чужаков, находиться в нем долго было невозможно: верийцам приходилось все чаще пополнять силы, да еще и время текло здесь быстрее, чем в Вересе.

— Ну, ты же знаешь, князь, что с Невеккет нам просто повезло. — Нахмурилась Лилит. — Я делаю все, что в моих силах. Если бы веккиты не были так простодушны и наивны, — нам бы ни за что не удалось добраться до их Древа.

— Я понимаю, Лилит. Скажи, чем я могу помочь? Ты же знаешь, что у меня уже есть несколько, гм... знакомых среди лоринцев.

— Это было бы очень кстати, князь.

Лилит хотелось сделать все самой, но отпущенные сроки истекали, было просто необходимо действовать сейчас.

— Мне нужны легенды, истории, может быть, какие-то записи жрецов о мироустройстве. Любое упоминание источника силы, святынь, что принадлежали Лорин.

— Я понял тебя. Боги тщеславны и неосторожны. Нет ни одной религии, где бы ни упоминался какой-нибудь предмет, что способен одарить своей силой. Что-то вроде чаши, из которой бог пил.

— Верно. — Кивнула Лилит. — Верес так часто похвалялся своим мечом, что Кейн сразу понял, — это и есть ключ от мира.

— Вероятно, Лорин остановила свой выбор на чем-то более изящном. — Задумался князь.

— Я рассчитываю на тебя?

У волшебницы всегда ловко получалось перекинуть свои проблемы на чужие головы. Но в этот раз все было немного по-другому.

— Я собрал некоторые сведения и могу поделиться своими находками. Одно из моих посещений Лорин принесло кое-какие плоды. Думаю, ты завершишь начатое без труда. Но услуга за услугу, Лилит. Мне кое-что нужно для моей гостыи. — Начал князь. — Она тоскует по родине. Но еще слишком рано говорить о возвращении. Или уже поздно. Уверен, к осени мы полностью разгромим Оринберг и примемся за Атлану. Сантер придет на выручку Лорин, он всегда так поступал.

Свет превратил лицо князя в белую бескровную маску, вертикальные зрачки сузились до размера нитки, от чего глаза казались застывшими янтарными камнями.

— Я думала, ты давно покончил со смертной. Да, теперь ее легче убить, чем

вернуть в отчий дом. Впрочем, в свете последних событий это — одно и то же. — Лилит улыбнулась. — Занимательная особь?

— Тебе было бы интересно взглянуть на Жанну. Она уже неплохо говорит на веалоре, освоила классическую литературу западных Истинных за последние два века. В это трудно поверить, но Основы мироздания она восприняла всерьез, хотя Лорин не потрудились поделить эту информацию со своими созданиями. У нее хорошие данные для человека. И девушка похожа на нас больше, чем смертные Вереса.

— Не пойму я, князь: ты влюбился или просто разгоняешь бессмертную тоску? Твое увлечение не выглядит пустой забавой, будь осторожен.

Лилит, как всегда, почувствовала в словах собеседника скрытое волнение. Ни отстраненно-деловой тон Фауста, ни его равнодушное лицо не ввели в заблуждение проницательную волшебницу. Она чувствовала эмоции. Глубокие, нарастающие.

На светлой матовой коже волшебницы играл морозный румянец. Женщина была хороша собой, но красота эта была холодной и мертвой. Фауст в очередной раз подумал, что Лилит слишком прямолинейна и цинична. Ей бы следовало родиться мужчиной.

— Мне, конечно, все равно. — Лилит брезгливо сморщила чуть вздернутый носик. — Лино этих полукровок меняет каждый месяц. Но тебя, князь, это не красит. Тебе давно пора обзавестись княгиней, ведь род Гевальт почти исчез! Аристократки спят и видят...

— И пусть спят дальше! — Оборвал ее Фауст. — Мой род всегда поддерживал чистоту крови, это верно. Но теперь это стало невозможно: война с Невеккет уничтожила слишком много благородных домов. Полагаю, я в праве немного испортить свою репутацию. Не все же Лино ди Герра раздражать сплетников Маледиктуса. У всех есть право немного развлечься, не так ли?

— Бунтуешь, Фауст? — Лилит рассмеялась. — Это занятно. Я подберу для твоей гостьи лекарство от ностальгии.

Они остановились перед высоким стеклянным куполом оранжереи.

— Ты не находишь, что это чересчур — люди всего лишь животные. Давно доказано, что их души неполноценны и ограничены.

Маска безразличия слетела с лица князя. В его глазах вспыхнули искры. Оскорбление было слишком наглым: полукровки были слугами, любовницами, но ни один вериец не свяжет свою жизнь с таким низким существом!

— Насколько благородно твое собственное происхождение, Лилит? — Надменно поинтересовался Фауст. — Маги Ми-Сойличте не многим превзошли смертных и полукровок.

— Не сходи с ума. — Лилит позволила себе слегка пожать князю руку. — Ты просто так увлечен своей игрой, я не могла не уколоть такую безупречную репутацию.

— Говори, что хочешь, Лилит. Только выполни свое обещание.

— Разумеется, Фауст. Разве я подводила тебя когда-нибудь?

— Надеюсь, мои слова не нанесли тебе обиду. — Примирительно закончил князь.

В огромной оранжерее было тепло и светло. Как в садах Ми-Сойличте, что превратились в руины. Должно быть, ветра пустыни давно замели ее отчий дом.

Лилит вздохнула. Ностальгия? Ее она не мучила никогда! Для этого надо любить что-то или кого-то. Она на такое не тратит свое время. Вот и князь во второй раз наступает на те же грабли: Агнесс Гевальт, его мать, так и не простила сыну разорванную помолвку с дальней родственницей.

Безмолвные ученики волшебницы хлопотали над растениями. Здесь были редкие ядовитые цветы, целебные травы, некоторые «питомцы» Лилит обладали подобием разума: высокие стебли шевелились, стоило кому-нибудь приблизиться, замирали, раскрывали ароматные бутоны.

Плотоядные, ползающие, опасные и безобидные, — ботанические эксперименты Лилит требовали ухода. Часть экземпляров росла под стеклянным куполом. И эта мера была продиктована элементарной безопасностью.

— Нел. — Обратилась Лилит к одному из садовников. — Как сегодня себя чувствует наш подопечный?

Невысокий смертный приоткрыл плотное покрывало, что скрывало очередной стеклянный купол.

— Замечательно, госпожа. Он охотно питается, его энергии хватает, чтобы разорвать ткань реальности. Вот только его аппетит возрастает день ото дня. Боюсь, чтобы использовать его эффективно, необходимо найти более питательную материю.

Лилит задумчиво кивнула.

— Чем же ты сейчас его кормишь, Нел?

— Хотите взглянуть?

— Пожалуй. — Девушка коснулась стеклянного купола.

Стена отозвалась легкой вибрацией, Лилит прошла насквозь.

Перед ней сразу зашевелилось несколько ползучих стеблей.

— Тише. — Скомандовал Нел. — Госпожа пришла к тебе.

Стебли расступились, открывая маленькую тропинку. Через несколько шагов Лилит увидела «сердце» ее питомца, — прекрасный ярко-розовый бутон. Манящий горько-сладкий аромат смерти исходил от бархатистых лепестков огромного цветка.

Лилит вопросительно посмотрела на Нела. Ученик махнул рукой, — и еще двое садовников подтащили к бутону упирающегося коня.

Цветок моментально увеличился в размерах, его лепестки пронзили синие жилки. Конь успокоился и сам шагнул навстречу своей смерти: лепестки сомкнулись вокруг животного, — безжизненная туша упала на землю.

— Ему надолго хватает этой энергии? — Поинтересовалась Лилит.

— На полдня, госпожа. Но если мы хотим увеличить площадь разрыва, — нужны настоящие жертвы.

— За этим дело не станет, Нел. Мы увеличим не количество, а качество питания. Если дело пойдет на лад, — не понадобится искать ключ от Лорин. Мы опутаем часть мира. Ведь разрыв не затягивается больше?

— Нет, госпожа. Ткань реальности не восстанавливается.

— Отлично! Начнем с узников Ледяного Пика и тюрем Маледиктуса. Отправь письмо ординату Гайосу: я знаю, у него есть образцы с высокой жизненной силой.

Лилит покинула оранжерею. Ей было понятно, что она не может дать королю того, что он требует незамедлительно: волшебница не способна открыть Лорин.

Ее милые цветочки — скорее эксперимент. Возможно, когда-нибудь она доведет задуманное до ума. Но на это нужно время. А времени у нее нет.

Кейн жаждет побед и завоеваний. И чем скорее, — тем лучше. С каждым днем все больше волнений на границе с миром Лорин. С тех пор, как погиб Верес, интерес Сантера к миру возрос. Бог больше не скрывал своих амбиций, настроив Лорин против Кейна.

Сантер запугал богиню: Кейн захватил Невеккет, следующим будет ее мир. Нужно нанести удар первыми, ведь они всегда были союзниками. Растерянная, Лорин попыталась найти подход к новому соседу. Кейн избегал прямых ответов, старательно обходил все вопросы, связанные с какими-либо гарантиями и заверениями.

Лилит машинально проследовала обратным путем в свой кабинет.

Через несколько минут в ее дверь постучали.

— Войди, Амос. — Не отрываясь от своих записей, произнесла Лилит.

— Моя госпожа. — Амос почтительно поклонился.

— Ты принес мне хорошие вести? — Лилит жестом пригласила собеседника присесть в кресло рядом с ее рабочим столом.

— Вам решать, госпожа. — Амос покорно занял указанное место.

— Слушаю тебя, Плетельщик снов.

— Князь Гевальт исследовал северные земли Оринберга. Он тщательно изучал историю нескольких дворянских родов. Много раз посещал эти графства, его слуги наблюдали за смертными...

— И? — Нетерпеливо перебила Лилит.

— Он привез из Лорин девушку.

— Да, да. — Разочарованно отозвалась Лилит. — Об этом знает весь Верес. Истинные в праве брать любые трофеи. Ты принес мне те записи, что изучал твой господин?

— Разумеется.

Амос достал из-под плаща стопку аккуратно сшитых между собой листов, исписанных округлым подчерком князя Гевальт.

— Он что-то скрывает, твой господин. — Лилит взяла в руки листы. — Слишком поспешно покинул Лорин и сменил направление разведки. Уверена, он нашел то, что мне нужно. Он нашел Ключ и почему-то не торопится поделиться своими знаниями.

— Я бы присмотрелся к чужестранке. Если я могу что-нибудь сделать... — Начал Амос.

— О, друг мой, — Лилит ласково провела рукой по руке верийца. — Ваше предательство бесценно! Но пока что я вполне справляюсь сама.

— Я изучал бессознательную часть лоринки. — Амос пытался вернуть разговор в нужное русло.

— Уверена, это было очень занимательно. — Натянуто улыбнулась Лилит. — Но как это приближает меня к моей цели? Князь уже рассказал мне все, что хотел о своей игрушке. Всего лишь еще одна разновидность примитивной жизненной формы. Не более.

Амос Дитрих был тщеславен. Он давно мечтал обучаться у Лилит, чье могущество приравнивалось к силе самого Кейна. А потом, волшебница станет частью его коллекции.

Теперь Лилит изучала бумаги Фауста. Щуплый и невзрачный вериец давно

ушел. Она избавится от него. Юнец слишком глуп, если возомнил себя достойным ее, Лилит из Ми-Сойличте! И слишком опасен, чтобы держать на расстоянии. Слишком опасен. Конкуренция при дворе короля была высока, и скидывать со счетов назревающую силу было нельзя!

Но сейчас он очень даже полезен.

Лилит сладко потянулась, отложила бумаги в сторону.

Все это мусор. Фауст не так глуп, он знает, что Амос его предает и подбросил мальчишке малозначимые факты.

Волшебница вернулась в свою оранжерею, еще раз осмотрела растения.

— Вы чем-то обеспокоены, госпожа? — Услужливый Нел бесшумной тенью появился рядом.

— У нас осталось мало времени, Нел. — Вздохнула Лилит, погладила алые лепестки одного из цветков. — Сила, с помощью которой мы открыли портал, иссякает. Жертвы веккитов окажутся напрасны, если мы не найдем Ключа. Тысячи пленённых.

Растения успокаивали Лилит. Они полностью зависели от ее воли, каждое из них служило какой-то цели. Как же устала Лилит от высокомерных верийцев! Если бы она знала, чем обернется ее личная жертва. Бессмыслица.

Никогда больше не чувствовала она себя сильной и нужной. Кейн и его подданные не считали волшебницу Ми-Сойличте равной себе. Это пренебрежение проскальзывало время от времени в разговорах. Как сегодня с князем.

«Насколько высоко твое происхождение?» — Вспомнила Лилит. — «Заносчивый и самовлюбленный аристократ!»

Глава 7 Визит Короля

*Мой мир слов пустых, глаз холодных и слепых.
Кто привёл меня сюда — Демон или Рок?
В город тьмы и снов, в рай халдеев и глупцов,
Где забыты боль и совесть, и воспет порок.
Маврин — «Падший»*

Кейн, сын Вереса, мятежник и король верийцев, с рождения привык получать все, чего захочет и поступать так, как ему вздумается.

Отец часто доверял ему управление своим миром и никогда не спешил делиться знаниями. Верес строго спрашивал со своего сына за его поступки и решения. Кейн перенес эту привычку на своих подчиненных.

Верес был подозрителен и скуп на похвалу. Кейн... Он был похож на отца больше чем на свою мать, которой он никогда не видел.

Была лишь одна разница между Вересом и мятежным богом: харизма. Его незримое влияние было настолько велико, что верийцы слепо вверяли ему свою судьбу. Это опьянение заканчивалось лишь тогда, когда король сам терял интерес. В лучшем случае жертва «трезвела», возвращалась к прежней жизни, не переставая удивляться своим прежним поступкам. В худшем, — страдала, теряла ориентир и цель в жизни.

Король привык видеть членов малого совета в Маледиктусе, где они всегда были под рукой. Так было угодно королю.

Сейчас его злила задержка. О том, чтобы покорить Лорин быстро не могло идти речи, пока волшебница не отыщет ключ. Потом Кейну придется поломать голову над тем, как подчинить чужую энергию своей воле. Тогда он сможет добраться до источника всего мира, осушить его или преобразить — это как получится.

Невеккет пришлось сжечь дотла. Его мощь скрывалась в огромном дереве. Несущий смерть срубил это дерево. Мир погиб.

Лорин не казался крепким орешком. Главной целью был Сантер. Последние триста лет Лорин служил лишь полем для небольших шагов, стычек. К великому разочарованию, богиня не видела в Кейне союзника, равного. Ей хотелось приказывать, а подчиняться вериец не привык.

Снег таял, превращая дороги в кашу. Высокие деревья быстро перешли в дремучий лес, сухие ветки спрятали небо, переплетаясь над головой. До заката было еще далеко, но здесь, среди черных широких дубов и густых колючих кустов, царил сумрак.

Путь был не близким, запах весенней свежести нравился королю. И возможность хоть ненадолго остаться наедине со своими мыслями. Он чувствовал Верес, огромный мир, полный жизни. Он слышал отдаленный шепот молитв простых смертных. Слышал, но не вслушивался. Это больше были не его заботы. Об этом думали верийцы, его наместники. Они не просто управляли провинциями, но собирали дань, следили за порядком, олицетворяли закон и власть.

А также приводили новых солдат-полукровок. Последних сейчас было слишком много, а потому, попасть в Лорин было необходимо срочно! Накоп-

ленные силы грозили разорвать Верес своим хаосом.

Высокие шестиугольные башни врезались в темнеющее небо. На красных стенах вышагивали часовые, крепкие ворота давно были заперты. Волчий замок казался неприступным. Но только не для Кейна!

Король играючи взобрался на отвесную стену, бесшумно преодолел всех дозорных, сливаясь с вечерними сумерками. Когда он появился во внутреннем дворе, стража растеряно вытянулась по стойке смирно. Да, достанется им теперь от хозяина за невнимательность!

Кейн прошел мимо нерадивых воинов Советника, велел не докладывать. Он спросил первого попавшегося слугу, где его хозяин, на что последний дрожащим голосом ответил, что господин предпочитает проводить время на верхнем этаже восточного крыла. Несомненно, бедняга кинется с докладом. Но Кейн будет быстрее.

От князя давно не было вестей. Между тем, его лазутчики, как и сам Фауст, были единственной нитью, что связывала два мира. Лилит не оправдала ожиданий своего короля, ее магии требовалась передышка. Она лишь присылала отчет о своих экспериментах. Детская забава: цветочки и ягодки!

Между тем, в чужом и непонятном мире Лорин осталась группа его воинов, что стойко держала занятые рубежи. Верийцы возвращались совсем другими. Неуравновешенными, сентиментальными. Четкий и строгий порядок Вереса рушился в Лорин, обнажая слабые стороны бессмертных.

Можно было отправить за Советником гонца или послать летучую мышшь с письмом. Трезвы и расчетливый ум Фауста был ему нужен как никогда: приходили новости о жрецах богини, что своей ревностной верой заслужили Дар. И Дар этот прекрасно справлялся с бессмертными.

Ничего подобного князь не докладывал. И теперь Кейн жаждал узнать правду, прижать своих подчиненных к стене.

Она что-то рисовала, сидя на краю смотровой площадки. Ее руки были перепачканы краской, на щеке художницы тоже остался отпечаток. Однако она была так увлечена работой, что не замечала этого. Выглядела Жанна гораздо лучше: милый овал лица, большие распахнутые глаза, пухлые губы, хрупкая фигурка тонула в мужской рубашке, с закатанными до локтя рукавами.

Несмотря на холод, девушка продолжала водить кистью по холсту, явно намереваясь закончить работу вопреки всему.

— Что вы рисуете, госпожа? — На балкон вышла служанка. В ее руках была меховая накидка, которую она пыталась надеть на художницу.

— Художники пишут, Рейна, а не рисуют. — Не отрываясь, ответила Жанна. — Не мешай, пожалуйста.

На ней был белый фартук, весь перемазанный красками разных цветов, жемчужные волосы разметались по плечам.

— Вот и все. — Улыбнулась Жанна. — Смотри? Похож?

— Горы! — Восхищенно воскликнула Рейна.

— Да ты присмотрись. — Улыбнулась девушка.

— Великая ночь! Что вы наделали! — В ужасе воскликнула служанка. — Вы нарисовали Короля! Никто не смеет!..

Служанка сделала робкую попытку закрыть холст полотенцем, что сжимала в руке, но Жанна решительно отстранила ее.

— Здесь кроме нас никого нет, чего ты боишься, глупышка? Вашему наду-

тому Королю нет дела до нас и наших жизней. — Она капризно показала язык.

— Ах, господин Фауст рассердится, если узнает! — Сделала еще одну попытку служанка.

— Он не умеет сердиться на меня, ты же знаешь. — Беспечно бросила Жанна. — По крайней мере, ему от этого всегда хуже, чем мне. — С лукавым удовольствием добавила лоринка.

Она сняла фартук, вытерла об него руки.

— Принеси лучше воды. — Велела она служанке. — Ты же видишь: я вся в краске.

— Ой, госпожа! Бегу! Замерзли совсем. Как же так можно. — Девушка скрылась за дверь, что вела на террасу.

Рейна принесла большой кувшин воды и чашу. Жанна умылась, закуталась в накидку.

— Я-то думала, вы сад нарисуете. То есть, это, напишите. Зачем же было морозиться. Только оправились от болезни.

— Здесь легче дышать, — Жанна усердно оттирала руки. — Надоели эти стены. И нечего надо мной кудахтать, я не дитя!

После Фьель девушка надолго слегла: переохлаждение, усталость и нервное напряжение сказались на здоровье. Но она этого не помнила. Как не помнила ничего из своего прошлого.

В последнее время Жанну как подменили: она стала спокойнее и беспечнее. Для нее существовало здесь и сейчас, Верес уже не казался чужим. Смутная тревога иногда одолевала девушку: она должна что-то сделать, что-то вспомнить важное, от чего зависит чья-то жизнь. И девушка становилась капризной. Она надувала губки, покрикивала на слуг, цеплялась к мелочам, будь то уборка или приготовленное блюдо.

Ей по-прежнему было неуютно в пустых и торжественных комнатах замка. Но куда и зачем идти? Жанна чувствовала себя увереннее от близости князя, но он сам уклонялся от какого-либо общения. Не робкий, он терялся в ее обществе, безмолвно стояло в золотых глазах ожидание, но чего?

Оставшись наедине с собой, Жанна окуналась в пустоту и бессмысленность прожитого времени: день за днем шли размеренно и монотонно. Надоели пыльные книги, наскучили наряды, однообразная болтовня слуг, простота и ограниченность Волчьего замка.

— Ой, ну что же вы, госпожа. Так хорошо, что вы появились здесь. — Болтала Рейна. — Без вас дом был мрачным, князь всегда пропадал в Маледиктусе, возвращался в плохом настроении. Редко случались гости у нас, а когда случались, — нет-нет да убьют кого ненароком.

— Какая дикость. — Скривила Жанна хорошенькое личико. — Да, я все хотела спросить: ты помнишь, как я появилась здесь? В последнее время я какая-то рассеянная, все забываю. — Вздохнув, добавила она.

— Разве вам плохо у нас? — Удивилась Рейна. — Вы приехали с князем из Маледиктуса, госпожа. А как он вас нашел — того не ведаю. Князь так заботится о вас: дает вам все, о чем вы просите и не просите. У вас столько красивых платьев, драгоценностей, а вы ходите в рубашках и штанах. Вы же девушка, благородная дама. Попросите милорда, — он закажет вам по размеру, у лучших белошвеек.

— Я знаю каждый сантиметр этого парка и этих стен. Жизнь размерена, но

скучна. — Девушка, будто в подтверждение своих слов, сделала два шага в одну и в другую сторону. — Зачем мне все эти наряды и драгоценности — их вижу только я. Смешно! И эта его отвратительная привычка — заглядывать в мои мысли. Я чувствую себя абсолютно голой!

— Попросите господина изменить вас! — Воскликнула Рейна, и тут же, испугавшись своей дерзости, закрыла рот руками.

— Для чего? — рассмеялась Жанна. — Чтобы бесконечно долго проживать один и тот же день? — Она с досадой поджала губы. — Я существую, но не живу.

— Поверьте, госпожа, князь с удовольствием показал бы вам все Сумеречное Королевство. Но вы — смертная. Вы же знаете, что за пределами этих стен выживают не многие. А те, что выживают, действительно больше похожи на диких зверей. Да разве в этом дело! — Всплеснула руками служанка. — Почему вы не попросите его? Думаю, он ждет от вас именно этого. И хочет, чтобы вы насовсем остались с нами.

— Что ты болтаешь? — Жанна залилась краской.

Это было так прекрасно! Кровь подступила к ее белым щекам. Они стали пунцовыми как маки. Кейн невольно сглотнул слюну. Как же ему захотелось разрушить эту красоту, наслаждаясь ее угасанием. Словно ребенку, отрывающему лепестки цветка, развеять магию этих чар.

Он появился незаметно и невольно прислушался к болтовне девушек, не выдавая своего присутствия.

— С чего ты взяла, что я — не просто игрушка? Не прихоть заскучавшего... мертвеца? Я чувствую себя не лучше тех картин, что он хранит в галерее: тобой любуется один зритель и уйти никуда нельзя. «Редкая» — так он меня называл. Как вещь. Его душа кажется мне истертой и жестокой, а сердце, если оно у него есть, — давно перестало что-либо чувствовать.

— Что вы говорите, госпожа! — Охнула от такой дерзости девушка.

— Я называю все своими именами.

— А мне кажется, он в вас влюблен. — Хитро усмехнулась Рейна.

— Что? — Вспыхнула Жанна. Она еще больше смутилась, пряча лицо за холстом. — Какие глупости ты говоришь!

Лоринка медленно отвернулась, задумчиво прикусив губу, затеребила пальцами края накидки. Она была взволнована, и сама не могла понять, почему вдруг для нее стало так важно услышать то, о чем болтала Рейна.

В Лорин у графини было много друзей среди молодых людей дворянского происхождения, но Жанна все еще не успела по-настоящему влюбиться. Со всей страстью и пылом первой любви она была не знакома. Все эти жесты и вздохи были известны ей лишь по рассказам подруг, искушенных самыми достоверными источниками — дамскими романами.

Интуиция подсказывала Жанне: что-то происходит не только с ней. Князю мало было обладать властью над своей гостьей, он жаждал насладиться ею полностью. Пламя, обжегшее его, разгоралось все жарче и праздное любопытство переросло в томящее чувство.

Фауст избегал девушки, старался вновь обрести равновесие. Но если им все же доводилось встречаться — вериец мужественно искал в себе силы сопротивляться дурманящим чарам смертной.

Если они танцевали в пустой бальной зале, девушка замирала, ощущая лег-

кое пожатие его рук, украдкой подмечала его улыбку, тогда сердце билось как бешеный барабан. Все это льстило ее женскому самолюбию, игра была забавной и увлекательной. А молчание становилось все красноречивее.

И все же, их разница в возрасте, столь не зримая внешне, все чаще ощущалась в разговорах.

Легкая на подъем, веселая и жизнерадостная Жанна забавляла князя. Иногда ее было слишком много вокруг: она вносила суматоху в быт Волчьего замка, затевая игры с прислугой, перестраивая и переставляя все в комнатах. Ее можно было встретить на кухне Варвары, где девушка усердно месила тесто, чистила рыбу или просто болтала с поварихой.

Кузнец начал закрываться в кузнице, ибо даже туда Жанна совала свой любопытный нос. Но, после пары ожогов и ушибленных пальцев, была выставлена вон, от греха подальше.

Ей было недостаточно просто гулять по парку. Жанна принималась строить снежные замки, устраивала войну с Рейной, пару раз прилетело и князю, от чего хозяин стал похож на рассерженную сову.

Все эти шалости вызывали у Фауста улыбку и были приятны обоим. Но стоило верийцу начать учить свою гостью, объяснять положение вещей в Вересе... Она по-прежнему принимала в штыки здешние обычаи, становилась колючей как еж.

Смертным полагалось быть уступчивыми, смиренными. Эти существа, внешне схожие с верийцами, оставались психологически и духовно не зрелыми, нуждались в управлении более развитых и образованных созданий бога.

— От тоски верийцы становятся жестоки. А вы вдохнули в него жизнь. — Не унималась Рейна. — Ваш возраст — возраст любви. Я не узнаю господина с момента вашего появления. — Горячо заговорила служанка. — Вы задели его очень сильно, он так часто спрашивает о вас: что вы делаете, о чем говорите. Никогда и никто из детей Вереса не относился с таким теплом к смертным. — Почти шепотом закончила она свою крамольную мысль.

Кейну надоела болтовня девушек: не хватало только слушать эти оскорбительные для Истинных речи!

Рейна вскрикнула, увидев короля, упала на колени. Жанна обернулась.

— Великая ночь! Да ты еще жива! — Рассмеялся Кейн. — Ты щебечешь как глупая пташка. Мечтаешь выйти из золотой клетки, а лететь то тебе уже некуда.

Девчонка не испугалась. Не побежала и не упала ниц от ужаса. Похоже, она всерьез считала себя равной Кейну.

— Доброй ночи. Чем обязана такой чести? — Холодно поинтересовалась она. Ее голос не дрогнул.

— Твой дом лежит в руинах. — Усмехнулся король. Он окинул ее любопытным взглядом, сморщился, точно от глотка уксуса. — Мои солдаты пленных не берут, девочка. Тебе некуда бежать из Сумеречного Королевства. Не помешало бы тебе склонить голову, пока она на месте.

Его лицо оказалось совсем близко, глаза — холодные как горы вокруг замка. Девушка онемела. Воспоминания тонули в темноте. Что-то жуткое исходило от верийца, окутывало с ног до головы. Точно лед треснул в сознании от чужого натиска.

— Повтори. — Севшим голосом попросила девушка. — Что ты сказал про

Оринберг?

Король рассмеялся ей в лицо.

Вместо бесполезных слов, Кейн передал ей мысленные образы. Кровавые картины были достаточно красочными, заслоняли все сознание, пробирали до дрожи.

— Ваш мир — мир рабов! — Презрительно процедил Кейн. — Все, чего вы достойны — служить интересам Истинных. И так будет, когда Лорин весь подчинится мне.

— Ты — дремучий варвар! — Выпала Жанна. — Как смеешь ты судить о ком-то так высокомерно и узколобо?!

Кейн хотел было сразу отсечь наглой девке голову, но передумал. Он с ног до головы окинул ее: руки ухоженные, никогда не знали тяжелого труда, горделивая осанка, смелый и осмысленный взгляд, дорогие серьги в ушах, меховая накидка... Не похоже на мимолетное увлечение, которыми грешат все верийцы, время от времени забывая, сколь недостойно связываться с низшими существами, с этим безмозглым скотом.

Кейн направил в сторону смертной руку и сжал ладонь в кулак. Время застыло, точно Жанна угодила в какое-то желе. Ее тело стало непослушным и ватным, легкий холодок покалывал.

Король с любопытством изучал яркие воспоминания девчонки. Как же досадно, что он не мог просмотреть их все: разум был достаточно силен, чтобы сопротивляться. Да, он помнил ее! Фауст вцепился в чужестранку мертвой хваткой, требуя ее для себя как награду за очередное успешное дело. Любопытно.

И абсолютно не приемлемо! Из-за этой дряни князь перестал быть исполнительным. Быстрым движением король рассек вены на ее руке, больно впился зубами в плоть, точно зверь.

Рейна, бессильно заламывая руки, лежала ниц. Все в бедной служанке жаждало помочь своей госпоже, но несчастная ничего не могла сделать. Она лишь наблюдала, как бледнело лицо Жанны, тряслась от страха и причитала:

— Молю вас, возьмите мою жизнь вместо госпожи! Она не здешняя, не гневайтесь, молю!

Горькие слезы ужаса и отчаянья катились по веснушчатому лицу. Но Кейн не обращал внимания на жалкую смертную.

— Ты отдал ее мне. Отпусти. — Гибкий силуэт князя возник на площадке, в глазах плясало пламя.

— Иначе что? — Король остановился, но не удостоил Советника даже взглядом. — Все в этом мире принадлежит мне.

— Я прошу тебя. — Устало вздохнул Фауст.

Рука князя лежала на эфесе меча, обманчиво-покорный голос не вводил в заблуждение: мужчина был напряжен, как натянутая пружина.

Кейн, рассмеялся и вытер ладонью рот. Грязный способ ломать природу смертных, но другого нет.

— Ты второй раз вступаешься за эту тварь. — Кейн равнодушно отбросил вялое тело в сторону, с раздражением подметил, как заботливо и бережно Гевальт подхватил девчонку на руки. — Явишься в Маледиктус завтра же!

И грозная фигура скрылась в тенях.

— Не прикасайся ко мне! — Мраморная фигурка полетела в сторону Фауста.

Вериец перехватил безделушку в воздухе, поставил на стол.

Жанна все еще дрожала от страха и ярости.

— Как ты посмел стереть мои воспоминания?! Ты обещал, дал слово, что я вернусь домой!

Девушка нахмурилась от головной боли: память возвращалась.

Фауст сделал еще одну попытку усадить Жанну в кресло, но она так выразительно посмотрела на князя, что он отступил.

В небольшой гостиной царил беспорядок. Под ногами хрустели осколки пузатой вазы и валялись раздавленные ногами розы. В порыве злости Жанна смела все статуэтки с каминной полки, швырнула подсвечник в большое овальное зеркало, что стояло возле окна.

Адреналин поддерживал Жанну, требовал немедленного выхода, кровь пульсировала в висках. И кто бы мог подумать, что в такой милой девушке кроется столько эмоций! Она бушевала, как ураган. И во второй раз эта стихия разносила все, до чего могла дотянуться.

Они не ссорились уже давно: магия Лилит стерла прошлое в голове смертной. И так не вовремя этот визит короля!

— Ради бога, позволь перевязать тебя!

— Ради Вашего бога я пальцем о палец не ударю! — Она замахнулась на него еще одной статуэткой. — Знаю я твоё лекарство: завтра же забуду своё имя!

Фауст мгновенно ретировался, позволив ей разбить оставшиеся безделушки. Он сдержанно перенес еще одну тираду проклятий, Рейна застыла возле двери, глотая слезы обиды.

— А ты! — Жанна вдруг обратила внимание на горничную. — Ты все знала и молчала! Как ты можешь пресмыкаться перед этими монстрами? Я считала тебя подругой! А ты — жалкая трусиха, предательница! Ты опоила меня этой гадостью! Убирайся прочь!

Жанна оперлась рукой о стену, в ушах зазвенело, подступила дурнота. Кейн забрал слишком много сил у своей жертвы. Каскад ее жемчужных волос вырвался из давно распавшейся прически, девушка стала оседать на пол.

Фауст подхватил Жанну, усадил в подставленное Рейной кресло.

Горничная, продолжая рыдать, принялась за перевязку.

— У тебя могут возникнуть галлюцинации. Скорее всего, начнется лихорадка. Некоторые люди впадают в беспамятство. — Бархатный голос верийца звучал в голове, а темнота в глазах все сгущалась.

На мгновение она забылась, и ей привиделось белое оскаленное лицо Короля, пламя пожирающее ее страну, мертвые, растерзанные тела. Девушка вздрогнула, пришла в себя.

— Я ненавижу вас всех. — Пробормотала она, точно пьяная. — Как вы смее!.. Как смеее вы считать себя лучше других... кто дал вам право? — Сквозь злые слезы говорила она.

Рейна мазала виски каким-то густым раствором, бормоча себе под нос, что «она не заслужила» и «готова хоть сейчас умереть» за Жанну. Князь бережно придерживал поникшую голову графини и ее распустившиеся волосы.

Жанна рассеянно смотрела в его золотые глаза.

— Для верийцев люди — скот. Вот как ты относишься ко мне? Все твои прекрасные и воздушные слова — ложь. Ваш король ясно дал мне понять то, что

ты так тщательно пытаешься от меня скрыть.

— Мне жаль, что пришлось так поступить с тобой. Я хотел, чтобы ты была счастлива. И до сих пор хочу. Но ты все время тосковала и вспоминала свою семью. Твоя безрассудная юность очаровала меня. — Томящее чувство затрепетало в голосе верийца. — Ты живешь одними эмоциями, видишь лишь то, что хочешь видеть. Твой необузданный нрав выводит меня из себя, но я уже не могу представить себе ни одного дня без твоих проказ. Видишь? Я вовсе не считаю тебя хуже или ниже. — И, словно приблизившись к рубежу, князь переменил тему.

Незаметно появилась Герда, вытолкнула за дверь безутешную Рейну, принялась убирать следы недавнего скандала в комнате. Лакей принес поднос с липовым чаем и очередным кондитерским шедевром от поварихи Варвары.

А князь все объяснял притихшей Жанне, что не мог поступить иначе, что остановить вторжение — не в его власти, но он ищет графское семейство. И, хотя это противоречит законам Сумеречного королевства, готов признать ее, смертную девушку, равной верийцам. Маледиктус истреplet его имя, если узнает о Жанне, а Кейн способен на любой жестокий поступок, чтобы удержать своих подданных в подчинении.

— Возможно, в твоих глазах я всегда буду чудовищем. Но ты не справедлива ко мне: я никогда не скрывал своего отношения к тебе. Я искренне желаю тебе добра. Что касается других: такова природа верийцев, даже если ты с чем-то не согласна.

Они уже давно остались вдвоем. За окном сгустилась чернильная ночь, появились россыпи звезд. Горячий чай согревал, тело начинало ломить: лихорадка не заставила себя долго ждать.

Слуги развели огонь в камине, но свет зажигать не стали. Так они и сидели напротив друг друга: молодая девушка и древнее чудовище.

— Что же мне делать, князь? Я люблю свою семью и сделаю все, чтобы их спасти. А ты предлагаешь мне остаться с тобой и просто ждать. Это настоящая пытка. Сидеть, сложа руки, наслаждаться жизнью, пока умирают другие. Твой мир убьет меня. А твой король убьет все то, что мне дорого.

— Я должен вернуться в Лорин. — Горько ответил он. — Я позволил себе упустить время. Если ты хочешь увидеть свою семью, прояви терпение: не пытайся уйти, доверься мне. Это все, что я могу сделать. До других смертных Лорин мне нет дела, с их обреченностью придется смириться.

Фауст и сам понимал, что ситуация вышла из-под контроля. Он давно не появлялся в Лорин, подчиненные работали самостоятельно. Гевальт не встревожился, когда доклады стали приходить все реже.

В Лорин было много свободной магии, но она не давалась в руки бессмертным. Это была другая энергия. Живая и неподвластная верийцам, такая же своевольная, как Жанна де Стрейн. Она меняла захватчиков.

Да и сама девушка менялась под воздействием Вереса: в Лорин он встретил своенравную, но милую леди, в этом мире все демоны вышли из-под контроля Жанны. Она не сдерживалась, вела себя дерзко и своевольно.

— Знаешь, когда мы были детьми, я, Маргери, Луи и дети наших слуг, мы все играли вместе. Я уже говорила: наш род обеспечен, но не слишком богат. И отец всегда говорил, что высокомерие не красит человека, а простолюдины — такие же достойные люди, как мы. Просто бедные. Так сложилась их

судьба.

Так вот, однажды мы играли в прятки в парке. Стояла зима. Такая же холодная, как в этом году. Мы прятались и искали друг друга по очереди, все было хорошо. А когда стухли сумерки, Луи нашел почти всех, кроме Маргери. Мы стали звать ее. Она была младше нас всех, ей было всего пять.

Маргери не отзывалась. Мы забеспокоились, обошли весь парк, стало совсем темно и мы позвали на помощь взрослых. Люди искали ее до рассвета, я и Луи сидели в гостиной вместе с мамой. Мы не спали всю ночь, только всхлипывали и прижимались друг к другу.

Ее нашли уже утром. Она уснула на конюшне, под боком своего пони. За эту ночь я поняла, что нет ничего дороже семьи. И поклялась, что, если кому-то из них будет угрожать опасность, я сделаю все, чтобы спасти их, а не буду сидеть и молча ждать в гостиной. Отдам свою жизнь, если потребуется. Я знаю, мой брат и моя сестра сделают то же самое для меня или для отца с матерью.

Я люблю их, а они любят меня. Я хочу вернуться к ним. Ведь именно сейчас их жизнь в опасности. Я готова довериться тебе, но если будет хотя бы призрачная возможность вернуться домой... Я не упущу этот шанс. Почему ты избегаешь меня? — Вдруг спросила Жанна. — Я настолько противна тебе?

— С чего ты взяла?

Фигура князя застыла в кресле, по алому мундиру плясали тени от огня, на бледном лице светились янтарные глаза.

— Ты можешь изменить меня.

— Ты действительно этого хочешь? — Снова жадный блеск в глазах.

— Да.

Она подошла к нему и опустилась на колени перед его креслом. Дрожащей рукой она ухватилась за бинты. Князь перехватил ее ладонь, крепко сжал и поцеловал.

— Прощу тебя. — Нервно произнес он. — Не сейчас и не так. И я не пью кровь, Жанна. Я же тебе объяснял. Я не хочу, чтобы ты жертвовала собой. Не так.

— А когда? — Она вскинула на него рассерженное личико. — Ваш король пьет. Это так делается? Вы отравляете человека своим укусом, и он меняется...

Она вдруг четко осознала это. Именно таким способом верийцы создавали полукровок. Но выживали не все, настолько ядовита была чужая природа. Некоторые, напротив, не менялись, побеждали в этой схватке. Все решал случай. И собственное желание жертвы. Нельзя было заставить измениться насильно.

— Я не могу. Это опасно. — Он подтвердил ее догадку, глаза тревожно забегали. — Просто укусить недостаточно. Это долгий и сложный процесс. Не за один день, не за неделю. Тебе стоит отдохнуть.

Как сложно было бороться с этим соблазном! Хотелось впиться зубами в ее руку, распустить нити чужой души и проникнуть, наконец, в это загадочное сознание. Прочитать короткую, но яркую жизнь, поделиться своей, дать силу и бессмертие. Фауст помог ей встать, кивнул расторопному лакею, что появился в комнате. Слуга бережно подхватил девушку за локоть, повел за собой.

— Он вернется, князь! Я знаю. Не будь же трусом! — Воспротивилась Жанна.

— Ты не смеешь меня так называть! — Он вдруг стал чужим и далеким.

Девушка невольно отшатнулась.

— Еще не время. — Сухо добавил вериец.

Нельзя рисковать. Обреченность и смирение, с которыми был сделан выбор его гости, не устраивали Фауста.

— Держись, девочка. Борись! — Графиня сквозь пелену слышала старческий голос. — Ты тут все с ног на голову перевернешь, девочка. — Она покачала головой. — Больно живая. И чужая.

Сухие руки положили на голову холодное влажное полотенце, поднесли к губам отвар.

Это была Нора. Жанна не видела ее с тех пор как... Как что? Она не могла вспомнить.

— Помоги мне. — Попросила Жанна шепотом. — Я должна уйти. Я должна выжить.

— Уйдешь, уйдешь. — Нора поправила повязку на голове. — Он придет за тобой, ты же знаешь. И ты должна победить. — Старуха вложила в руку Жанны амулет.

Тот самый, который когда-то дал Вик. На мгновение лицо старухи растаяло, превратилось в Вика.

— Я же говорил тебе: береги себя. — Произнес его заботливый сильный голос.

— Ты жив. — Улыбнулась Жанна.

— Он жив. — Перед ней снова стояла Нора. — И беспокоится о тебе. Он хотел и не смог тебе помочь. А сейчас — спи. Все твои испытания только впереди.

Князь уже час сидел в своем кабинете. Его никто не тревожил, кроме собственных мыслей.

Ах, как же наивно он полагался на «лекарство» Лилит! В один визит, Кейн сломал чары лишь своим присутствием.

Если только она узнает, какой ценою куплена ее собственная жизнь! Со временем мораль становится гибкой и решиться на подлый поступок не так сложно, если он оправдан личной выгодой. Но если собственная совесть не грозила Фаусту муками, то страх быть разоблаченным не давал покоя.

Фауст машинально крутил в руках кинжал. Этим оружием он совершит ужасный ритуал, но все во благо. Тот самый кинжал из девичьего сна. Его принесли неделю назад разведчики. Им удалось добыть эту реликвию в часовне усадьбы де Стрейн. Вмурованный в стену, клинок ждал своего часа.

Семейство де Стрейн в самом деле покинуло свой дом и найти его стало первостепенной задачей для полукровок Советника.

Жанна всегда вспоминала сестру и брата. Он слышал от нее много разных историй о жизнерадостной и бесстрашной сестрице, о благородном и смелом брате. Он не только слышал эти истории. Он видел их глазами Жанны. Эти воспоминания были настолько красочными, что передавались верийцу детальными образами.

Семья де Стрейн была крепкой и сильной. Князь знал, как долго искали саму Жанну, ищут до сих пор и не верят в ее смерть. Да, они безутешны в своей утрате и лишь крепче держатся друг за друга.

Жаль. Потому что Лорин избрала этот род.

Фауст вспомнил, как в последний раз возил девушку на прогулку в открытой повозке. Кони несли по дороге, ужас и восторг сияли в фиолетовых глазах Жанны.

Они долго гуляли по лесу, вдоль беспокойной Гремучей реки. В конце концов, Жанна решила построить из талого снега Волчий замок. Фауст сначала просто наблюдал и подсказывал, потом увлекся сам. Получилось идеально.

Потом он бережно закутал озябшую девушку в покрывало, растирал холодные ладони, и сладко замирало сердце от этих прикосновений. Это бесхитрое существо манило к себе. В какой-то момент ее лицо оказалось совсем близко, так хотелось коснуться ее губ. Но он испугался собственной слабости. Чего же он хочет на самом деле?

И вот теперь снежные мечты разрушены. Не помогла бесшабашная Рада, не спасли заклятия Лилит. Больше ждать было нельзя.

И как влюбленный дурак Фауст еще долго вспоминал всю историю их недолгого знакомства. Прошло не так много времени, но ближе и желаннее уже никого для него не было.

А ведь смертные — неполноценные существа. Еще при Ольгарте Первом за любые интимные и дружеские контакты с Истинными людьми казнили, а Дом, к которому принадлежал вериец, изгонял его.

На людей охотились как на животных, позволяли жить лишь в марионеточных государствах, чьи правители слепо выполняли волю божьих существ.

Потом к власти пришел Ольгарт Второй и чуть смягчил условия существования смертных, дал больше воли верийцам, позволил приближать к себе людей. С тех времен смертные стали необходимым ресурсом: слуги, воины, источник сил.

Истинные в своих владениях сами устанавливали законы жизни, условия, на которых позволялось существовать третьесортному виду.

Кейн, свергнув Ольгарта, внес последние изменения: люди не должны исчезнуть. Это было необходимо для поддержания равновесия в Вересе. Отныне Истинные были вольны выстраивать любые взаимоотношения с этим видом.

Общество верийцев по-прежнему придерживалось старых взглядов, но мораль стала гибче. Старшее поколение роптало о деградации нравов, а новое самозабвенно окуналось в эту деградацию.

Глава 8

Ритуал

*Стой за чертой!
Это выбор непростой,
Если ты один, а все давно за ней.
Стой за чертой!
Непреклонный и святой,
И не бойся ни железа, ни камней...
Ария — «Эра Люцифера»*

Над столом склонились восемь верийцев. Они передвигали фигурки на карте, спорили и соглашались. Дело приняло неприятный оборот: половина королевства Оринберг лежала в руинах, когда смертные вдруг оказали жесткое сопротивление. Дикари, загнанные в угол, они снова обрели свою веру, сражались до последнего вздоха.

— Нам сказали, что у лоринцев нет магии! — Негодовал мужчина в алом мундире. — Их жрецы задали жару на поле боя. Наши воины выстояли, но мы понесли потери! Мы рискуем застрять на подступах к столице!

Верийцы рвались в бой, но Кейн медлил. Идти напролом с неполным набором войск не хотелось. Донесение о сопротивлении было неожиданностью, следовало изменить стратегию. Молниеносного захвата не получилось, война грозила стать не менее жестокой, чем в Невеккет.

— А как насчет «черных василисков»? Они не уступают нам в ловкости и силе, хотя и умирают от ран, как смертные. — Согласился другой. Его желтые яркие одежды говорили о принадлежности к свите ди Герра. — Они могут быть опаснее местных жрецов. Я не знаю, чего боится Дисмас Кин, но верийцы ди Герра не растеряли свой пыл перед смертными! «Василиски» — единственная преграда для нас.

— Соседние государства явно не желают сталкиваться с верийцами, а потому присылают своих солдат, продовольствие, начинают принимать беженцев. — Включилась в разговор женщина. Она носила темно-синее платье с кроваво-красной оторочкой, — ряса жрицы Вереса. — «Василиски» могут быть рыцарями одного из союзников Оринберга, а могут быть и слугами Сантера.

— Выяснить такие вещи, — работа князя Гевальт. — Иронично заметил подчиненный герцога ди Герра. — Вам есть, что ответить на это? — Он адресовал свой вопрос худенькому верийцу в бардовом мундире разведчика.

— Князь сейчас находится в Лорин. — Уклончиво отозвался тот. — Вся необходимая информация будет предоставлена по его возвращению.

— Если мы можем чем-то помочь... — Начала было жрица.

— Благодарю, Доротей. — Перебил ее Амос Дитрих, а это был именно он. — Ситуация под контролем.

— Это вы называете «под контролем»? — Не унимался «алый» вояка. — Каким образом столь ценная информация прошла мимо разведчиков? Наша армия теряет свою веру! Полукровка начинают роптать, верийцам все труднее сдерживать их.

Мужчина и сам был полукровкой, об этом говорили его зеленые глаза, невысокая коренастая фигура и простое, лишенное изящества, лицо смертно-

го.

— Я лично возглавлю армию. — Нахмурился Кейн, ему надоело слушать советников. Каждый из них тянул одеяло на себя. — Любой в этом мире слабее бога. Даже чужого.

Заклятие, сливающее два мира тонким переходом, все еще держалось. Из широкой двери этот путь превратился в маленькую форточку. И время было не на стороне верийцев.

— Что насчет портала, Лилит? — Спросил Кейн.

— Я работаю над этим, мой король. Мое заклятие все еще держится, но повторить его я смогу не скоро. Я клянусь, Кейн: либо мы найдем ключ, либо... Об этом я докладывала тебе два дня назад. Мои эксперименты. Но потребуется много энергии.

— Еще одно разочарование. — Недовольно оборвал ее Кейн. — Вы с князем Гевальт рискуете не только своими жизнями, но ставите под удар весь мой план! С каких пор два одаренных советника превратились в посредственность?

Лилит молча проглотила обиду: слишком далеко она зашла. Ми-Сойличте превратился в руины, и отступать волшебнице некуда. Признаться себе в том, что ее силы начали иссякать Лилит не могла.

А еще она старела. Чары скрывали иссечённое морщинами лицо, побелевшие волосы и выцветшие глаза. Много сил уходило, чтобы сохранять внешнюю привлекательность.

— Доротей, освежи память моим советникам: что представляет собою Лорин. — Тихо приказал Кейн.

— Лорин — пятый мир от Колыбели. — Приятный голос жрицы звучал уверенно и громко. — Богиня создала невероятное количество странных и магических существ. Почти все они были истреблены людьми. Одна Ночь знает, как этим алчным и глупым созданиям удалось покорить весь мир, вытеснить другие разумные расы, довести магию до полной деградациии. Эта смесь буквально циркулирует в воздухе, выводит из равновесия.

— Если у нее нет своей армии, почему мы так долго церемонимся с этим миром? — Перебил Дисмас Кин.

— В мире все увереннее процветает язычество, насчитывается около 6 крупных религий и два десятка мелких. — Доротей не обратила внимания на полукровку и продолжила. — При таком положении дел, Лорин утратила контроль над миром уже около двух сотен лет. Ее никто не видел, и — да, у нее нет армии. Оринберг — единственное государство, сохранившее веру в Лорин.

— Не может же горстка верующих так уверенно противостоять Вересу! — Воскликнул представитель ди Герра. — Они — всего лишь люди.

— Люди... — Кейн скривил тонкие губы. — Жадные до всего, что плохо лежит, тщеславные и глупые, как котята. Князю Гевальт следует больше времени уделять своим обязанностям, а не развлекать себя изучением лоринцев!

— Князь убедил нескольких влиятельных вельмож, что союз с верийцами, — их единственный шанс выжить. Мы ждем его послания, мой король. — Осмелился возразить Амос.

Вериец стойко выдержал тяжелый взгляд короля, в комнате воцарилась тишина.

— Я знаю, Амос, что Гевальты преданы мне так же, как вы им. — Король за-

гадочно улыбнулся.

На секунду вериец подумал, что Кейн знает, как Амос время от времени делится тайнами с Лилит.

— Когда мои подданные разгоняют скуку, заводят себе питомцев среди людей, — это их дело. Но древняя кровь священна, — Гевальтам незачем путаться со смертными! Для этого Верес уже создал Лино ди Герра! И чем, во имя Ноци, поможет его интерес к чужакам?

После победы над Невеккет, среди дворянских семейств появились полукровки и новообращенные. Это было особенно не по душе Королю: портить древнюю кровь. Подданные почувствовали недовольство новоявленного бога и спрятали своих бастардов и «трофеи» в родовых замках.

Высокий лысый вериец с кроваво-красными глазами неожиданно появился в дверях кабинета. Это был Мариус, хранитель обрядов и ритуалов, алхимик и сама смерть, если верить его свите.

— Война поистрепала верийскую расу. — С достоинством проговорил Мариус. — Шутка ли: сразить двух богов. А потому, необходимо терпимее отнестись к прихотям своего народа.

Жрец учтиво кивнул Кейну и присутствующим, продолжил.

— Это поможет восстановить войско, крепко свяжет людей с захватчиками и, разумеется, способствует продвижению в моих экспериментах. Эта мера вынужденная: Истинные рождаются редко, а Даром обращения обладают только они. Полукровки почти не заводят семьи с себе подобными, а их женщины умирают во время родов: новорожденные неосознанно стремятся утолить голод душой своей матери. — Тихий, чуть хриловатый голос Мариуса звучал поучительно. — Мы должны восстановить свои силы, Кейн. Иногда стоит поступиться принципами. Оставьте князя в покое. Это обыкновенное любопытство.

Король упрямо поджал губы, но промолчал. Кейну просто нужна была победа. Покорит одно государство, — примется за другое, пока оставшиеся правители не сдадутся на его милость. Но главной целью, конечно же, был источник силы. Изменить его — означало одержать мгновенную победу. Поэтому и был выбран Оринберг. Где-то там пульсировало сердце мира, единственная опора богини Лорин.

Жаркие споры постепенно стихали, на карте появились новые фигурки. Верийцы пришли к согласию и теперь ждали одобрения своего Короля.

— Вы свободны. — Кивнул Кейн. — Окончательное решение примет малый совет.

Его подданные бесшумно покинули комнату. Когда в ночи растворился последний, Король завернулся в свой алый плащ и принялся мерить огромный кабинет шагами: что-то было не так в его мире. Он это чувствовал. Словно камень в сапоге, что-то мешало и раздражало короля!

Мариус внимательно изучал Кейна. С тех пор, как Верес пал, Истинный заменил новому богу отца. Кейн всегда советовался со Жрецом, прислушивался к тому, что говорит вериец.

— Тебя что-то беспокоит? — Прошелестел голос Мариуса.

— И очень многое. — Кивнул Кейн, блуждая взглядом по карте. — В Костяных горах никогда не было такой теплой весны, как сейчас. Гремучая переполнилась и вышла из берегов. Приходится искать места для переправы, что-

бы поддерживать связь с другими замками.

— Всего лишь весна. — Пожал плечами Мариус. — Река утихнет, долины зацветут. Что еще?

— Эти сумасшедшие охотники в горах совсем потеряли страх и открыто агитируют смертных на бунт. И все из-за полукровок: их стало слишком много, они не умеют толком контролировать свой голод и убивают без нужды! — Продолжил Кейн.

Ему хотелось высказаться. Даже если Жрец просто выслушает короля, это поможет Кейну проанализировать все, что происходит и найти истинную причину.

— Ты всегда можешь призвать к ответу аристократов, чьи полукровки дозволяют себе слишком много. — Алые глаза Мариуса внимательно следили за каждым движением Кейна.

Король оторвался от своих документов, задумчиво перебрал в руках фигурки, изображавшие солдат того или иного древнего рода.

— Вассалы ди Герра и Гевальтов так же поймали в Костяных горах несколько слуг Сантера. Вытянуть информацию из них не получилось: эти сантерцы давно и долго жили среди верийцев, два, три поколения.

— Пожалуй, это единственное, о чем тебе сейчас стоит беспокоиться. — Кивнул Мариус. — Костяной хребет пропустил чужаков. Значит, кто-то в королевстве давно предает Верес. Магия гор замешана на крови Вереса и его созданий. Пройти незамеченными можно только с чьей-то помощью.

Маледиктус пульсировал в такт его сердца, Кейн слышал каждый шепот на бесконечных просторах Вереса, ощущал каждый вздох живых созданий. Но он не был вездесущим. В его власти сейчас было два мира и оба требовали внимания.

Несущий смерть, его меч, тянул силы из покоренного Невеккета, где все еще пытались выжить аборигены. Кейн оставил их в покое, но, брошенные и покинутые, они быстро стали гибнуть. Поневоле приходилось посещать мир, наводить в нем порядок.

— Ты измотаешь себя, Кейн, — сказал Мариус. — Тебе необходимо назначить наместника в Невеккет, пока ты не решишь стереть его в пыль. Видишь, к чему приводит слишком большое количество обязанностей?

— Я не собираюсь делиться своей силой ни с кем! — Резко ответил король, ибо такое решение означало необходимость создать полубога. Того, кто способен поддерживать энергию существ. Именно такую ошибку совершил Верес. И его отец. И отец его отца...

— Ты не можешь разрываться на два мира! — Рассмеялся Мариус.

Истинный был прав. Стереть Невеккет, — означало лишиться себя резервной силы. Но и поддерживать в нем жизнь стоило слишком многих усилий.

— Впереди еще четыре мира, Кейн. Ты должен что-то предпринять.

Кейн знал: каждый из его Малого совета будет рад оказанной чести. Но, подобно отцу, король был склонен к паранойе. Он строго следил за древними Домами.

— Не это тревожит меня сейчас. — Резко прогремел голос короля. — Оставь меня. Я должен подумать.

— Как угодно. — Вкрадчиво отозвался Мариус.

Вериец бесшумной тенью выскользнул из кабинета. Ему было не понятно,

что происходит с королем. Не прошло и пяти десятков лет, как Кейн начал меняться. Всегда целеустремленный, сильный и харизматичный, новый бог все чаще замыкался в себе, стал осторожен в своих словах.

Кейн больше не действовал, исходя из своих сиюминутных суждений или желаний. Он будто сплетал паутину, просчитывал вперед последствия.

Все можно было предугадать. Собственный мир Кейн знал хорошо. До этого дня.

Ему не нравилась чужеземка, что поселилась в Волчьем замке.

Фауст явился в Маледиктус на следующий день, после визита короля. Он стеклянным голосом сказал, что напал на нужный след и обещал преподнести Лорин на блюдечке через несколько дней. Король снова вынужден терять время, а князь Гевальт жаждал загладить свой промах.

Эта его прихоть! Кейн заскрежетал зубами, снова выругался. Бестолковая кукла, полудикая смертная пахла жизнью, дышала свежестью молодого и неопытного тела. В ней было так много от собственного мира!

Советник был влюблён как мальчишка. Он выглядел измученным и духовно истощенным. Великого князя терзал внутренний конфликт: он презирал смертных, как все верийцы и не мог справиться со своими чувствами к этому жалкому существу, к этой чужестранке.

Все эти нежности и помешательство Советника были слишком не вовремя.

Заминка с покорением Лорин взывала еще большую ярость! Тем более теперь, когда стало очевидным присутствие Сантреа, его лазутчиков, в Вересе.

Все получалось у нового бога. Но он был лишен умения творить. Его магия не могла вдохнуть жизнь, лишь поддерживала то, что уже создал отец. Как хотелось перекроить мир по-своему!

Эти мысли были болезненными и навязчивыми. Как он ни старался, жизнь диктовала свои правила, требовала постоянного контроля над миром, когда необходимо заняться Лорин. Король отшвырнул первое, что подвернулось под горячую руку, карты и фигурки разлетелись по комнате, грохот разорвал тишину ночи.

— Все ли в порядке, милорд? — В дверь обеспокоено заглянул страж.

— Пошел прочь! — Прогремел Кейн.

Страж мгновенно юркнул обратно.

Спустя время, в дверь робко постучали.

— Да. — Резко бросил Кейн.

— К вам посетитель, Ваше величество. — Личный секретарь Короля пропустил вперед девушку.

— Это я, милорд. Вы хотели видеть меня. — В комнату, низко кланяясь, вошел человек.

— Наконец-то. Я начал терять терпение. — Он оскалился, мимоходом оттолкнул несчастный стол в угол комнаты, жестом указал человеку на кресло. Когда ночной визитер сел, вериец, начал:

— Я знаю, ты предана своему господину. Ты мечтаешь о том, что он изменит тебя.

— Да, милорд.

Испуганное личико бледным пятном выглядывало из-под черного капюшона.

— И ты знаешь, что он не может этого сделать. — Хмыкнул Кейн. — После

войны в Невеккет у него нет былой уверенности. Слишком многих доблестный князь потерял, его дух ослаблен.

— Да, милорд. — Снова утвердительный кивок.

Кейн, обошел девушку вокруг, сел на противоположное кресло.

— Я хочу предложить тебе сделку. — Проговорил он.

— Рада буду услужить вам, мой король.

— Отлично. У твоего господина есть, хм... Воспитанница.

— Гостья, милорд. — Смело поправила девушка. — Драгоценная и редкая. — Ее губы презрительно скривились. — Княгиня Агнесс тоже интересуется этой особой.

— Не важно. — Отрезал Кейн. — Ты проведешь меня к ней. И ты сможешь пройти ритуал обращения.

Он вопросительно посмотрел на служанку. Та замялась.

— Вы убьете ее? Хозяин не простит мне этого, милорд. К тому же, еще не известно, выживет ли чужестранка после вашего последнего визита.

— Я закончу начатое. Сделаю подарок своему другу. — Хищно улыбнулся Кейн. — Ты преданно служишь роду Гевальт несколько лет, пора бы вознаградить такое рвение!

— Ваше величество вольны сделать все, что посчитают нужным. Зачем вам мое участие?

— Мне бы не хотелось испытывать верность вассалов Гевальт. Меньше шума. Ты служишь Агнесс. Сейчас у нас с княгиней общая цель: уберечь древний род от падения.

Девушка с минуту помолчала, очевидно, взвешивая все за и против. От нее исходил животный ужас. Отказать королю или предать хозяина? Оба варианта не сулили ей ничего хорошего.

— Жанну охраняют Истинные из дома Вальд. — Задумчиво произнесла служанка. — Кажется, князь боится вашего повторного визита...

— Ты ведь не допустишь такого скандала, дитя? — Вкрадчиво поинтересовался Кейн. — Смертная, да еще и чужестранка, и последний представитель древнего дома. Как давно люди стали считать себя равными верийцам?

— Я не смею противиться воле бога. — Поспешно согласилась девушка.

— Замечательно. Князь уехал на несколько дней. Ты проведешь меня к его... гостю. Так будет гораздо меньше шума и любопытных глаз.

Когда девушка ушла, Кейн позволил себе улыбку предвкушения.

Князь просил разрешения взять смертную в жены. Именно такую цену он потребовал за свою непростую услугу. Все верийцы заключали брачные отношения только по расчёту: с целью укрепления власти или расширения территориальных владений, а также для усиления рода.

Тщательно подбиралась пара, родственники заключали союзы еще при младенчестве будущих супругов, Мариус Гайос и его жрецы Вереса просчитывали Дары бога, которыми может обладать будущее потомство...

Гевальты предпочитали жениться на своих троюродных сестрах, тщательно оберегая способность становиться волком внутри рода. Война с Невеккет выкосила почти все ветви Истинных. Нравы стали более распущенными, верийцы мешались с полукровками, потомство становилось слабым, либо дети не рождались вообще.

Сгорая от стыда, Фауст Гевальт упрямо повторил свое требование. Кейн на-

хмурил густые брови, но дал свое согласие. Если невеста умрет — беды будет меньше.

К тому же, это увлечение стоило Кейну драгоценного времени.

Кейн никогда не знал своей матери. Был ли он рожден так же, как появляются на свет все существа или, если верить его отцу, был соткан из материи и энергии, как все первые творения богов. Этого вериец не знал.

Тайна его происхождения скрывалась во временах гибели Карьяд и расцвета Сахреза. Верес никогда не обсуждал этого с Кейном, любопытный мальчишка сам пытался найти ответы. И его попытки почти увенчались успехом: в своем кабинете Верес хранил ключ от Карьяд. Это говорило о том, что он был волен посещать мир в любое время.

Изящная резная заколка была украшена молочно-белым цветком из агата. Стоило пальцам будущего короля коснуться украшения, — очертания комнаты начали таять, вокруг появились песчаные барханы. Горячее солнце нестерпимо больно обожгло кожу, ослепило глаза.

Кейн уронил заколку на пол и наваждение рассеялось. Карьяд уже превратился в мертвые и безжизненные пространства. Ни один бог не мог ступить туда.

— Верни на место! — Отец стоял во всю комнату, нахмуренные брови, скрещенные руки.

— Откуда он у тебя? — Кейн замотал заколку в шелковый платок, в котором нашел ее.

— Я говорил тебе: для моего замысла нужны все ключи. — Верес отобрал сверток у сына, спрятал в карман.

— Как ты собираешься их собрать? — Удивился Кейн.

— Увидишь. — Отец усмехнулся в бороду. — Твоя задача — помогать мне, а не путаться под ногами. Восемь родов Истинных еще слишком слабы. Когда верийцы научатся работать с энергией мира, — мы предложим нашим соседям поддержать мой план.

— Они не согласятся. — Покачал головой Кейн.

— Тогда их бессмертные души найдут новый дом. — Верес с любовью погладил рукоять Несущего смерть.

— Кария тоже отказалась? — Осторожно поинтересовался юноша.

— Кария была единственной, кто поддержал меня.

В голосе бога прозвучала горечь. Это было так не похоже на Вереса, равнодушного и сухого даже к нему, его собственному сыну.

— Я сделал все, что смог для богини, но ее мир все равно погиб. А без веры такие как мы не могут жить.

Верес подошел к широкому окну, затянутому морозными узорами. Во дворе крепости возились юные принц и принцесса, отпрыски Ольгарта. Рядом с ними строили снежную крепость дети новых, молодых родов.

В те дни Маледиктус еще был тих и пуст. Истинные жили в своих замках по всему миру, собирали души для бога. В крепости обитал только первый король Ольгард со своей небольшой семьей, сам Верес и Кейн.

Затем Ольгард приказал Истинным отправить в Маледиктус самого старшего наследника или наследницу каждого Дома, чтобы подрастающее поколение могло сформировать свиту для его детей и заключить новые браки.

— Когда верийцы и смертные молятся в часовнях, души умерших сами возвращаются в Маледиктус. Запомни, Кейн, — Верес пристально посмотрел на юношу. — Крепость — твой оплот. Маледиктус всегда будет защищать тебя и хранить твою силу. Это — сердце мира и другие боги не должны ступать в него!

— Я запомню это, отец. — Кивнул Кейн. — Скажи, разве не могут верийцы, подобно тебе создавать новых существ из смертных?

Глаза бога вспыхнули гневом.

— Что за мысли? — Он в два шага приблизился к мальчишке. — Удержать душу на краю смерти не так-то просто! Яд верийской крови убивает людей, а с умирающей душой могу справиться только я. Почему ты спросил об этом?

Кейн потупил взор.

— Среди челяди была девчонка. Способная и расторопная. Но она подхватила лихорадку. — Кейн замялся. — Я решил попробовать...

— Где она?! — Оглушительно рявкнул бог. — Глупец! Ты хоть понимаешь, что натворил? — Верес с размаха ударил Кейна кулаком.

Вериец кубарем покатился по каменным плитам.

— Никогда не дели свою силу со смертными! — Глаза бога налились кровью.

Кейн чувствовал, как в легких исчезает воздух, на языке появился вкус железа. Вокруг все потемнело. Верес погрузился в мысли своего сына, мелькали беседы между верийскими отпрысками. Жаждали дети не просто подчиняться своему богу, но творить, подобно нему.

Не давала им покоя короткая яркая жизнь людей: дети рождались редко, страсти быстро стихали, стирались временем, терялся вкус жизни. А люди жили одним днем, пытались достичь кто богатства, кто любви, кто знаний, и умирали, жалея, что мало им отпущено. Обо всем этом Верес знал.

— Глупый мальчишка!

Могучая рука сжала искаженное болью лицо сына.

— Каждое обращение влияет на ткань нашего мира, нарушает баланс. Новое существо забирает часть моей души. Даровать жизнь и отнимать — привилегия бога. Кому будут молиться, если верийцы начнут обращать любого желающего? Что станет с энергией мира, если она начнет оседать в каждом втором? — Он отпустил мальчишку, выпрямился во весь рост.

— Таких как мы слишком мало, отец. — Прохрипел Кейн.

— Даже для продолжения рода смертные не годятся. — Мужчина рассмеялся. — Вы — два разных вида. Ваше потомство будет слабым, лишенным Даров. Если вообще выживет.

— Я хотел создать для тебя армию. — Кейн едва дышал от давящего взгляда отца.

Бог перешагнул через распластанное на полу тело, в глазах мелькнуло любопытство. Он задумчиво погладил седую бороду.

— Армию?

Хватка ослабла, стало легче дышать. Верес протянул руку, помог сыну встать.

— Это уже интереснее. Но тут нужно все просчитать.

* * *

Король прогнал непрощенные воспоминания. С тех пор он ни разу не ка-

сался ключа Карьяд. Крепость хранила чужеродный артефакт в своих недрах вместе с ключом от Невеккет. И он ничего не знал о погибшем мире. История Карьяд развеялась как пыль на ветру. Не было никаких упоминаний. После убийства Вереса, новый бог перевернул весь Маледиктус, но не нашел ни одной записи.

Почему он вспомнил это сейчас? Потому что символом богини был цветок жасмина. Так пахла кожа чужестранки из Волчьего замка.

Гроза накрыла горы. Густой дождь хлестал, заливая долину, превращая дороги в непроходимые трясины. Первый весенний гром оглушал окрестности. Небо яростно пылало огнем. Где-то вспыхнуло дерево, повалилось, умирая.

Река вскипала грязной пеной, вырывалась из берегов. Ее жадные руки мгновенно обхватили лес и могучие стволы задрожали под натиском стихии.

Жанна, закрыла окно. Замку ничего не грозило: он надежно укрылся на высоком холме. По стеклу барабанили капли, но в комнате царила тишина.

Фауст затерялся где-то там, за цепью белоснежных гор, за ошетилившимся голыми стволами лесом. Жанна не видела верийца уже три недели, за это время лихорадка отступила. И опять эти сны.

Теперь Жанна просыпалась в холодном поту, с криками и слезами. Она видела короля каждую ночь. Его узловатые крепкие руки снова тянули жизнь. Его бесчисленные армии наступали на Оринберг, жгли деревни, вешали жителей.

Она металась по взмокшим простыням, жадно пила воду, что подавала Нора, бессвязно бормотала сквозь сон и бесконечно звала то Луи, то отца и мать, то Маргери.

Несколько раз ей показалось, что князь все-таки приходил. Но обещанные галлюцинации и иллюзии переливались одна в другую так быстро и мучительно, что поручиться за реальность происходящего было невозможно.

Вся жизнь ее перевернулась с тех пор, как девушка очутилась в Вересе.

Теперь ее охраняли и, куда бы она ни шла, за ней всюду следовали две бесшумные тени. Сейчас эти тени стояли за ее дверью. Обитатели замка притихли, попрятались по своим комнатам. Красивая пьеса, которой Волчий замок жил последние несколько месяцев, провалилась. Ни к чему больше было изображать беззаботность и веселье.

Графиня злилась на себя, на князя, на проклятого Короля. При мысли о Кейне Жанна вздрогнула: что если он придет за ней? Смогут ли безмолвные стражи защитить ее? Она пыталась удержать нарастающую тревогу, вызванную этой мыслью, ощутила, как заледенели кисти рук, а в животе залетали бабочки волнения. Сон, в котором она блуждала по лабиринту-саду, повторялся снова и снова.

Нора сказала, что верийцы привыкли доводить начатое до конца. Как зверь преследует свою добычу, так и эти жуткие существа не отступают от задуманного раз. Она попрощалась с девушкой. Через несколько дней старуха умерла, об этом ей сообщила Рейна. Дитя стихии, Нора была самым светлым существом этого мира.

Створка двери распахнулась, разрушая тишину легким скрипом. Девушка испуганно уставилась в темноту. Она взяла в руки свечу, инстинктивно вжалась в холодную стену. Сердце ее заплясало в груди. Два светящихся глаза смотрели на нее.

Жанна взволнованно выдохнула:

— Фауст?

— Нет. — Грозно ответила ночь. — Не шуми, девочка, если не хочешь, чтобы я завалил твою комнату трупами.

Он приближался. По широкому лезвию фламберга стекала густая красная жидкость, впитывалась в клинок. И меч начинал пульсировать золотым свечением все ярче и ярче. Это был еще один сон? Еще одна галлюцинация? По веяло зимней прохладой и свежестью.

— Ты знала, что я приду снова.

Она кивнула. Сверкающие глаза заполнили сознание, заволаживая своим глубоким, темным, как дравит, цветом. Странно, но страх пропал. Измученная своими мыслями и терзаниями, она была готова к любым переменам, даже если это будет стоить ей жизни. Что-то сломалось в ее измученной душе.

— Иди сюда. — Тихо приказал он.

Оцепеневшие руки поставили свечу на столик, босые ноги сами повели к ночному гостю. Грозно завывал ветер в дымоходе, плясали тени деревьев.

— Пришло время платить за гостеприимство Вереса.

Болезнь отступила не так давно. Жанна не сопротивлялась. Она устала получать шишки и тумачи от этого мира.

Кейн с любопытством рассматривал пульсирующую голубую энергию, что струилась по телу чужестранки. Верийцы мерцали золотом, смертные Вереса — алым, веккиты — зеленым.

От боли перебило дыхание. Сколько это длилось? Вечность? Черная дурнота накатывала, застилая комнату, затягивая в вязкое болото забытья. Вместе с тем, это было похоже на эйфорию и полет.

Она словно видела себя со стороны. Видела верийца, с наслаждением вытягивающего ее жизнь. Вокруг заплясали золотые и голубые искры. Они приятно обжигали, тянулись к ее сознанию. Искры сплетались в замысловатый узор, соединялись и разлетались в стороны, их яркие крохотные огоньки превращались в линии, фигуры, шелестели, точно сухие листья...

Когда тьма заполонила все, а сердце, отсчитав последний удар, замерло, что-то выдержало ее обратно.

Жанна распахнула глаза и увидела, как Кейн, склонившись, держит свою руку возле нее. Алая кровь стекала по ее губам, а искры, переплетенные между собой, впитывались в тело.

— Хватит. — Он высвободился. — Мне есть чем угостить тебя.

В углу комнаты, сжавшись в комок, сидела Герда.

«Это она провела короля в замок» — поняла Жанна.

Служанка жалобно скулила, но не могла сдвинуться с места. Чужая воля удерживала смертную.

— Она предала тебя. И не достойна жизни.

Когда они покидали Волчий замок, река уже полностью перекрыла дорогу. Она бурлила, вихрилась водоворотами, кидалась на деревья, что покачивались от ее напора, из последних сил цеплялись за размытую землю. Холодный ветер швырял в лицо тяжелые дождевые капли, дергал за одежду, трепал волосы. Клубились и гремели черные тучи. Казалось, сама природа пытается загнать преобразившуюся Жанну обратно в каменные вековые стены.

Брови Кейна нахмурились в грозном изломе. Она упрямо шла все дальше и

дальше от монотонного уюта беспечных дней. Его мир разделял сомнения, и ураган эмоций отразилась в непогоде. Верес менялся, бунтовал, ломался...

Хрупкая фигурка настойчиво следовала за ним, пока Кейн непреклонно пробирался через стылую лесную чащу. Мутная холодная вода норовила сбить с ног, Жанна шла наугад, каждый раз опасаясь, что попадет в какую-нибудь яму или не сможет больше противостоять течению.

Король даже не оборачивался, чтобы убедиться, что девчонка идет за ним.

Он просто хотел преобразить чужестранку и бросить умирать в Волчьем замке. Хороший урок для строптивного Советника. Но все пошло не так. В разум врезались потоки чужой силы, непреклонное желание жить, идти к своей цели. Жанна подавляла его, и это было слишком неожиданно. словно это он, великий Кейн, должен был вот-вот стать человеком, а не наоборот.

Промелькнуло видение: король верийцев убивает девчонку на аметистовом алтаре. Затем Кейн почувствовал магию Лорин: теплая и мягкая волна голубых искр вспыхнула, потянула за собой. Этому искушению едва ли было можно противостоять, но он смог. Кейн распустил нити, сплетавшие его душу с Жанной, ощущение всевластия нехотя развеялось.

За спиной послышался всплеск воды, глухой вскрик. Кейн помедлил, но все же обернулся. Девчонка скрылась в потоках мутной воды. Вериец вздохнул и полез спасать неуклюжую.

Мокрая и замерзшая, лоринка цеплялась за шею короля отчаянно, будто котенок, которого пытаются искупать. Пришлось нести ее, пока под ногами не появилась твердая земля.

Стоило бросить девку в лесной чаще или на широких полях долины! Кейн злился сам на себя за то, что отклонился от своих намерений. Это чувство могущества, которое он испытал во время Ритуала было дурманящим!

Казалось, прошла вечность, прежде чем перед ними предстал Маледиктус. Жанна упрямо шла за верийцем.

Глава 9

Обитель Истинных

*Одни, столько лет,
Мы возводим замки и храм,
Рождённые по воле рока жить.
Богам веры нет.
Снова каждый выберет сам
Свой путь, свой крест, свою судьбу и нить.
Маврин — «Рожденные жить»*

Эффект от появления короля превзошел все ожидания. Обитатели города-крепости, от мелкого прислужника, до благородного аристократа, испуганно опускали глаза. Болтливые языки жаждали обсудить эту странную выходку короля, изнывали от нетерпения, но страх сдерживал этот зуд.

Загорались и гасли как свечи мысли, не смея материализоваться. Сегодня ночью Маледиктус будет гудеть от пересудов и домыслов, сплетен и предположений. Никто не посмеет произнести даже пару слов в присутствии Кейна, но шепот будет скрестись в каждой комнате, на каждом углу.

Чопорный лакей проводил Жанну в маленькую комнатку, рядом с покоями короля. Кейн не собирался вести себя также глупо, как Советник: добычу нужно было держать цепко. И церемониться с девчонкой тоже не входило в его планы: пускай в полной мере почувствует, как сложен мир Вереса!

В крепости обитало много бессмертных. Они все с усмешкой провожали новообращенную взглядом, перекидываясь неслышными репликами, хихикая. Вся в глине, мокрая и растрепанная, наспех одетая в какой-то серый плащ, чужестранка шла по мозаичному полу за лакеем. В ботинках хлюпала вода, но Жанне было наплевать.

Девушка наслаждалась своими переменами: острым слухом и зрением, скоростью и ловкостью тела. Она подозревала, что это — далеко не исчерпывающий список, а потому, настойчиво следовала за королем.

В первый день она как пьяная рассматривала собственные руки, долго сидела, прислушиваясь к шуму леса, шорохам в крепости. Придворные встретили ее настороженно и холодно.

Когда первое волнение, охватившее Маледиктус, стихло, король постепенно начал возвращаться к своим делам. Его забавная выходка перестала быть сенсацией, а время требовало вернуться к подготовке военных действий. Девчонка оказалась предоставлена самой себе.

Кейн неспешно перебирал последние сообщения от Советника. Легкая как перышко, бумага рассыпалась, как только он заканчивал читать.

— Ты с ума сошел? — Воскликнул Лино. — Ты представляешь, как взбесится Фауст?

Его ярко-желтый кафтан с белым шейным платком мелькал перед лицом короля, отвлекая, требуя внимания.

— Какое мне дело до его злости? — Хмыкнул Кейн. — Я лишь оказал ему услугу.

Лино с недоверием покачал головой. Его кожа была темнее, чем у других, что выдавало в нем верийца из южных провинций. Красивое мужественное

лицо заставляло ежиться под тяжелым взглядом желтых, топазовых глаз.

— Отошли ты ее обратно. Или передай кому-нибудь на обучение. — Не уни-мался надоедливый герцог. — Сам же говорил, что она бестолковая, изнежен-ная плакса. Зачем же тратить свое личное время?

Кейн вообще ни с кем не говорил о Жанне и о том, что время от времени обучает полукровку. Значит, ди Герра бессовестно шпионил за королем.

— Фауст может забрать свою игрушку, если сумеет, конечно.

— Крепость полна слухов...

— Так заткни им рты. — Кейн, наконец, вышел из себя. — Или они потеря-ли страх, раз вздумали обсуждать меня и мои решения?

— Мне казалось, ты презираешь людей и всех, кто с ними соприкасается. — Лино пожал плечами, нисколько не смутившись этой вспышки гнева. — Все так думали, пока не появилась эта, как ее... — Он сморщил лоб, пытаясь вспомнить имя.

— Если ты сейчас же не уберешься с моих глаз, — я нацарапаю это имя на твоём лице. — Могучая фигура возвысилась над Лино. — Еще раз говорю тебе: я сыт по горло вашей беспомощностью! Малый совет не оправдал моего дове-рия, вы не способны действовать самостоятельно!

Лино втянул голову в плечи, понимая, что ступил на скользкую тропу и сейчас на него спустят всех собак.

— Я понял. — Он примирительно вскинул руки, но не удержался от иро-нии. — Уже ухожу. Что же ты сразу не сказал, что это — пустяк. Конечно. Ты наделил ее своей силой, сам обучаешь, а там и Невеккет отойдет в ее руки...

Зубы Лино клацнули от неожиданности, он очутился в воздухе. Кейн бесце-ремонно вышвырнул его за дверь.

Когда назойливый желтый кафтан скрылся, Кейн продолжил изучать доку-менты. Так вот чего боятся Истинные: каждый из них мечтает обрести завое-ванный мир, сравняться с богами. Они видят в полукровке конкурента!

Кейн усмехнулся: он не настолько сошел с ума. Глупцы! В девушке скрыва-лась энергия, мощь. Ее решительный и смелый характер нравился Кейну, он не собирался его сдерживать. Напротив, он даст ей достаточно сил, чтобы она научилась получать удовольствие от своей новообретенной свободы. На что способно дитя Лорин, если в него влить каплю Вереса? А может, она — послед-няя из Карьяд? Никто не знает, как выглядели карьядцы, насколько отлича-лись от представителей других миров? Судя по Сантер, Лорин, Невеккет и Ве-ресу, с фантазией у восьми богов было плохо: внешне их создания повторяли друг друга. Разнились лишь детали.

«Почему нельзя было отправить смертную в Лисьи взгорья? — Так писала королю Лилит. — Еще никто не менял природу лоринцев, ты сам запретил об-ращать новых полукровок! Зачем ты так рискуешь? Позволь жрецам Вереса изучить ее».

Зачем? Ему нравилась магия, которая затаилась в чужой душе. Она давала слишком много возможностей.

Раскаиваться в содеянном Кейн не привык. Было что-то общее между ним и этой девочкой: целеустремленность. Она тоже не отступала от задуманного.

Жанна так до конца и не смогла исследовать весь Маледиктус. Ей бы потре-бовалось несколько лет, чтобы заглянуть хотя бы в половину комнат загадоч-ной крепости.

Маледиктус казался живым организмом, что подчинялся своему хозяину. Кейн без труда находил дорогу к любой комнате, любому своему подчиненному, что жил в его крепости.

Среди шелеста мыслей и легких беззвучных движений его обитателей можно было различить едва уловимую пульсацию. Точно огромное сердце разгоняло жизнь по каменным стенам. Иногда Жанне чудилось, что она слышит утробное гудение где-то в глубине этих мрачных сводов.

Девушка осознанно избегала той части Маледиктуса, что уходила в недра горы. Тьма здесь едва отступала от чадящих факелов и многослойных люстр, сгущалась и становилась непроницаемой завесой.

В своем воображении Жанна рисовала жуткие картины: вот она погружается в эту антрацитовую бездну, и бесплотные руки смыкаются на ее теле, высасывают силы и разум.

Кейн смеялся над глупой девчонкой. Для него Маледиктус был опорой, источником силы, символом его власти. Король смело ходил там, где ему вздумается и никогда не блуждал по бесконечным коридорам как его подданные.

Высокие потолки замка заставляли чувствовать себя крошечной. Жанна брела вдоль стены, рассматривая фрески, гобелены, оружие, старинную мебель и причудливый орнамент на стенах. Пустые доспехи охраняли величие отгремевших битв и драгоценные трофеи грандиозных побед. Массивные колонны тянулись к стрельчатому потолку, где паутиной раскинулись широкие ажурные люстры.

Замок был невероятно огромен. Она уже полдня блуждала по его коридорам, лестницам, поднимаясь и спускаясь с одного этажа на другой. Иногда ей встречались мужчины и женщины в богатых одеждах, с золотыми глазами, бледно-матовой кожей, неизменным высокомерием на острых лицах.

Ее не трогали. Кейн никак не разъяснил присутствие полукровки в чертогах Истинных, и они снисходительно провожали ее глазами. Некоторые слышали о таинственной девушке в замке Гевальт, предполагая, что это именно она. Чужая. Они все чувствовали, что графиня не принадлежит к миру Вереса.

Никто не желал разговаривать с Жанной. И она решила осмотреть Маледиктус сама, чтобы найти ответы на свои вопросы.

Кто они? Зачем пришли? Можно ли, наконец, вернуться домой? Сможет ли она как-то помочь жителям своего мира?

В некоторые комнаты ее не пускала молчаливая стража. Их алебарды скрецивались, стоило подойти к заветной двери на пять шагов. Ни вопросов, ни объяснений.

— Какое милое дитя. — Прошелестела пустота.

Девушка обернулась, внимательно осмотрела коридор за спиной: она была одна.

Раздался приглушенный смешок. Где-то рядом, совсем близко.

— Почему ты бродишь одна? — Ворвался звонкий голос в ее мысли.

— Кто ты? — Спросила Жанна, холодея от липкого страха.

— О, ты меня совсем не видишь? — Иронично поинтересовалась невидимая собеседница. — Как же так? Ведь в твоих венах течет кровь короля. Ты должна быть гораздо сильнее меня.

Девушка снова и снова всматривалась в пустоту коридора, вертела головой из стороны в сторону, тщетно стараясь определить источник звука.

— Опасно ходить в Маледиктусе одной, глупая малышка. — Со смехом продолжал голос. — Здесь можно умереть, и никто не станет искать тебя. Яблоко раздора между королем и его Советником. Я думала, что ты красавица, а ты — ничем не примечательная серая мышка.

И тут Жанна ощутила боль. Что-то острое разорвало плоть, вонзилось в живот, скручивая внутренности. Девушка охнула, прижала руку к алому пятну на платье и стала оседать.

— Так легко потеряться в этих бесчисленных комнатах, дорогая. — На этот раз голос прозвучал над самым ухом, Жанна почувствовала новый удар, бесплотное создание ранило в грудь.

Колючий женский смех отразился от мрачных стен, ударился в потолок и проник в голову. Девушка опустилась на колени, хватая ртом воздух.

— Почему бы не помучить тебя перед смертью? Соперник ты никудышный.

Пустота рядом с Жанной стала густой и тяжелой, обретая формы, через мгновение над ней склонилась красавица. Один глаз у девушки был золотым, второй — зеленым как травяная настойка. Высокая незнакомка была одета в легкую белую рубашку с кокетливо обнаженными плечиками, на которые спадали густые каштановые локоны, удобные черные штаны и высокие ботфорты обтягивали стройные ноги. В руках она держала изящный кинжал с изумрудом в навершии.

— Ну, здравствуй, дорогая. — Рассмеялась полукровка. — Твоя смерть откроет мне дверь в мир Истинных, прости. — Она полоснула кинжалом по лицу Жанны, та закричала, запоздало вскинув руки. — Ты все равно умерла бы. Такая медленная, чувствительная и бесполезная. — Она хмыкнула. — Теперь ты не так красива, как думала?

— Зачем? — Трясущимися губами прошептала Жанна. Ей было страшно. Смерть застыла над ней в образе хорошенькой полукровки с чуть раскосыми разными глазами. Раны кровоточили, обжигали, липкая кровь стекала по лицу, рукам и каменному полу.

— Я хочу попробовать капельку-другую твоей крови, дорогая! Ведь тебя обратил сам бог! — Незнакомка занесла ногу для удара.

Жанна в отчаянье ухватила ее за сапог и потянула вниз. Полукровка не растерялась, вывернувшись и снова ударила кинжалом, метя в сердце.

Перепуганная графиня из последних сил отскочила в сторону. Но справиться с полукровкой она не могла. Обе понимали, что это лишь отсрочка.

Когда кинжал снова направился в ее сторону, Жанна выкинула ему навстречу руку, пытаясь защититься. Она не хотела умирать! Она ненавидела сейчас эту девицу больше всего на свете! Красавица стала олицетворением всех верийцев, всего Вереса, что разрушил ее жизнь.

Незнакомка коротко вздохнула, и стало тихо. Жанна не смела открыть зажмуренных глаз. Через несколько ударов сердца она все же подняла голову.

Зеленоглазая застыла. Из ее стройной фигуры тянулись золотые нити. Тянулись к Жанне, точно щупальца осьминога. Девушка ошарашено уставилась на эту сеть искорок, затем медленно коснулась их пальцами.

В ту же секунду огоньки пришли в оживление, торопясь, обгоняя друг друга, они набросились на Жанну, впитываясь в ее кожу.

Отчаяние и гнев отступали, раны исчезали сами собой, оставляя лишь пятна крови на одежде.

Девушка коснулась ладонью лица: кожа была ровной и гладкой, будто и не было страшного удара.

— Ах ты дрянь!

Жанна повернулась, и увидела мужчину в лимонном кафтане. Он несся на нее, заноса над головой длинный двуручный меч. Потрясенная, она застыла. Воздух засвистел, распоротый смертоносным оружием, раздался скрежет.

— Тебе лучше уйти. — Прогремел хриплый голос за спиной.

— Она убила ее! — Прорычал верийец.

— Твоя любовница напала первой.

Жанна инстинктивно отползла в сторону от верийца в желтом, уперлась в чьи-то сапоги. Теперь она видела, как волнистое лезвие меча впилося в длинный клинок, остановив удар. Жанна знала этот меч. И знала эти сапоги. Когда-то ее словно куклу бросили прямо возле них.

Лицо заскрежетало зубами от бессилия, но отступил. Его широкоплечая фигура скрылась, прихватив с собой безжизненное тело погибшей красавицы.

Все оказалось сложнее, чем у людей. То, что в Оринберге считалось убийством, в Сумеречных землях не было запрещено. Если убийство не подрывало могущество Короля — оно было оправдано. Дела Домов не касались Короны, а Корона не вмешивалась в дела Домов.

То есть ее смерть действительно ничего бы не значила: никто не стал бы доискиваться причин, ведь подобные поединки не были редкостью. Для обитателей Маледиктуса естественный отбор казался само собой разумеющейся вещью: сильные убивали слабых, если они были достаточно глупы, чтобы появиться на глаза. Существовали целые альянсы между древними родами. Иногда эти группки враждовали, иногда их участники меняли один союз на другой.

Ей просто повезло, что Кейн оказался поблизости. Он спас ей жизнь. И теперь она смотрела на него другими глазами.

Благодарность, застывшая в этих сверкающих аметистах, злила. Он чувствовал себя глупо, улавливая отголоски ее мыслей, полных восхищения и немых вопросов. Те качества, которые Жанна примеряла на короля, были ему чужды и смешны.

Он проводил ее до комнаты, не обронив ни слова.

— У тебя удивительный талант путаться под ногами и наживать неприятности. — Проворчал он, когда Жанна оказалась в безопасности.

— Спасибо... — Начала она, но Кейн не стал слушать, бесцеремонно хлопнув дверью.

Девушка больше не бродила по замку, ограничиваясь несколькими относительно безопасными и знакомыми залами и коридорами.

Маледиктус вдруг утратил свое мрачное величие и величие, превратившись в затаившееся чудовище. Ни удивительные орнаменты на стенах и потолках, ни изящная обстановка комнат, ни чарующие глаз витражи галерей, — ничто уже не казалось привлекательным и загадочным.

Жанна различала тени, колышущиеся в углах вопреки природе, замечала быстрые движения и тлеющие угли чужих глаз, полных презрения.

Как она могла так заблуждаться? Ее терпели в Маледиктусе, не более. Даже горничная, казавшаяся равнодушной ко всему, тайком кривила рот в брезгливой усмешке. А ведь сама она была смертной. Все это открылось ее глазам,

сбросив мечтательную дымку с таинственных стен и их обитателей. Ну и пусть! Она их тоже ненавидит!

Смертных — за раболепие, верийцев — за высокомерие! О, если бы научиться, если бы узнать! Она бы камня на камне не оставила от этой черной твердыни бессмертных!

Пересудов и слухов стало еще больше. Теперь верийцы не сомневались: девица под защитой самого Кейна. Никто больше не пытался покуситься на ее жизнь, но всюду графине мерещился легкий запах корицы. Она уже знала, что кожа Истинных обладает своим индивидуальным запахом, едва уловимым, но скрыть его не могли никакие духи.

Люди не смогли бы уловить такой тонкости, но не верийцы. Они безошибочно различали тысячи ароматов. Это помогало им в охоте и выживании среди себе подобных.

Жанна храбро продолжала наведываться в огромную библиотеку Маледиктуса. Но теперь ее настороженное сознание по-другому воспринимало окружающий мир.

В один из дней Кейн бесцеремонно зашел в ее комнату. Жанна увлеченно читала книгу и подскочила от неожиданности.

— Ты должна научиться защищать себя. Иначе проживешь не долго. Даю тебе пять минут, чтобы собраться. — И он ушел.

Сразу вслед за ним прошмыгнула горничная. В руках смертной была одежда.

— Его величество велели вас переодеть и проводить на Арену. — Скучным голосом проговорила она.

Жанна недовольно приподняла бровь, но спорить уже было не с кем.

Кейн гонял ее по Арене под смешки новобранцев. Девичья рука неуверенно держала в руках меч, а скудные знания о фехтовании не спасали от тычков и подсечек. К тому же, вериец был слишком быстр для нее.

Новобранцы с диким гоготом встречали все ее падения. Они гудели и перешептывались, не скрывая своего веселья.

Опозоренная, с пылающим лицом, Жанна разгневанно бросила меч на пол и от всей души пожелала Кейну провалиться под землю вместе с надменными полукровками!

И...ее желание почти сбылось! В мгновение ока вся эта высокомерная клика и король повалились на каменные плиты Арены. Пол задрожал, рассыпаясь под ногами верийцев, обнажая под собой темные и мрачные лабиринты подвала!

Кейн среагировал быстро: он свалил Жанну с ног, добавив девчонке новых синяков на ребрах. Лоринка почувствовала, как вокруг нее воздух стал холодным и плотным.

— Еще раз используешь Дар во время обучения, — я отрублю тебе голову. — Пообещал король, не потрудившись даже помочь Жанне подняться. — Во время поединка запрещено пользоваться магией!

— Я... — Ей было обидно, и слова разбежались как мыши от кота. — Это получилось само.

Жанна охнула от боли, села и осмотрелась: все было как прежде. Разве что, наглые полукровки скрылись из виду.

— Я предупредил. Завтра продолжим.

— Я не приду.

— Это не просьба. Не придешь сама — приведут.

На следующую ночь не было ни насмешливых новобранцев, ни излишне жестоких приемов. Король на удивление терпеливо и долго объяснял, и показывал, как пользоваться оружием.

Время летело быстро, и лоринка только дивилась, куда делся издевательский тон Кейна и едкие замечания. Обучать и рассказывать король умел прекрасно, но, видимо, не всегда хотел тратить на это время.

Он был выше Жанны на две головы. Мощный и смертельно быстрый, Кейн внушал страх одним своим присутствием. Другие Истинные выглядели так же жалко рядом с ним, как свора собак рядом с матерым волком. Его голос звенел сталью, взгляд прожигал насквозь.

— Тебе нужно подпитывать свою энергию. Нужны души. — Заключил он, когда тренировка была закончена.

— Я не смогу. — Жанна вспомнила, как растерзала Герду и мурашки пошли по коже.

— Однажды смогла. Сможешь еще раз. Без этого не выжить.

— Пить кровь? — Она содрогнулась.

— Ты — полукровка. Но вытаскивать души умеешь. — Возразил Кейн. — И, возможно, умеешь еще очень много. Ты же знаешь, что Дары есть только у Истинных?

— Да, я слышала об этом. — Девушка кивнула, устало прислонилась спиной к стене.

— Ты — лоринка. Твоя магия непредсказуема. Пробуй.

Она отрицательно качала головой.

— Не стану!

Кейн беззлобно рассмеялся:

— Не воображай себя невинным ангелом среди убийц. Ты ничуть не лучше нас! Ты дважды отняла жизнь, даже не раскаявшись.

Жанна залилась краской, хотела возразить, но король жестом остановил ее.

— Оставь! Мне ты можешь говорить что угодно. Но себе не совершь.

«Зачем он возится со мной?» — Думала она.

Еще недавно он желал ей смерти, смеялся над князем, а потом...

— Зачем ты вторгся в мой мир? — Она внутренне сжалась, задавая вопрос.

— Мне не нужен Лорин. — Усмехнулся Кейн. — Но Сантер уже не один год настраивает богов против Вереса. Да, мой отец был эмоционален. Он велся на все провокации, захотел покорить Невеккет, когда его собственные силы стали иссякать. Захотел, но не смог. — Кейн уставился куда-то в пустоту, вспоминая былые дни. — Лорин всегда поддерживала его, но не в этот раз.

— Ты убил его. — Кивнула Жанна.

— Да. Он слишком доверился ей. И Сантер запустил свои руки в наш мир. У него есть власть над вашей богиней. Я не желаю делать то, что велит мне Сантер! Я — бог своего мира и его обитатели должны чтить только законы Вереса! — Кейн сузил золотые глаза.

Жанна не нашла, что ответить. По-своему этот чужой был прав.

— Зачем Сантер вмешивается в дела Вереса? — После не долгого молчания спросила девушка.

Кейн пристально окинул взглядом чужестранку.

— Хочешь знать? Изволь. — Король жестом пригласил ее сесть рядом, на подоконник широкого окна.

Жанна по-детски забралась с ногами на каменную поверхность, уперла руки в согнутые колени и приготовилась слушать.

Кейн подавил смех: лоринка вела себя как ребенок, точно Маледиктус не подчинялся строгому этикету, а сама она не была представительницей благородного рода, пусть и чужого для верийцев. Эта непосредственность была очаровательна и так естественна!

Король рассказал о рождении восьми великих родов, что были опорой для Вереса, о том, как стремительно выросли города смертных, развивались и теряли веру во что либо, кроме прогресса и собственного величия.

В таких обстоятельствах богу грозила смерть, забвение, что уже случилось с Карьяд.

Жанна засыпала Кейна вопросами об этом мире, но он знал о соседке не слишком много — так давно и бесследно она исчезла.

— А потом Сахрезейя сошла с ума. — Тихо добавил он, о чем-то задумался. — Я уже был рядом с отцом и видел эту битву во всей красе.

— Но что случилось? — Жанна смешно нахмурила лоб.

Кейн с усмешкой посмотрел на девчонку: любопытная как кошка, до всего ей есть дело! И вдруг стал грозен.

Только что он открыто и с желанием говорил о совершенно невероятных вещах, как вдруг превратился в холодную глыбу льда!

— Тебя это не касается. — Проговорил он. — Можешь быть свободна.

Золотые глаза потемнели, черные густые брови нахмурились, Кейн молча встал. Огромный и мрачный, вериец снова внушал животный страх.

Жанна потупилась, соскользнула с подоконника.

Что было дальше? Зачем ему рассказывать чужестранке, возможно, верной прислужнице своей богине, как все изменилось после той войны?

Каким зависимым и жалким стал Верес, обезумивший от паранойи. План Кейна о создании армии полукровок пришелся богу по душе. И оказался фатальным.

Все больше и больше древний мир менялся, под давлением людей, не готовых смириться с переменами, напуганных новообращенными. Рушились храмы, пылали восстания, наливались сумасшедшей жаждой глаза верных верийцев.

Кейну повезло: на какое-то время он смог достичь равновесия в Вересе, разгромив смертных. Он собрал горстку соратников, ворвался в Маледиктус и сверг своего отца.

Душа Вереса стала меняться, крошиться: бессмертные перестали возвращать энергию мира в Маледиктус, копили ее в себе.

Лорин долго противилась планам Вереса по захвату Невеккет, настаивала на том, что верийцы — ошибка, их нужно уничтожить и только смертные вернут былое величие. В чем-то она была права, но было уже слишком поздно.

Затем появился Кейн, и разделался с правой рукой отца, — Ольгартом, королем верийцев. Мятежный полубог нанес Вересу удар в самое сердце и занял оба трона сразу. Больше не было колебаний и сомнений, страха не угодить соседям, Невеккет был покорен.

Дальнейшие годы ушли на то, чтобы сократить численность смертных, стереть с лица земли их города, рассорить между собой, пополнить армию полукровками. Теперь в мире было несколько просторнее.

Верийцев люди почитали как могущественных воинов бога Кейна, служили им и боялись.

Долгое время царил идеальный порядок, но теперь бессмертных стало много. Слишком много. Снова чаши весов утратили равновесие. Кейн в полной мере ощутил бремя своей власти, понял, почему отец запрещал своим детям проводить Ритуал.

— Достается тебе?

Жанна так задумалась, что даже не заметила незнакомку в библиотеке. Она настороженно окинула молодую женщину взглядом: типичная вирийка. Высокая и стройная как осина, выражение лица слегка надменное и отстраненное, цепкий изучающий взгляд.

— Кто ты? — Жанна прикрыла книгу рукой, вторая рука неспешно нашарила кинжал на поясе.

Она носила его с тех самых пор, как на нее напала полукровка.

— О, прости. Меня зовут Шарлотта. — Верийка села напротив Жанны. — Не беспокойся: теперь каждая душа в Маледиктусе знает, что тебя лучше не трогать. Собственно, сам Маледиктус защищает тебя.

— Как такое возможно? — Удивилась девушка.

— Ну, он подчиняется Кейну, а в твоих венах — его кровь. — Пожала плечиками Шарлотта. — Я зашла познакомиться, Жанна. Ты всегда одна. Друзья не помешают. Особенно в Вересе, где ты — чужая. Слишком много любопытных и голодных взглядов.

Жанна внимательно изучала верийку. Внутреннее чутье подсказывало, что она не врет. Что-то было с ней не так, но в Маледиктусе все были сумасшедшими.

— Хорошо. — Согласилась графиня.

Она не знала, что еще сказать, но Шарлотта избавила ее от неловкого молчания.

— Расскажи о своем доме. Откуда ты, как вообще сюда попала? Костяной хребет всегда сдерживал незваных гостей. А тебя пропустил.

— Мне казалось, это верийцы привезли меня сюда. Я не очень хорошо помню события той ночи. — Лаконично отозвалась Жанна.

— Короткая история. — Шарлотта села рядом, закинула ногу на ногу.

Ее одежда была богатой, но не стесняла движений. В отличие от других женщин Маледиктуса, девушка носила платье. Легкое и струящееся. Темные волосы завязаны в тугую косу, на шее красовалась подвеска в виде волчьей головы, а на запястьях — узоры. Такие же, как у Фауста.

— Ты из рода Гевальт? — Обрадовалась Жанна.

— Имею к ним некоторое отношение. — Уклончиво ответила Шарлотта, машинально коснулась украшения и прикрыла запястья длинным рукавом платья. — Почему ты спрашиваешь?

— Есть ли новости от князя? — Смущенно поинтересовалась лоринка.

— Сожалею. — Холодно ответила Шарлотта.

Воцарилось неловкое молчание.

— Как тебе Маледиктус? — Вновь начала разговор Шарлотта.

— Мрачно.

— Зато здесь нас не мучает голод.

— Да, я заметила. — Согласилась Жанна. — Я вообще не понимаю: верийцы — не единственные обитатели крепости. Между тем, в округе нет ни одного поселения, нет хлебных полей, пастбищ для скота... Откуда что берется, ведь смертные нуждаются в пище.

Шарлотта вдруг расхохоталась.

— Прости, пожалуйста! — Она снова залилась смехом. — Ты находишься в сердце Вереса. Самом могущественном месте! Но все, что тебя интересует... — Она снова начала смеяться.

Жанна обижено засопела.

— Не сердись. — Шарлотта, наконец, успокоилась. — Костяной хребет выводит верийцев и их слуг в любую точку мира. Весь мир — сплошной алтарь жертвоприношений, остается лишь собрать. Здесь есть цивилизация, графия. Как раз на уровне земледелия и металлообработки. Смертные почитают нас и отдают все, что мы попросим.

— Я бы давно собрала армию и разгромила вас! — С ненавистью произнесла девушка. — Почему они не пытаются?

— Горы не пускают. — Шарлотта пропустила мимо ушей агрессивную интонацию собеседницы. — Пройти могут лишь дети бога. Их слуги. Все, в ком есть хоть капелька этой крови. Есть горстки храбрецов, как восточные охотники в княжестве Гевальт. И магия Фьэль, которая спасает их жалкие жизни.

— Хотелось бы мне посмотреть на этих смельчаков...

— Их армии пытались. Много костей лежит на перевалах хребта. От того он и костяной. Но век за веком верийцы дрессировали людей. И теперь они смирились.

— Лорин! Как же мне здесь противно! — Жанна нетерпеливо захлопнула книгу. — Ужасный мир! Безумные создания!

— Ты теперь такая же, как и мы.

— Я никогда не буду такой же. Я — это я, как бы ни травила меня ваша кровь.

— Ты можешь не пить кровь. Ты вытаскиваешь души как Истинные. Ты одна из нас. — Шарлотта погладила корешки книг на высокой полке. — Это невозможно, но это так. Почему?

— Я не знаю. — Жанна пожалала плечами. — Это получается само.

— Так и есть. — Согласно кивнула Шарлотта. — Возможно, кровь короля сделала тебя исключительной. А возможно, все лоринцы после обращения способны на то же самое. Никто еще не проверял. Можешь гордиться, ты — редкий экземпляр.

Зрачок лоринки расширился от этих слов, тело обдало жаром. Так называл ее Фауст. Редкой.

То, что ее изучают, Жанна почувствовала сразу. То же самое испытывала она, когда кто-то из верийцев пытался прочесть ее мысли.

Шарлотта нахмурилась: она не могла проникнуть в сознание полукровки.

— Похоже, это у вас семейная черта — пытаться подсмотреть личное. — Недовольно произнесла Жанна. — Не выйдет.

Девушка коснулась амулета на шее. Она все еще носила камень с собой. Что-то было в талисмানে особенное. Он смущал верийцев, ограничивал воз-

действие их Даров. К тому же, его подарил Вик — единственный разумный в этом мире.

— Где ты взяла эту вещь? — Ничуть не смутившись, поинтересовалась Шарлотта. — Она принадлежала моему мужу.

— Вот как? — Жанна искренне удивилась. — Как же она попала в руки к одному из смертных?

— Что?! — Шарлотта фурией подскочила к Жанне.

Девушка инстинктивно схватилась за кинжал и выставила его перед собой.

— Мой муж никогда не имел ничего общего с грязными смертными! Они выкрали его! Отдай! — Шарлотта протянула руку к камню.

— Оставь ее, — в комнату величественно вошел вериец.

Выглядел он совсем юным мальчишкой, но Шарлотта отчего-то присмирела.

— Твой муж имел слабость к смертным ничуть не меньше, чем твой сын. — Высокий молодой голос будто резал Шарлотту.

Оба вдруг замолчали. Они перекидывались мысленными репликами, после чего Шарлотта поджала губы, сдержанно кивнула Жанне и удалилась.

— Кто она? — Обратилась Жанна к юноше.

— Она просила не говорить. — Он улыбнулся неожиданно теплой и открытой улыбкой. — Но я бы держался подальше от всех, кто принадлежит к роду Гевальт.

— Но почему?

— Ты не понимаешь? — Настал черед юноши удивляться — Ничего. Маледиктус исправит тебя. Я — Эрик Раск. Секретарь короля.

— Вот почему Шарлотта так трепетала перед тобой. — Хмыкнула Жанна.

— Или потому что у меня есть свои особые Дары. — Юноша хитро улыбнулся. — Король не может сегодня уделить тебе время и просил меня занять твое праздное существование чем-нибудь полезным.

Жанна сердито засопела.

— Это не мои слова, без обид. — Эрик вскинул руку, будто заслоняясь от гнева лоринки. — Ты не воин. И не станешь достаточно искусна даже за полвека. Но в тебе дремлет магия. И ею надо уметь пользоваться. Амулет, кстати, может мешать тебе.

Жанна с интересом слушала юношу. Одет был секретарь просто, но дорого. Традиционный для свиты короля алый цвет обозначался только плащом и рубиновой застежкой в форме морской звезды. Штаны и жакет на верийце были черными с серебряной вышивкой, украшенной жемчужинами.

Приятное, полудетское лицо с вздернутым носом-уточкой, тонкими высокими бровями и ямочками на щеках располагало к себе, было живым и эмоциональным.

— Как ты живешь среди Них? — Удивленно покачала головой Жанна.

Эрик ничуть не смутился, пожал плечами.

— Мы не так ужасны, как кажется. Идем, я хочу познакомиться с твоими Дарами.

— Как?

— Это мой Дар. Я знаю все, на что способен каждый вериец и полукровка в Вересе. Ты изучала войну трех миров? — Эрик пробежал взглядом по книге на

столе.

— Эта история заставляет всех нервничать и замолкать. — Хмыкнула Жанна. — Что там такого произошло?

— После этой битвы мир стал тем, чем стал: разделился на сословия, перестал сотрудничать с другими мирами. Это важный этап. И не самый приятный. Поэтому, не стоит расспрашивать. — Юноша широко улыбнулся. — Но, не зная всей правды, ты не поймешь Верес.

— Тупик. — Вздохнула Жанна. — Как быть?

— Наблюдать. Анализировать. Ты сама все поймешь.

Нетерпеливые пальцы застучали по столу, где король изучал последние донесения и отчеты, снова и снова рассматривал карту с отмеченными на ней войсками предполагаемого противника.

Он задержал наступление на юг, потратил слишком много времени на покорение диких северных племен Норса, разбил Дрейтон, где столкнулся с несколькими отрядами черных василисков Сантера.

Это было похоже на разведку боем, но где же сам противник? Исследовав континент от края до края, Кейн наткнулся лишь на несколько брошенных поселений. Это его тревожило. Если оставить неприятеля за спиной, — он может оказаться в тисках. Как Сантер попадал в Лорин? Не было ни порталов, ни тропинок, впрочем, они могли быть закрыты для верийцев, но не для сантерцев.

Он снова пытался вспомнить какие-нибудь детали, мелочи, которые могли бы дать ответ на его вопрос: откуда взялись отряды на севере и почему молчит Лорин?

Все указывало на то, что эти двое по-прежнему действовали сообща. Где взять столько сил, чтобы одолеть сразу обоих? Не лучше ли отступить и подождать еще. Или объединиться с кем-нибудь из оставшихся богов?

Раздался робкий стук в дверь.

— Да? — Он раздраженно повел бровью.

— Милорд, вы просили прийти.

Легка на помине! Ее хрупкие ладони теребили кружево на платье. И как же ей шли эти платья! Женщины верийской расы предпочитали более удобную одежду: штаны, рубашки, сапоги... А Жанна просто была создана для красивых платьев.

Ее стройное тело с достоинством и грацией преподносило эти изысканные наряды. Самые красивые верийки проигрывали перед этой пленительной хрупкостью.

— Приказал. Просят рабы. — Грубо бросил Кейн.

Она вскинулась, щеки заалели. Но Жанна прикусила язык. Слишком скор на расправу король верийцев.

— Я хочу пройтись по Маледиктусу. Ты составишь мне компанию.

Огромная фигура вытянулась во весь рост, поравнялась с Жанной. Девушка невольно запрокинула голову, чтобы посмотреть в глаза Кейна: не издевается ли он над ней.

— Тебе будет полезно кое-что узнать.

Жанна кивнула.

Некоторые залы были ей уже знакомы, другие она видела впервые. Усыпляющий полумрак, полный обманчивой тишины, верийцы и полукровки, что

склонялись перед ее спутником, пестрые как экзотические птицы и, напротив, консервативные в своих одеждах.

Крепость пришла в движение, точно каждый обитатель вышел взглянуть на странную пару. Жанне было неловко.

«Их слишком много сегодня!» — Озабоченно подумала она.

«Обыкновенное любопытство!» — Прозвучало в ответ.

Девушка запоздало вспомнила, что в этом месте звучат даже сокровенные мысли!

«Не беспокойся. Твои мысли теперь звучат только для меня. — Он посмотрел на нее с высоты своего роста. — Божьи помыслы всегда остаются тайной. А в тебе — моя кровь».

«Сомнительная радость» — Она снова забылась, испуганно прикусила губу.

Но Кейн лишь позволил себе улыбнуться.

«Многие из них убьют за такую радость».

«И за любые другие радости» — Она с отвращением проводила взглядом пару верийцев.

Женщина и мужчина не скрывали своего любопытства. Они шли вслед за королем несколько минут, очевидно, переговариваясь мыслями. Затем свернули по одной из галерей и принялись перешептываться.

«У тебя очень длинный язык!» — Бросил Кейн.

Их прогулка длилась почти час, когда на пути перестали попадаться обитатели Маледиктуса.

«Хвала Лорин!» — Жанна даже облегченно вздохнула.

— Лорин здесь тебя не услышит. — Вслух произнес Кейн. — Верийцы хотели взглянуть на тебя. Маленькие милости для моего народа.

— Странного зверька показали публике... — Жанна резко остановилась. — Я хочу вернуться в свою комнату! Сейчас же!

Кейн чуть склонил голову вбок, посмотрел на нее дольше, чем обычно. Девушка вдруг почувствовала, что готова исполнить любой его приказ.

— Странного зверька придется долго дрессировать. — Хмыкнул он. — Идем дальше.

Они шли молча, пока не очутились на крепостной стене. Часовые ушли с поста, оставив их наедине.

— Теперь можешь говорить. — Разрешил Кейн.

Со стены открывался невероятный вид на белоснежные горы! Вершины тянулись и тянулись вдаль, превращаясь в синие тени. Куда ни посмотри, — взгляд упирался в эти непреступные каменные глыбы. Долина внизу чернела просыпающейся землей. Местами все еще щетинился тающий снег.

Бездонное черное небо накрыло Верес на востоке, звезды перемигивались между собой. Запад еще алел тонкой полоской солнечного диска.

У подножья Маледиктуса бесновалась широкая река. Ее стремительное течение порождало рокот, впивалось в ров и мчалось дальше, огибая крепость.

— Нравится? — Поинтересовался Кейн.

— Очень. — Восхищенно отозвалась девушка. — Мне бы краски и холст. — Она мечтательно прижала руки к груди.

Свежий воздух обжигал, перебивал дыхание.

— Страна вечной зимы. — Она по-детски рассмеялась от восторга. — Я люблю зиму. В ней есть что-то сказочное.

— Холод убивает все посторонние звуки и запахи. — Произнес Кейн. — Идеальный мир для верийцев.

— И здесь никогда не бывает тепло? — Ровный и бесцветный голос короля охладил восторг девушки.

— Бывает. Редко. В основном, за пределами Маледиктуса. Сейчас — весна, долины растаяли, Гремучая переполнена. — Он указал пальцем на реку. Летом она успокоится и покроется зеленью. Летом мы начнем наступление на Сааддан.

Сердце полукровки болезненно сжалось. На минуту она позволила себе забыть о том, где и с кем находится.

— Успокойся. — Осадил ее Кейн. — Изменить ход событий — не в твоей власти.

Но внутренние терзания его гости доставляли удовольствие. Он сам давно забыл, каково это — мучиться от страха или душевных переживаний. Год за годом ему приходилось решать только стратегические задачи.

— Тебе нравится издеваться надо мной? — Аметистовые глаза вспыхнули алым. — Зачем ты делаешь это? Заставляешь меня учиться, даешь в руки меч.

Кейн снял свой плащ, накинул его на плечи полукровки небрежным жестом. Она мерзла. В минуты эмоционального всплеска девушка теряла контроль над своими новыми способностями и снова становилась обычной смертной.

— Ответь мне. — Она скинула плащ к ногам, отошла на пару шагов назад.

— Ты не в праве требовать. Идем обратно.

Он прошел мимо, Жанна снова подчинилась ментальному приказу.

— Разумеется. Всего лишь смертная. Никаких прав. — Она нехотя подняла плащ, плотно закуталась, дрожа всем телом.

— О, эту песню ты долго пела князю! Но мне это не интересно. Ты думаешь, я ценю верийцев больше людей? — Поинтересовался Кейн. — Они ничем не лучше любых созданий старых богов! Все сделаны по одному шаблону. Эмоции и потребности, те же недостатки. Другие способности, но те же цели. Другие методы, но та же ненасытность. Мне не жаль воинов, что умирают за меня. Энергия мира циркулирует бесконечным потоком, снова и снова обретает форму. Верийцы несколько тормозят процесс. Их сейчас слишком много.

— Ты осознанно убиваешь своих подданных?

— Я управляю миром. Стараюсь сдерживать баланс. И все валится в пропасть. Мир слишком стар. Я должен защитить его от других богов. Если я не нападу первым — они придут сюда сами рано или поздно.

— А что будет потом?

— Тебе этого знать не надо. Ты появилась по воле Лорин. Чего она хотела добиться? Ответь мне?

— Я не знаю. — Жанна смутилась.

— Если бы можно было все перекроить. — Почти с досадой проговорил Кейн.

— Разве ты не можешь? — Удивилась Жанна. — Ты же — бог.

Он бросил на нее злой взгляд и впервые отвел его первым.

— Ты не можешь? — Еще больше удивилась она и, повинувшись какому-то внутреннему порыву, коснулась рукой его руки.

Кейн вздрогнул от неожиданности. Рука чужестранки была теплой, пожа-

тие — легким и приятным.

Ночное небо прорезали зелено-голубые всполохи сияния, расплзлись в волнистые линии, зазмеились и скрылись в горах.

Король отдернул руку, кажется, произошедшее поразило его не меньше Жанны, что, раскрыв рот, уставилась в след погасшему чуду.

— Что это было? — С восторгом спросила она.

— Не важно. — Поспешно бросил Кейн. — Идем!

Жанна пожалала плечами и последовала за ним. Она не видела, как вдоль стены стражники снова и снова всматривались в небо, надеясь вновь увидеть это волшебство. В последний раз верийцы наблюдали сияние еще при жизни Вереса.

Они опять пересекали бесконечные залы, на этот раз абсолютно пустые и незнакомые. Наконец, Кейн дернул ручку тяжелой двери, и они очутились в его кабинете.

— Как мы сюда попали? — Жанна удивилась.

— Маледиктус делает все, что я захочу. Я же сказал. — Раздраженно бросил Кейн.

Он снова расположился в своем высоком кресле. Жанна застыла возле двери, не решаясь уйти или сесть рядом.

— Можешь идти. Я пришлю за тобой, когда понадобится. — Кейн углубился в свои бумаги.

— Это все? — Удивилась она.

— А чего ты ждала? — Бездонные глаза прожгли насквозь. — Мне нужно было появиться среди подданных. Пока ты любовалась пейзажами и обстановкой, я уже отдал все свои приказы и распоряжения.

— Но что я должна была понять?

— Глупая птаха! — Кейн стукнул кулаком по столу. — Во-первых, ты не заметила, что теряешь контроль над собой, когда поддаешься эмоциям. Во-вторых, тебе стоит хорошенько покопаться в своей душе и дать мне ответ на мой вопрос: для чего ты здесь, в Вересе? В-третьих, тебе придется принять решение: с кем ты теперь? Твоя жизнь уже никогда не будет прежней! Либо ты подчиняешься законам Вереса, либо умрешь. Сам мир уничтожит тебя как чужеродное создание.

Девушка стушеввалась.

— Ты убиваешь, когда считаешь это оправданным. Тебе нужен повод. Маледиктус будет давать тебе его каждый день, поверь.

— Почему ты такой? — Тихо спросила она.

Кейн удивленно взглянул на девушку: какая же упрямая! Как же она не свела с ума Гевальта своим чрезмерным любопытством?

Вериец щелкнул пальцами, губы Жанны плотно сомкнулись: она не могла произнести ни слова! В панике полукровка снова и снова пыталась открыть рот, отчаянно мыча и размахивая руками.

Зато отчетливо звучали проклятья в ее голове и мольбы к богине Лорин.

Кейн устало вздохнул, чары рассеялись. Жанна тяжело и глубоко задышала. Страх мгновенно обернулся злостью.

Король испытующе посмотрел на девушку, но она сдержалась.

— Подойди. — Приказал он.

Жанна приблизилась. Мужчина встал рядом. Лоринка казалась хрупкой

рядом с ним. Даже верийские смертные были крупнее и шире в кости. Не удивительно, что на нее смотрят как на легкую добычу.

— Дай мне руку.

Она подчинилась. Дыхание перехватило, мир закружился, погружаясь в антрацитовую тьму. Вокруг засияли золотые звезды, заискрились голубые огни.

Кейн понимал: то, что он делает сейчас — недопустимо. Отец казнил бы обоих, если бы узнал. Но теперь останавливать, сдерживать его было некому.

Жанна очнулась на залитой кровью поляне и мгновенно узнала это место: она уже бывала здесь во сне! Блуждали фигуры в черном, добивая раненых, но в этот раз она была не одна, рядом с ней, крепко сжимая заледеневшую ладонь, стоял Кейн.

— Битва трех. — Произнес вериец.

— Но здесь только верийцы и лоринцы. — Подметила она. — Где же враг?

— Сахрезейя никогда не обладала своей армией. Ее слуги дурманили разум, мы кидались друг на друга как бешеные. Верес сейчас отчаянно рвется в Сахрез, чтобы уничтожить его сердце. Лорин, как всегда, дрожит от страха, а Сантер защищает ее.

Кинжалы в руках черных фигур время от времени наливались то золотым, то голубым светом.

— Они собирают души. — Ответил Кейн на немой вопрос. — И Сахрезейя обретает силу с каждым умершим.

— Почему она это сделала? — Жанна отвернулась, уперлась лицом в широкую грудь верийца, не в силах больше смотреть.

— Об этом знал только Верес. — Кейн насторожено застыл, снова ощутив тепло чужестранки. — Подозреваю, все дело в гибели Карьяд. Все это как-то связано с моим появлением, союзом Сантера и Лорин. Что-то начало угрожать Сахрезейи. Она всегда была самой мудрой из восьми.

— Она погибла?

— Разумеется. — Кейн крепче сжал руку Жанны, мир снова завертелся волчком.

Они стояли посреди бело-голубого великолепного зала. На троне восседала женщина. Кожа ее была светлой, брови и ресницы — едва видны. Алые глаза чуть поволокла дымка.

— Зачем ты явился? — Прозвучал ее глубокий грудной голос.

Жанна вздрогнула, но поняла, что Сахрезейя смотрит куда-то за спину вновь прибывших. Девушка повернулась назад и увидела грозного могучего верийца. Так мог бы выглядеть Кейн, если бы верийцы умели стареть: длинные белые волосы спадают на алый доспех, золотые глаза бесстрастны, острое непримиримое лицо и густая борода, заплетенная в косу. Точно дрейтонский дикарь из ее мира!

— Ты знаешь, зачем. — Прогрохотал он в ответ. — Отдай его мне. Твоя битва проиграна.

Сахрезейя рассмеялась. Ее стройное тело начало темнеть и превращаться в черную тень.

Жанна увидела рядом с богом того, кто займет вскоре его место, — Кейна. Молодой мальчишка кивнул Вересу и устремился куда-то в сторону от стремительно приближающейся тени. Сверкнул в руке мужчины волнистый меч.

Тень опутала Вереса, меч рвал ее на кусочки, светились алым глаза черепа на рукояти. Внезапно Сахрезейя отступила, снова приняла свой облик.

— Твой мир заполнен бесплотной энергией, сестра. — Заговорил Верес. — Ты была самой сильной из нас.

— Была и остаюсь. — Уверенно ответила женщина. — Создавать существ оказалось не самой лучшей идеей. В любое мгновение я могу сотворить то, что мне нужно: животное, птицу, человека. И рассеять, когда необходимость пропадет.

Ее тело местами покрывали раны, белоснежная одежда окрасилась кровью. Верес свои повреждения залечил быстро.

— Твое желание восстановить Колыбель: ты знаешь, я на твоей стороне. — Верес сделал шаг навстречу богине.

Сахрехейя сжала в руке маленький светящийся шар, замахнулась...

Жанна желала знать, что будет дальше, но видение растаяло.

Они стояли в просторной комнате: белый мозаичный пол, воздушные легкие занавеси, высокие потолки, изящная мебель. Везде царил беспорядок — было видно, что кто-то что-то искал.

Шум доносился из соседнего помещения, туда Кейн и повел Жанну.

Двое отчаянно сражались друг с другом: молодой вериец и юная девушка в черном платье. Не смотря на всю свою изворотливость и мастерство, сын Вереса проигрывал. Девушка будто и не замечала всех его попыток нанести удар мечом. Все воздействия Даров разбивались о магический щит.

— Как же ты мне надоел! — Нахмурилась девушка.

Она ловко опустила руку в мешочек на поясе и швырнула в верийца горсть песка.

Кейн отскочил как ужаленный.

— Что это? — Спросила Жанна.

— Драконовы слезы. Личное изобретение Сахрезейи. Мои Дары мне больше не доступны, а для Вереса моя душа вернулась в Маледиктус. Он не чувствует меня.

Молодая копия короля растерянно отпрянула.

— Что ты сделала со мной?

— Уравняла шансы. — Белозубо улыбнулась девушка.

— Давай покончим с этим. Просто отдай мне ключ.

Его голос еще не обрел властных ноток и, оказывается, умел просить. Девушка в черном засмеялась, тугая рыжая коса перекатилась с плеч за спину.

— Зачем бы мне это делать? — Озорно спросила Миа.

Ее глаза лучились теплом, рука сжимала короткий меч.

— Тебе все равно не справиться со мной! Богиня ждала подлости от твоего отца и не ошиблась. Даже если каким-то чудом ты перешагнешь через мой труп, — тебе не пройти через Лабиринт. Только не тебе!

— Я смогу! — Упрямо стиснул зубы Кейн и снова кинулся в атаку.

Миа засмеялась и закружилась волчком. По сравнению с ней вериец был неуклюжим и неповоротливым. Он явно привык рассчитывать на свои Дары.

— Я не хочу твоей смерти, Миа. — Едва дыша, бросил Кейн.

Она не ответила. Улыбка пропала с лица, милое лицо почернело, фигура растаяла и превратилась в тень, окутала верийца, сцена с Вересом и Сахрезейей повторилась.

Когда Миа снова обрела свой облик, Кейн опустил оружие.

— Будь, по-твоему. — Сказал он. — Я не могу сражаться с тобой вечно. У меня нет времени. И у тебя — тоже.

— Я знаю. — Девушка улыбнулась. — Сюда уже спешат Лорин и Сантер. И мне не справиться с ними, а Сахрезейя не одолеет Вереса.

Миа печально покачала головой, опустила оружие.

— Знаешь ли ты, о чем просишь?

— Я все обдумал.

— Хорошо. — Девушка кивнула. — Ты был мне как брат. Если бы не ты, Кейн, я бы сошла с ума рядом с богиней. В последние дни она особенно подозрительная, нервная и безумная. Я не знаю, что случилось, но думаю, что ключ от мира как-то повлиял на разум Сахрезейи.

Миа жестом пригласила юношу идти за ней. С каждым новым шагом цветущие деревья чернели, жухлая трава зашелестела под ногами.

— Что случилось? — Спросил Кейн у своей спутницы.

— То же, что и у Карьяд. — Вздохнула Миа. — Сахрез начал сам себя разрушать. Все наши попытки потерпели поражение.

В воздухе начал кружиться снег, опадая на плечи и головы. Кейн провел рукой по лицу и понял, что это — пепел. Он растер его между пальцами, задумчиво осмотрелся по сторонам: пустота и серая пелена. Вот и все, что осталось от Сахреза.

— Наш дворец и его окрестности — это все, что осталось. — Подтвердила его догадку Миа. — Неужели ты не видел, когда шел сюда?

— Отец провел нас сразу в Радужный дворец. — Покачал головой Кейн. — Сахрезейя думает, что в этом виноват кто-то из богов?

— Если быть конкретной, то она думает, что это — дело рук Вереса. — Миа вздохнула, ее рыжие волосы уже покрылись пеплом. — Верес последним контактировал с Карьяд. А потом, пропала и богиня, и ее Ключ.

— Но это — не правда! — Возмутился Кейн. — Он пытался помочь.

— Или он так тебе сказал. Ты всегда следуешь за ним?

Молодой вериец задумался.

— Я так и думала. — Миа горько улыбнулась.

— Почему тогда ты помогаешь нам?

— Не вам. Тебе. Я верю, ты сможешь остановить эту напасть. Ты не такой, как он. В тебе есть что-то от той, что вложила в твою душу свою искру. От твоей матери, кем бы она ни была.

Перед ними, наконец, появилась стена.

— Мы пришли. — Миа остановилась. — Помни: Лабиринт будет тебя испытывать. А в обмен на Ключ, заберет что-то ценное для тебя.

— У меня с собой ничего нет. — Пожал плечами Кейн.

Миа рассмеялась.

— Сахрезейя тоже думала, что ей нечего будет терять, когда создавала эту ловушку. И вот — она сошла с ума. Пожалуйста, не соверши той же глупости.

Все вокруг вдруг начало выцветать, и Жанна снова стояла рядом с Кейном в его кабинете.

— Чем все закончилось? — Нетерпеливо спросила она.

— Я забрал ключ от Сахреза. — Ответил Кейн. — Сантер и Лорин вмешались в бой и помогли Вересу, но лишились своего миссии, Лидии, которую так

долго и упорно создавали вместе.

— Лидия? — Брови девчонки поползли вверх.

На этом строилась религия Лорин: на девушке, что несла мир и свет, защитила людей от черных дьяволов ценою собственной жизни. А неблагодарные люди даже не похоронили несчастную, за что богиня лишила их бессмертия. Демоны, согласно Книге просветления, притаились в мире и иногда вселялись в людей, искушая.

— Ты слишком любопытна. — Тихо ответил Кейн.

От этих слов Жанну бросило в жар. Что-то изменилось в голосе верийца и простые слова прозвучали угрожающе. Их руки все еще касались друг друга, она поспешно отступила.

Сердце полукровки билось как птица в клетке, кровь пульсировала в висках, колени задрожали и подкосились. Король подхватил девчонку за локти, не давая упасть. Сейчас она напоминала загнанного в угол зверька.

— Я не причиню тебе вреда. — Пообещал король и аккуратно отпустил лоринку. — Не бойся меня. Пока ты не стоишь на моем пути, — ты мне не интересна.

Кейн на мгновение замолчал, оценивающе взглянул на девчонку: стоит ли ей знать обо всем? В то же время, король давно не испытывал такого удовольствия от того, что может с кем-то поделиться информацией. Он всегда взвешивал факты, обсуждая свои тревоги и сомнения с Мариусом Гайос или Эриком Раском.

Но секретарь был не способен объективно оценить ситуацию — слишком предан Вересу. А Гайос часто оставлял свое мнение при себе — слишком осторожен. Да и сам Кейн не особенно доверял своим подданным в последнее время: века правления показали, что верийцы любят плести интриги против друг друга.

Жанна вспыхнула, опустила глаза.

— А мой дом? Он тоже разрушается?

— Пока — нет. — Кейн снова потерял интерес к собеседнице. Вернулся к своим бумагам.

— Тогда зачем твои воины напали на нас? Ты уже нашел Ключ? Что происходит?

— Вопросы, вопросы! — Рассердился Кейн. — Поговори с Раском. У меня нет на это времени!

Жанна задумчиво спускалась по ступеням.

Какой, все же, странный этот Кейн! Он то готов рассказать и показать свои личные воспоминания, то закрывается и вселяет ужас. Он сам будто та выжженная пустыня, в которую превратился Сахрез и Карьяд. От того и не умеет творить, создавать.

Нет в этом существе легкого полета мечты, нет личных желаний, чувств, привязанностей. Для людей всегда существует стремление к чему-то и нет чувства удовлетворенности, им всегда мало того, что есть. И у соседа дом лучше, жена — красивее, денег больше. Это тоже заставляет смертных бороться. Не всегда самыми честными способами.

Но верийцы? У них нет потребности в материальных благах. Они уже получили все, что мог дать мир. Их история написана кровью, борьба за власть над территориями утратила смысл. Осталось влияние и личное могущество. Чув-

ства у верийцев носят какой-то болезненный, искаженный характер: они выстраивают семьи по расчету, отдают себя полностью, но совершенно спокойно относятся к адюльтеру.

— Ну, здравствуй.

Жанна так погрузилась в свои мысли, что не заметила, что за ней уже давно кто-то идет. Запах леса после дождя. Свежий и тонкий.

— Рада? — Лоринка испуганно вжалась в стену.

Истинная из рода Гевальт белозубо улыбнулась.

— Волчий замок стоит на ушах, а братец так далеко от Вереса. — Промурлыкала она. — Кто-то должен был навести порядок.

Верийка поддела пальчиком локон волос, что рассыпались по плечам Жанны, от чего полукровка вздрогнула.

— Ты выглядишь хорошо. — Цокнула языком Рада. — Хватит трястись! Забудь ты ту деревню и все, что видела там. Это — не самое страшное, что может произойти в Вересе.

— Я уже поняла. — Жанна, наконец, взяла себя в руки. — Чего ты хочешь? — нахмурилась она.

— Ни-че-го. — Протянула Рада. — Я лишь присмотрю за тобой, пока братец не объявится. Маледиктус так опасен. А еще лучше, — вернуться в Волчий замок.

— Ни за что! — Выпалила Жанна. — Эта клетка мне слишком противна.

По лестнице промчался какой-то вериец в лимонном мундире. Рада отвлеклась, и Жанна продолжила спускаться вниз, торопясь добраться до более оживленных коридоров и залов.

— Постой! — Рада быстро нагнала бывшую подругу.

Мимо прошелестели платьями какие-то дамы, учтиво кивнули Раде.

— Здесь абсолютно невозможно разговаривать! — Рассердилась верийка.

— А я и не хочу с тобой говорить. — Отрезала Жанна и продолжила свой путь.

— Ты же не разобьешь сердце моему брату за все, что он сделал для тебя? — С угрозой бросила Рада, больше не пытаясь догнать Жанну.

От этих слов кровь вскипела в лоринке.

— Есть за что благодарить? — Жанна резко развернулась, аметистовые глаза сверкнули огнем. — Все, что со мною сейчас происходит — его заслуга! И я подозреваю, что неприятности в Лорин, с которых все началось, так же имеют отношение к твоему брату!

— И тебе их, видимо, мало, дорогая? — Зашипела Рада, подступаясь к Жанне. — Ты крутишься вокруг Кейна как назойливая муха! Мешаешься под ногами, создаешь неловкие ситуации и лишние разговоры!

— Я буду совсем не против, если он оставит меня в покое. — Рассмеялась Жанна. — Меня, мой мир, мою семью!

С минуту они мерили друг друга взглядами. Рада вдруг улыбнулась.

— Я пришла не ссориться, Жанна. Я хотела попросить тебя об услуге. Для себя. И не сдержалась, как всегда. — Рада развела руками.

Изысканное платье смотрелось на княгине не хуже излюбленного наряда, в котором она привыкла охотиться. Жанна только сейчас заметила, что девушка выглядит необыкновенно красиво и сразу все поняла.

— Рада, король меня не переносит на дух. Это — единственное, чем я могу

тебя успокоить. Смогу ли я тебя представить ему? Это зависит от капризов вашего правителя. Иногда он перестает считать меня дорожной пылью, но чаще всего...

Жанна осеклась. Во-первых, Рада уже приняла для себя решение и менять его не собиралась, что бы сейчас ни сказала полукровка. Во-вторых, коридор заполнил запах зимней свежести, а на стенах выступили золотистые нити-вены — верный признак приближения Кейна.

Рада расплылась своей самой очаровательной улыбкой, и Жанна поняла, что король стоит за ее спиной.

— Ты снова попала в неприятности? — Кейн с интересом рассматривал представительницу волчьего рода.

Он никогда прежде не видел молодую княгиню в Маледиктусе, но татуировки на запястьях, вышивка на платье — все кричало о ее происхождении.

— Нет. Встретила старую знакомую. — Полукровка обернулась. — Мне казалось, я мешаю великим свершениям, а княгиня Рада не против составить мне компанию.

— Рада Гевальт, надо полагать. — Из-за плеча короля как тень выплыл Эрик Раск. — Ваша матушка всеми правдами и неправдами отстраняет вас от двора, но вы нашли способ нарушить ее запрет? Должно быть, срочное дело?

Эрик иронично приподнял бровь, но не забыл отвесить Раде изящный поклон.

Княгиня не растерялась и учтиво поклонилась в ответ.

— Да, уважаемый герцог. — Пропела Рада самым невинным голоском. — Любимая гостья моего брата пропала, а челядь в отчаянье: Фауст скор на расправу. Я должна была убедиться в благополучии Жанны.

— У Жанны все хорошо. — Эрик взял полукровку под руку. — Я как раз хотел пригласить ее на дружескую беседу. Можете составить нам компанию, княгиня. Хотя, вам будет скучно слушать то, о чем знает каждый образованный вериец.

Кейн все еще рассматривал Раду, но по его лицу было сложно понять, о чем он думает.

Рада же трепетала от волнения, думая, как продолжить знакомство со своим кумиром.

— Я надеюсь, вашего брата не побеспокоят дурные известия, у него очень ответственная задача в Лорин. — Наконец, произнес король. — И вы утешите его своим письмом.

— Не беспокойтесь, Ваше величество. — Глаза верийки сияли ярче золота. — Разводить панику — не в моем характере. Теперь же я абсолютно спокойна за судьбу своей подруги и лишь прошу дозволения и дальше принимать участие в ее судьбе.

Жанна почувствовала, как нити безысходности снова оплетают ее судьбу. Не для того она доверила свою жизнь Кейну, но тот как будто знал все, что творится в голове девушки.

— Такой смелой и благородной верийке следует присоединиться к войскам короля. — Улыбающееся лицо Эрика Раска повернулось к Кейну. — Как вы считаете, Ваше величество?

— Ты прав, Раск. Дома напрасно прячут своих лучших детей. Изощренные интриги двора — для слабых и неопытных, здесь вам не прославить своего

имени. — Согласился Кейн. — И чтобы ваша матушка и ваш брат не мешали, я направлю вас к Лино ди Герра. Герцог найдет применение вашим талантам.

Жанна облегченно вздохнула, Рада чуть не пританцовывала от восторга: ее мечты сбывались!

«Идем» — Прозвучал голос Раска в голове лоринки. — «От этой напасти ты избавлена надолго».

«Благодарю» — Отозвалась Жанна.

«Не меня нужно благодарить» — Подмигнул ей секретарь.

Глава 10

Чужая

*Дай мне жить так, как я хочу.
Если нет — убей, мне здесь тесно.
Знаю я — я всего лишь гость.
На твоей Земле мне нет места.
Ария — «Я не сошел с ума»*

— Ты говорил, что не знаешь, с чего начались беды Карьяд. — Жанна как могла старалась не отставать от широкого шага Кейна.

— Так и есть. — Вериец, как обычно, обходил свою крепость, чтобы отдать приказы.

Впереди был самый неприятный для полукровки урок: поединок. Как ни старался Истинный, девчонка упорно топталась на месте, делая акцент на Дары. Но Кейн знал: такая могущественная и непредсказуемая сила может коварно отвернуться от тебя или не сработать. То, что получалось в Вересе, по-другому отражалось в чужих мирах.

— Но теперь ты точно знаешь, что Сахрез и Карьяд постигла одна судьба. Скажи, Невеккет так же превратился в пустыню?

— Нет, Жанна, ничего общего. — Покачал головой Кейн.

По имени король называл ее редко, девушка улыбнулась: вериец в хорошем расположении духа. На веалоре ее имя звучало несколько странно: слишком тихо, с каким-то шипением произносилась первая буква, так что, оставалась почти «Анна». Но девушка привыкла.

— Невеккет я покорял сам. У отца уже не было сил, и он сам стал похож на Сахрезейу: подозрительный, мрачный и рассеянный.

— И ты не думал, что Верес тоже? — Она не договорила.

— Разумеется. — Согласился Кейн. — Другие боги ничего не сообщали о своих проблемах, но они есть у всех нас. А что Лорин? Я понимаю, смертный век короток, но, возможно, ты видела что-нибудь необычное?

Он даже замедлил шаг, подстраиваясь под темп полукровки. Заинтересованность на белом лице была неподдельная, в последнее время, между ними установился хрупкий, но мир: лоринка смирилась с неизбежностью своего положения, вериец перестал подозревать ее во всех смертных грехах.

— Наша религия перестала быть общей, если верить Книге просветления.

Кейн скривился, название было слишком возвышенным и пафосным.

— Я бы хотел узнать все сначала.

Жанна удивленно заглянула в его лицо: не издевается ли он? Но Кейн был серьезен и по пути она рассказала ему добрую половину того, что так старательно вдалбливали детям Жрецы Лорин в храмах.

— Достаточно, пожалуй. — Нахмурился Кейн. — Слишком много религиозного вымысла. Мы пришли.

Жанна глубоко вздохнула. Она надеялась, что сможет заговорить верийца и урок будет забыт. Но, видимо, ей не хватало таланта хитрой саадданской наложницы, что тысячу ночей рассказывала сказки султану, спасая свою жизнь. А может, дело было именно в историях?

Новообращенные с любопытством косились на пару. Король никогда не

уделял внимание кому-либо из них, зависть светилась в глазах. В то же время, его личное присутствие вызывало в полукровках старание: вдруг удастся отличиться, и жизнь сложится не в рядовой пехоте?

Двери с грохотом распахнулись. Верийцы инстинктивно расступились в стороны. Несколько Истинных равнодушно обернулись и снова занялись своими учениками.

— Кейн! — Свирепо прорычал Фауст.

Король даже бровью не повел, продолжая схватку с молодым соперником в измятых доспехах. Очевидно, Кейн уже загонял мальчишку до смерти.

Черный волк взмыл в воздух, перелетел через щуплого низкорослого незнакомца, приземлился прямо перед королем. Его тело на мгновение охватила судорога и перед Кейном уже стоял князь Гевальт.

— Где она? — Он набросился на короля, не дожидаясь ответа.

Парируя выпад, Кейн с силой отшвырнул соперника. Князь врезался в кого-то из полукровок, вскочил на ноги и снова бросился вперед.

Воины в зале стихли, окружили дерущихся. Их молчаливые взоры были красноречивы — одно слово, и у Фауста противников станет больше.

От нескольких мгновенных выпадов Кейн легко ускользнул, перехватил руку Фауста в броске и увлек его на пол. Вериец откатился в сторону и прыгнул. Кейн пошатнулся от удара в грудь, но удержался на ногах. Князь снова и снова пытался достать его, кидаясь в бой.

Король возвышался над соперником грудой мышц, но ловкий и изворотливый вериец был быстрее. Кейн терпеливо блокировал все попытки, затем, уклонившись от очередного выпада, всем корпусом подался вправо, свалил настырного князя во второй раз. Фауст увернулся от летящего в лицо кулака, взмыл вверх, ухватился за потолочную перекладину, подтянулся и встал на нее во весь свой рост.

— Ты заплатишь мне за нее! — Прошипел он.

— Успокойся. — Равнодушно бросил Кейн. — Твои трофеи меня не интересуют.

Его не было всего четырнадцать дней. Он оставил охрану, позаботился о том, чтобы ни одна душа не смогла попасть в его замок, тем более, в восточное крыло.

Слуги дрожали от страха, не могли толком объяснить, что произошло и когда. Но он уже догадался. Никто бы не посмел вторгнуться в его владения. Ни один здравомыслящий вериец, если, конечно, ему дорога была жизнь, не посмел бы так оскорбить Фауста.

Из обрывков мыслей, вериец собрал картину того, что произошло в Волчьем замке.

Горящие глаза воинов пристально смотрели на короля, но он почему-то медлил. Князь был готов убить всех, лишь бы добраться до Кейна. Он жаждал расплаты! Напасть на его слуг, забрать его собственность! В этот раз король зашел слишком далеко.

Фауст не нашел тело девушки, а потому, надеялся увидеть ее живой и невредимой.

Кейн лениво вскинул золотые глаза на соперника. Фауст рухнул на каменные плиты как подкошенный.

— Не забывайся, князь. — Усмехнулся Кейн, наблюдая, как корчится в судоро-

рогах Советник.

— Прекрати! — Прозвучало в гробовой тишине.

Кейн удивленно обернулся на фигурку в измятых доспехах и отпустил жертву.

Это был ее голос. Нежные хрупкие руки коснулись пылающих висков. Она взволнованно касалась пальцами тонких губ, жемчужные волосы щекотали лицо.

Ее бледные щеки, яркие, словно аметисты глаза с кровавой искоркой... Дыхание перехватило: она была жива! Советник пришел в себя. Все исчезло: комната, верийцы, гнев... Осталось только ее прекрасное лицо.

Необыкновенное душевное волнение охватило князя, а потому, он не сразу заметил перемену.

— Ты жива! — Его ладони бережно коснулись подбородка девушки.

Любопытные воины зашептались, заглядывая за плечо друг друга. «Что сейчас будет? Они снова сцепятся? Ставлю на короля.»

Обрывки чужих мыслей вывели князя из оцепенения.

Это была она. Нежные черты ее лица чуть заметно заострились, волосы приобрели еще больший блеск, слегка завиваясь в локоны, в аметистовых глазах таилась магия. Изменения были еще поверхностными, но уже необратимыми. Жанна утратила наивную детскость и беспечность, которые так очаровали его когда-то.

— Он изменил тебя. — Задумчиво проговорил Фауст. Сердце болезненно сжалось в груди, он жадно всматривался в ее лицо.

Она прикусила губу, слегка кивнула. Фауст тяжело вздохнул.

— Лучше бы ты умерла. — Прошептал князь и черным зверем покинул зал.

Разочарованные воины стали возвращаться к своим поединкам.

Жанна догнала его во внутреннем дворе крепости.

— Постой! — Ее ладонь коснулась плеча.

Фауст остановился, отрешенно посмотрел на нее, погруженный в раздумья.

— От чего ты злишься? — Напряженно спросила она.

— Он изменил тебя! — С ненавистью повторил князь, высвобождаясь.

— Ты бросил меня, хотя я умоляла! Ты не изменил меня, потому что не смог! Ты знал, что так получится! А теперь злишься? — Недоуменно обрушилась Жанна. — Какая разница, кто это сделал?

Она искала ответ на его лице.

— Разве не этого ты хотел? Я теперь одна из вас.

— Я хотел сделать это сам! — Он задохнулся от возмущения. — Ты не понимаешь! Это было важно для меня. Ты не знаешь, как дорога мне. Ты позволила ему отравить себя! — Он легонько толкнул ее в плечо, но Жанна мигом повалилась на землю.

Она обиженно засопела, точно дитя, поднялась на ноги.

— Позволила?! — Она чуть не плакала. — Что я должна была сделать? Кричать: спасите, помогите? Кто бы помог мне? Даже твои стражники не остановили его! Где Ты был, когда моя жизнь уходила? Очевидно, ты расстроен: любимая игрушка сломалась, пришла в негодность! Знай, что Кейн дал мне гораздо больше за эти дни, чем ты за все месяцы в Волчьем замке! Ты ходил вокруг да около, Фауст, а он просто взял и сделал то, чего хотел! Он не создавал вокруг меня иллюзии благополучия, а показал всю правду, какой бы...

На нее вдруг накатил страх. Но это были не ее эмоции! Страх смешивался с гневом и болью.

— Ты что-то скрываешь. — Прошептали ее губы. — И боишься меня. Почему?

Он опустил глаза, ощущения мгновенно оборвались: вериец закрылся от ее чуткого сознания.

— Что ты сделал? — Мертвым голосом спросила Жанна. — Ты был в Лорин.

Напор усилился, князь отступил на несколько шагов. Это получалось само собой, девушка инстинктивно ломала защиту верийца.

— Не надо. — Он покачал головой, виски ломило от боли.

Перед глазами Жанны вспыхнули обрывки воспоминаний: кровь на кинжале, озеро, мертвое тело. Потом все повторилось, но добавился крик. Кричала девушка и голос у нее был такой знакомый!

— Что ты сделал?! — Грозно воскликнула она, мгновенно переходя в наступление.

Их перепалка привлекла внимание стражников, они направились в их сторону.

Била она беспощадно, яростно, но, к счастью, неумело. Фаусту пришлось использовать все свое искусство, чтобы защитить себя и не покалечить Жанну. Он не был вооружен, налокотники и наплечия честно сдерживали удары сабли.

В голове звучали мольбы, мелькали образы, причиняя еще больше страданий. Затравленной ланью на Жанну смотрели глаза ее сестры, полные ужаса. В следующее мгновение Маргери вдруг становилась безвольной и отрешенной. Снова и снова звучал крик, обрываясь с быстрым ударом кинжала.

Это были воспоминания. Жанна вытягивала из разума Фауста все больше подробностей, как бы ни старался вериец закрываться и путать мысли, становилось невыносимо, точно его хлестали кнутом.

Вокруг уже начинали собираться жадные до подробностей обитатели Маледиктуса.

— Ты убил ее! Ты убил ее! — Вопила Жанна, с перекошенным от гнева лицом.

Опять и опять она бросалась на князя, вынуждая его вступить в поединок.

— Прекрати! — Девушка отлетела в сторону, врезалась в стену, упала в грязь. — Это был мой приказ. И князь получит за него хорошую награду.

Фауст как будто съежился, обреченно опустил плечи.

Она смотрела на короля с той же ненавистью, по щекам катились слезы, спутанные промокшие волосы лезли в глаза. Жанна вытерла лицо руками, алый блеск в глазах потух.

— Но у тебя теперь есть выбор. — Продолжил Кейн. — Идти за мной или принять предложение князя. Ты ведь уже поняла, что есть цели более значимые, чем простая жизнь. — Он многозначительно промолчал и протянул ей свою руку.

Князь просил за нее — это все, что дал понять ей Кейн. О чем просил и почему — было уже не важно. Слишком высока цена!

— Наслаждайся своей победой! — Пылко бросила она князю.

Затем пришла пустота. Ей стало безразлично все. Она не подала руки Кейну. Чернильным пятном расплзлась печаль в сердце. Жанна тонула в своем

горе, перестала замечать даже Фауста.

Князь все еще стоял и смотрел на нее виноватым собачьим взглядом. Он был противен ей! Жанна со вздохом поднялась, оттряхнула грязь и прошла мимо, стараясь не смотреть больше на убийц своей сестры.

Безысходность, липкая и тревожная, накрыла Фауста.

Кейн был слишком занят своими делами. Лорин манил просторами, безумной дикой магией. Чужой мир был открыт, и больше не было причин откладывать назревший и обострившийся конфликт с богиней.

А Жанне хотелось выбраться из Вереса! Вернуться домой и разыскать свою семью. Маргери была мертва, в этом девушка не сомневалась. Но остался Луи, остались мать и отец. Может, она сумеет защитить хотя бы их? Слишком много потрачено времени! Слишком много она вытерпела от Вереса! Маледиктус, действительно, давал все больше поводов для убийств и ненависти.

— Как неловко вышло.

Она появилась бесшумно, как все верийцы. Шарлотта подала Жанне платок.

В холодном и пустом зале, а таких в Маледиктусе было много, не известно, как давно Жанна сидела на широком подоконнике и переживала свою утрату. Слезы давно засохли на лице. Вероятно, она говорила вслух, Жанна не помнила последние два часа своей жизни.

Кажется, она бродила по Маледиктусу, натыкалась на его обитателей, пока не очутилась в этой огромной и пустой комнате.

— Ты поссорила очень могущественных верийцев, дорогая. — Шарлотта аккуратно откинула пряди волос с лица девушки. — Что будешь делать теперь? — Ее приятный голос эхом отлетел от теплых стен.

Верийка участливо приобняла девушку за плечи.

— Не знаю. — Девушка всхлипнула, вытерла мокрые ресницы. — Мне безразличны их склоки и ссоры. Я хочу уйти. Если бы я знала, как и куда.

— Не печалься! Я могу подсказать тебе, если ты действительно готова покинуть Верес. — Шарлотта погладила лоринку по голове.

— Да! — С жаром отозвалась Жанна. — Я ничего здесь не понимаю. Для меня все чуждо и отвратительно! Я должна защитить свою семью, должна быть рядом! Я уже потеряла Маргери. — Ее плечи снова поникли.

— Успокойся. — Шарлотта улыбнулась, вкрадчивый голос был полон сочувствия. — Ты уйдешь через Костяной хребет.

— Но сначала я убью Гевальта! — Решительно выпалила Жанна.

Шарлотта вздрогнула, настолько угрожающе выглядела сейчас лоринка. Верийка взглянула на чужестранку внимательнее: внутри Жанны бурлила смесь золотых и голубых искорок.

Полукровки в первые месяцы обращения всегда были нестабильны, но, хвала Вересу, еще слишком слабы, чтобы наделать бед.

Злополучный амулет девчонка все же сняла, чтобы не сдерживать свои Дары. Хоть какая-то польза от жалкого Раска!

Шарлотта снисходительно улыбнулась и применила свой Дар. У нее был лишь один сын и бестолковая дочь. Ее род почти оборвался. Как любая мать, Шарлотта Агнесса Гевальт желала своим детям только счастья.

Несмотря на раннюю весну, ночь была холодной. Звезды мерцали, выглядывая из-за плывущих по небу туч. Безлунная ночь накрыла лес. Черными ис-

полинами возвышались дубы и лохматые ели. Дорога вела к горам. Молчаливым и равнодушным.

Она сбежала. Ее никто не остановил. Вся крепость бурлила от последних событий, даже кичливые придворные с волнением обсуждали триумфальное возвращение разведчиков.

Жанна аккуратно ступала по замерзшей земле. Лес жил своей жизнью. Где-то ухала сова, деревья шелестели, потревоженные морозным ветром, перешептывались множеством голосов. Девушка слышала, как выли волки где-то на западе, не решаясь подобраться к странной гостье. От проснувшихся после долгой зимы елей пахло смолой.

Сколько она уже в дороге? Неужели, в ту роковую ночь лоринка проделала такой долгий путь? Приметы, о которых говорила Шарлотта давно миновали: Жанна прошла узкой горной тропой, окропила серые камни своей кровью и представила родной дом.

Дальше были туманные подъемы и ущелья, мост через Гремучую и мир утонул во мгле, чтобы раскрыться старым, вековым лесом.

Подумать только, что для верийцев все, что связано с кровью, носит такой священный отпечаток.

— Это как супружеская неверность. — Усмехнулась верийка. — Ты оскорбила князя своим... легкомыслием.

— Мне наплевать! Если этот убийца попадетс я мне на глаза!.. — Она сжала руки в кулаки.

— Маледиктус полон убийц. — Шарлотта пожала плечами. — Мы все выполняем волю своего короля. И Фауст — не исключение. Ты жива, потому что твоя сестра умерла. Думаю, ему было не легко так поступить. А вот Лино ди Герра стоит опасаться.

Верийка смотрела на нее так, будто Жанна уже была при смерти. Дар Шарлотты действовал не сразу. И действовал он через слова. Любые. Но, пока верийка говорила, ее голос зачаровывал, а Магия внушала, что на самом деле нужно сделать жертве.

Поэтому Фауст изгнал Шарлотту из родового замка: она попыталась заставить его заключить союз с Мари де Гинейро, его четвероюродной сестрой по линии отца. Это была грустная история, в результате которой двое лишились жизни, а Шарлотта, — своего дома.

— Среди Истинных нет ни одного дома, который не написал бы свою историю кровью предков. Ди Герра — не исключение. Лино замуровал своего отца в башне, тот умирал долгую сотню лет.

— Какой ужас. — Мурашки пробежали по спине Жанны. — Это же жестоко!

— Я бы не жалела Уго ди Герра. — Шарлотта усмехнулась. — Он сам когда-то отобрал южные земли у прежнего владельца, женился на его дочери, — матери Лино. А когда вассалы окончательно смирились с новым хозяином, — убил Ядвигу ди Герра. Он вырвал ей сердце прямо на глазах Лино.

— Чем больше узнаю ваш мир — тем меньше мне хочется в нем находиться! Верийцы — просто безжалостные убийцы. Бесчувственные, бессердечные животные. И я не прощу князя никогда! Убью при первой же возможности!

— Быть старшим рода — значит принимать сложные решения, отвечать за всех перед королем и богом. У людей тоже есть такие законы. Вы скрываете свою жестокость под маской добродетели, верийцы все делают открыто. —

Шарлотта помолчала. — Тебе стоит опасаться Лино. Он не оставит в покое убийцу своей пассии, хотя она ему и надоела. Ты можешь ненавидеть весь род Гевальт, — Шарлотта легонько коснулась своего украшения в виде волчьей головы, — можешь мечтать о мести. А можешь хорошенько взвесить все, что случилось. Этот мир не для тебя, тебе пора домой.

Раздумывая над словами Шарлотты, Жанна пришла в еще большее негодование: кто сказал Фаусту, что она захочет остаться его гостьей навсегда? И девушка всегда чувствовала себя лишь редким экземпляром в коллекции красивых вещей Волчьего замка. Счастье никак не ассоциировалось у девушки с кровью и убийствами. Верийцы слишком странные и опасные.

Как может она жить теперь, зная, что сестра умерла ради нее? Сама Жанна решила стать чудовищем, только бы вернуться в Лорин, приблизиться к своей семье. Верес ломал ее медленно и верно. Страшно было представить, в кого она может превратиться, если примет правила игры!

Коварный Кейн так умело увлек ее своими рассказами, она почти поверила, что он искренне желает найти того, кто уничтожает другие миры. И пока она летала в облаках и строила предположения, Верес снова показал свое истинное лицо. Лжецы, убийцы, маньяки.

Она заметила крошечный огонек, мелькнувший за плотным строем черных стволов. Девушка отчетливо уловила запах горящего дерева, зажаренной рыбы, человеческого пота и молодого терпкого вина, которым незнакомцы согревались, дожидаясь рассвета. Огонек, мигнув за очередным деревом, стал чуть больше. Жанна внимательно всматривалась в него.

В ее сознание вторглись непонятные видения: город, какие-то люди, разговоры о мелочах, зима, битвы... Все смешалось в кашу.

— Возвращайся скорее. — Говорила какая-то девушка.

— Земля промерзла, сеять в этом году начнем позже. — Вздыхал старичок.

Затем возник образ детишек, озорно бегущих по двору.

Жанна покачнулась, тряхнула головой, сбрасывая морок. Что это? Мысли тех, что сидят возле костра? Шарлотта упоминала, что верийцы способны на такое. Точно также Кейн прочитал жизнь юной графини, пролистал воспоминания, отпечатавшиеся в сознании, точно слова на белых страницах книги.

Огонь приближался. Она, не скрываясь, направилась к группе людей. Их было десять. Конечно, ее заметили.

— Стой, где стоишь! — Крикнул мужчина, прицеливаясь из арбалета.

Остальные уже схватились за оружие, готовые в любой момент вступить в бой.

— Тьфу. Да это девчонка. — Сплюнул один из бойцов. Его рябое лицо было изуродовано шрамом на щеке.

— Кто такая? Иди сюда. — Позвал ее арбалетчик, но оружие не опустил.

Жанна медленно приблизилась к огню, ощутила тепло пламени и крови в венах людей.

— Меня зовут Жанна Аделина де Стрейн. — Сказала она.

Арбалетчик внимательно осмотрел девушку в мужском костюме, удовлетворенно кивнул: оружия не было.

— Ты врешь. Графиня пропала бесследно больше года назад.

— Так и есть. Вы позволите? — Она присела на бревно возле костра. — Я сбежала. Меня хотели убить.

Девушка прикрыла глаза и вытянула руки к огню.

«Почему же так холодно?» — Подумала она. — «В Сумеречных землях давно весна».

— Что ж. Смелое заявление.... Госпожа графиня. — Иронично добавил арбалетчик.

Воины, усмехаясь, расположились вокруг костра, отложили оружие. Они с любопытством рассматривали гостью. Гостья была высокого происхождения — об этом говорили и украшения, и одежда, и манера поведения. Темно-синий бархатный костюм, отороченный серебряными нитями, высокие сапоги, несколько колец с рубинами на тонких холеных руках.

Девушки Оринберга всегда носили платья, а эта была одета в брюки! Вот так невидаль! Ткань обтягивала изящные формы девичьей фигуры и будила фантазию. Мужчины заулыбались, обмениваясь многозначительными взглядами.

— Где же вы, ваша светлость, пропадали так долго и как нашли дорогу назад? — Спросил мужчина с изуродованным лицом.

Жанна кинула на него быстрый взгляд.

— Я расскажу все, как только вы проводите меня в город. Это — слишком невероятная история. И долгая... а вы? Кто вы все и что здесь делаете?

— Мы — дозорные. Ваша светлость не знает, что разразилась война... — Заговорил третий дозорный. Лицо его обрамлял капюшон серого балахона.

Другие сразу притихли, будто только вспомнили о том, что среди них есть кто-то еще.

Жанна вцепилась руками в край бревна. Говоривший вызывал у нее чувство опасности. Человек явно носил духовный сан: на его коленях лежала Книга просветления, вместо оружия у него был посох с навершием в виде полукруга.

Жрецы Лорин давно утратили былую власть и могущество. Орден измельчал под напором новых верований и религий, что так стремительно ворвались в Оринберг вместе с легкокрылыми торговыми судами из Сааддана, поклоняющегося Создателю вечности, паломниками из Атланы, чтившим Сестер. Было еще много последователей идолопоклонничества из Бирема, язычников и другого сброда, который подрывал авторитет жрецов Лорин, высмеивал их убеждения, подвергал сомнению Книгу просветления и смущал истинно верующих.

Жрецы еще были способны сотворить чудо для своей паствы, но этими ценными навыками обладали единицы.

Но пугало не это! Он что-то чувствовал, этот духовник! По его бесстрастному лицу плясали тени от костра, а руки едва заметно поглаживали Книгу просветления, будто священное писание придавало ему силу. Он был не прост. Жанна чувствовала, как он всматривается в ее глаза, точно хочет залезть в самую душу.

Ветер задул с северо-запада, взъерошивая волосы на голове Жанны. Пламя заплясало, потревоженное в своем гипнотическом танце. Дозорные молчали.

— Нет, я не знала о войне... — Соврала она. Значит, армия была где-то поблизости.

— Упыри, моя госпожа. — Крякнул четвертый, с наивным детским лицом и телячьими большими глазами. — Со всех сторон прут. Один восток, значит,

свободен. Туды и подаются люди.

— И каковы известия? Есть надежда? — Участливо спросила она.

— О, конечно, госпожа. — Кивнул тот, что со шрамом. — К нам пришла помощь от самой Богини, не иначе. Говорят, когда нечисть совсем сдурела и стала сметать последние рубежи, прямо с неба свалился могучий воин.

Жанна недоумевающе окинула дозорных: в своем ли они уме? Может, хотя бы посмеяться над нею? Но дозорные не шутили, разве что, немного привирали без того обросшие слухом новости, она это почувствовала.

— Чудеса. — Без энтузиазма согласилась она.

— Лорин явила милость свою верующим. — Сверкнул глазами духовник. — И теперь в наши храмы вернулись все, кто сомневался в силе ее.

Проповеди Жанна не любила. Она относилась к жрецам и жрицам как к фанатикам. К тому же, духовники сами были повинны в своем вырождении: слишком много возомнили о себе верные слуги Лорин.

Вмешивались в политику и отношения между знатными домами, запускали руку в государственную казну, преследовали всех инакомыслящих... В конце концов, люди взбунтовались, а дворяне поддержали мятеж. Пришлось жрецам, поджав хвост, идти на попятный, да было поздно: запылали костры, столь любимые прежде храмовниками, засвистел топор палача, обезглавив духовное сословие и культ Богини вместе с ним.

Но, дочь своего благородного семейства, она безропотно молилась в часовне два раза в день, отучилась в церковной школе и, следуя наставлениям матушки, старалась исполнять все заветы Книги просветления.

— Отрадно слышать, святой отец. — Смирненно отозвалась Жанна. — А как же моя семья? Вы что-нибудь слышали?

— Насколько мне известно, рядом с вашими землями пока еще тихо! Несомненно, это благодаря вашей матушке: она всегда была набожна, вопреки придворной моде. А вот ваша сестра, графиня Маргери... Соболезную, дочь моя. Ее выкрали прямо по пути в столицу. Графиня-мать отправила дочь подалее от военных действий... Помолитесь с нами. — Предложил духовник, протягивая свою драгоценную книгу девушке. — За упокой души вашей сестрицы.

Жанна кивнула, принимая оплетенный серой кожей тяжелый том. С минуты духовник бормотал молитву, остальные сидели, закрыв глаза, и повторяли слова про себя.

— Что же союзники Оринберга? — Поинтересовалась Жанна, возвращая книгу жрецу.

— Они выжидают, трусливые зайцы! — Арбалетчик зло скривился, снова сплюнул под ноги.

— Ни Сааддан, ни Атлана, ни Бирэм — никто не прислал свою помощь. — Согласно кивнул добродушный дозорный.

— Они готовы помочь, но взамен просят привилегии в торговле, право добывать ресурсы на нашей земле, политические уступки. — Духовник устало вздохнул. — Как будто будет с кем торговать, если королевство падет. Впрочем, вам, вероятно, все это не понятно, госпожа де Стрейн.

— Нет, я прекрасно понимаю, о чем вы говорите. — Повела бровью Жанна. — Мне горько слышать, что жизнь нашего государства стала оцениваться золотом. Ах, если бы они сами попали в такую беду — то поняли бы, что

жизнь — единственное, что нельзя повторить! — Жанна яростно сжала кулаки.

— Для правителя человеческий ресурс — восполняемая вещь. Женщины рожают новых воинов и других женщин. — Духовник внимательно всматривался в лицо Жанны. — Уверен, они понимают, но до последнего надеются, что захватчики удовлетворятся нашей кровью.

— Это слишком цинично! — Зло бросила девушка. — Неужели захватчики не выдвигают никаких требований? Они просто уничтожают людей?

— Увы, дочь моя. Они разрушают храмы Лорин, беспощадно стирают с лица земли королевство и его жителей! Дикари! Варвары! Уверен, они безумны и живут в пещерах как звери!

— Нет, святой отец. — Печально возразил стрелок. — Звери не кууют мечей и убивают лишь от голода. А эти чудовища наслаждаются тем, что творят!

— Должна быть причина! — Не унималась Жанна.

Она сама не заметила, как важно стало для нее найти эту причину, объяснить ее лоринцам. Не были безумны верийцы, хотя и смотрели на смертных как на ошибку природы. Если бы можно было понять их поступки и мотивы до конца. Что-то ускользало во всей этой картине.

И как объяснить все то, что она уже знала о восьми мирах, о неизбежном разрушении, сумасшествии богов, их непростых взаимоотношениях.

— Для чего живет человек, святой отец? Наши короли воюют между собой, ради земель и богатства. — С жаром заговорила Жанна. — А ведь земные блага не спасут нас от смерти. Верийцы пренебрегают всем, чего мы так жаждем. Для них важны души, бессмертная энергия, что без конца блуждает в мире, дает жизнь.

— Откуда тебе знать, дочь моя, чего добиваются варвары? — Спросил жрец.

— Я видела их, святой отец. — Вздохнула Жанна. — Их мир жесток и беспощаден. Но они ценят знания, свободу. Люди желают лишь материальных благ. Для них все это — мелочь. Тлен.

— Уж не оправдываешь ли ты их, дитя? — Тихо спросил жрец.

— Мне кажется, что люди и верийцы — просто два разных вида. У нас разные цели, разные боги, но все мы хотим просто жить. И защищаем свое право на жизнь любой ценой.

— Не мы пришли к ним! — Вскинулся рябой. — Они убивают наших детей, сжигают наши дома, ради чего?

— Что-то не так с нашим миром и с нашей богиней. — Потупилась Жанна. — Я не вижу другой причины.

— Еретичка! Она — одна из них! — Возмутились дозорные.

Их лица стали напряженными, злыми.

— Опомнись, дитя! Что ты говоришь? — Самый стары и самый тихий из мужчин горько покачал головой. — Не может наша богиня отвернуться от детей своих! Она смиренна и все это — кара за гибель святой Лидии: люди всегда отворачивались от Лорин, а ведь в Книге просвещения сказано: «придет разлад и люди потеряют разум, уверуют в идолов, рассорятся и разбегутся в поисках блага для себя; тогда придет Ночь и принесет с собой демонов нечистых, что будут мучить, истреблять и умываться кровью».

Жанну передернуло от фанатичного блеска в глазах людей. Вера и религия — та крайность, в которой смертные ищут утешения и спасения, когда не

хотят признавать свои ошибки или сталкиваются с тем, чего никогда раньше не видели.

Девушка никогда не была так религиозна как мать или отец. Все трое отпрысков де Стрейн больше верили в теории восточных ученых, что обретали все большую популярность среди молодежи. И сложно было не верить, когда в Атлане появились чудесные летающие шары, а в Бирэме давно не пользовались свечами, чтобы осветить дом. В белоснежных бирэмских домах сияли лампы со странной жидкостью внутри, в Саадданских дворцах знать пользовалась необыкновенной, изящной посудой из нового материала, а ткани Увары славились на весь мир своей прочностью и легкостью. Доходили слухи о создании странного вещества, что взрывалось при соприкосновении с огнем, о необыкновенных мостах, что расходятся и сходятся, повинаясь какому-то механизму, чтобы пропустить корабли через город и еще многое, многое другое, что никак не было связано с религией, но подчеркивало торжество человеческого разума.

Жанна упрямо поджала губы.

— Все это — лишь лекарство для измученных душ, не более того. — Прочла она.

В этот же миг духовник вскочил на ноги. Его губы забормотали молитву, пухлые руки стиснули посох, глаза фанатично заблестели. Духовник в один шаг приблизился к девушке, ухватил ее за горло, она не успела даже вскрикнуть.

Дозорные взволнованно подскакивали, схватились за мечи и арбалеты.

— Ты чего, Гарет? Енто ж девчонка! — Воскликнул один из них.

— Еретичка! Она послана кровопийцами, чтобы подорвать нашу веру! — Духовник, которого звали Гаретом, с неожиданно цепкой хваткой продолжал сжимать шею Жанны. — Холод не донимает ее, а глаза эти? Взгляните! — Он повернул лицо испуганной Жанны к людям и в отблеске огня ее глаза сверкнули алым. — Да и сгинула юная графиня уже давно! Семейство долго горевало, а оно вон как обернулось. Она же и убила свою сестру, кровопийца! Крамольные речи не смущают тебя, Дорн? Где это видано, чтобы благородная леди учила да рассуждала в обществе мужчин? Ни один человек не будет сомневаться в вере своей в такие времена, да других смущать своими речами.

Люди с ужасом отпрянули, точно увидели бешеного зверя.

— Доигралась, ночная тварь? Сторишь на костре!

Глава 11

Нити судьбы

*Я знаю точно, что опять вернусь сюда;
Пока ты есть, я не могу исчезнуть.
С обратной стороны, где ночь длиннее дня,
Лишь позови, и я вернусь из бездны.
Поляков И. — «Я вернусь»*

В пустых, почерневших печных трубах завывал ветер. Еще одно поселение заплатило кровавую цену чужому богу. Лагерь затих, дозорные скучали на постах: смертные не то чтобы напасть, они защитить то себя не умели!

Трупы давно скидали в большой костер, пленных Кейн не брал. Смрадный запах смерти все еще распространялся по опустевшим улицам, следы битвы смывало мелким дождем.

Полукровки без зазрения совести обшаривали дома в поисках ценных вещей, Истинные презрительно смотрели на них: для верийцев такие мелочи были не интересны. Свою награду они уже получили: новые души, новые силы.

Кейн небрежно бросил свой плащ на стол. Он занял храм Лорин. В каждом клятом городе были эти темно-лиловые аметистовые алтари! Некоторые храмы пришли в запустение: потемневшие от пыли и времени фрески, растрескавшиеся витражи, отсыревший воздух нефов. Такое случалось и с Вересом. Но в последнее время все чаще попадались настоящие дворцы во славу богини! Жрецы сопротивлялись отчаянно.

В этом маленьком городке Кейну довелось самому столкнуться с магией жрецов. По правде сказать, она его не впечатлила: священник колдовал неумело, будто совсем недавно выучился, хотя возраст у него был почтенный. Кейн позволил смертному продемонстрировать пару фокусов, а потом отнял его душу одним взмахом Несущего смерть. Адепты сопротивлялись не долго, после смерти своего наставника.

«Я прибыл по вашему приказу, мой король». — Ехидно прозвучало в голове.

— Замечательно. — Кейн стряхнул каменные крошки с алтаря Лорин.

— Чем могу услужить? — Лино шагнул в лунный свет.

Его ярко-желтая фигура сплелась из полумрака. Безумные огоньки плясали в ярко-огненных глазах, герцог ди Герра все еще был слишком сыт после битвы.

— Я доволен твоими воинами. Битва была легкой и быстрой.

Лино раздулся от гордости.

— Наши прославленные воины клялись, что армия увязла. Между тем, с того момента, как я ступил на земли Оринберга, мы продвигаемся быстрее, чем за последние месяцы. Как ты объяснишь это, герцог? Твои слуги доносят о василисках, безупречных и равных нам. Я не встретил ни тех, ни других.

Лино передернул плечами, брови-молнии вздернулись вверх и опустились.

— Не знаю, что ответить тебе, Кейн. Мы, действительно, столкнулись с ними. Но сейчас... Как-будто Лорин нарочно заманивает тебя вглубь своего мира. Нет ни единого следа наших противников. Мне не нравится все это, Кейн.

— Значит, я не ошибся. И мне не нравится безумие, что царит в наших рядах. — Кейн задумчиво коснулся расколотого алатря. — Лорин давит на наш разум, полукровки сходят с ума, Истинные бесконечно спорят и убивают друг друга. В бою мы потеряли меньше воинов, чем в дуэлях и склоках. Она издевается над нами!

— Теперь у других богов есть весомый повод выступить против нас. Не ошиблись ли мы? — Согласно кивнул Лино. — Сантер всегда провоцировал Вереса, но он избегал прямого столкновения.

— Лорин первая предала нас! — Упрямо прорычал Кейн. — Никто не заставлял ее... В ее мире давно стали появляться воины Сантера. Гевальт сам доносил об этом. Сначала она оправдывала эти маневры теплыми отношениями с давним другом, но уже давно богиня не отвечает мне, а сантерцев все больше на ее землях.

— Я понимаю, Кейн. — Лино нахмурился. — К чему такой кроткой и сдержанной Лорин чужая армия? Чего она боится? И жива ли богиня?

— Давно, очень давно боги не собирались вместе. — Кейн задумчиво сжал подбородок.

Мысль о том, что Лорин постигла участь ее сестер была вполне реальной.

— Или нам не говорят о своих встречах. — Предположил Лино, оттряхивая с лимонного кафтана невидимую пыль.

— Мы должны были выступить раньше! — Кейн стиснул зубы. — Вполне возможно, соседка находится под контролем Сантера, а он запустил свои руки в мой мир уже давно. Разведчики князя слишком расслабились!

— Во имя ночи, Кейн!

Воздух наполнил горько-сладкий аромат лилий. В отличие от Лино, Лилит создавала слишком много звуков. Кейн почувствовал ее еще на подступах к храму.

— Ты же знаешь: наши слуги не спят. Князь Гевальт и его разведчики не смыкают глаз. Прямо сейчас он находится глубоко в тылу врага. — Лилит вздрогнула от появления Лино: герцог любил растворяться в тених и появляться так же неожиданно. — Советник уже пытал пленных. — Она нахмурилась, заметив, как порадовался герцог ди Герра ее испугу. — Смертные стянули все силы к Оринбергу. Они понимают, что не смогут сдержать нас на такой большой территории. Там же и «василиски», если верить князю.

— Я думал, князь в Волчьем замке. — Искренне удивился Лино. — С этой... — Он осекся. — Празднует свадьбу под горькие причитания Шарлотты.

— Князь занят своими прямыми обязанностями, как и велит ему долг. — Строго произнесла Лилит. — Есть еще несколько свежих новостей для тебя, Кейн. — Лилит взглянула в лицо короля, но он ее не слушал.

Разум Кейна был занят. Ему до сих пор позволяли двигаться вперед, значит, чутье Лино не подводит: его заманивают и отвлекают. Девушка все не выходила у него из головы. После появления Гевальта, Кейн искренне думал, что влюбленные голубки нашли общий язык и чужестранка отбыла в Волчий замок.

Но Лилит только что разрушила сложившийся в голове образ. То, что девчонка взбесилась, немного удивляло: ну убил князь ее сестру, но ведь он сделал это ради нее. Зато армия Кейна смогла пройти в Лорин.

Правда, теперь волчий род, наверняка, смотрит на своего бога косо: Кейн

дважды нарушил свое слово.

Неожиданно легко стало на душе — он не разочаровался поступком лоринки. Не для нее была золотая клетка, их беседы не прошли впустую. И сам Кейн еще раз взвесил все, что уже знал о падении миров, свежий взгляд давал надежду понять, что происходило на самом деле. И все нити вели в Лорин. Этими доводами он не успел поделиться с новообращенной.

А еще та вспышка в ночном небе над Маледиктусом... Сколько раз Кейн пытался сотворить хоть что-нибудь, хотя бы незначительное. У него не получалось никогда. Он мог только поддерживать то, что уже создал Верес. Жертва, принесенная в Лабиринте, преследовала короля.

Полукровки жили не больше полутора сотен лет. Бессмертие всегда было лишь сказочной иллюзией для смертных. Нельзя было стать верийцем, это — отдельная раса. Так сказал ему отец. Но люди верили в то, что их жизни после Ритуала будут бесконечны. И вера эта сохраняла мир.

В реальности, мало кто доживал хотя бы до ста лет. Верийский яд дарил регенерацию тела, выносливость, скорость, острый слух, зрение, гибкость. И требовал взамен крови, разрушая душу незаметно. Живой энергии. Даров у полукровок не было никогда. Потомства — тоже. Не хватало энергии души. Все было обманом, начиная с первого новобранца, что прожил около двухсот лет и рассыпался прахом. Об этом знал только Верес и Кейн, что предложил создать сильную армию из хрупких смертных.

У полукровки из Лорин были Дары. Сколько могут прожить смертные этого мира после Ритуала? Сколько времени есть у Кейна?

— В Костяных хребтах мои ученики при содействии воинов ди Герра, захватили в плен группу Восточных охотников. Их кровь, Кейн, она белая. Так же, как их души. — Продолжила Лилит, озадаченная рассеянностью Кейна.

— Это невозможно! — Помрачнел вериец. — Еще одни сантерцы? На чьих землях пойманы лазутчики?

— Вблизи Ледяного пика. — Призналась Лилит. — Они сейчас в подвалах Маледиктуса. Ждут приговора. Их уже допросили: они не помнят свой мир, для них Верес — родина предков. Но осознают, что отличаются от наших смертных.

— Чего они добиваются? — Поинтересовался Лино, довольный тем, что его подчиненные снова отличились.

— Того же, что всегда: свергнуть верийцев, дать людям свободу. — Пожала плечами Лилит. — Эрик Раск ждет твоего приказа, мой король. — Лилит подбостранно поклонилась.

— Я хочу допросить их сам. — Кейн потер подбородок, размышляя. — И награждать доблестных верийцев Лино. — Кейн хлопнул герцога по плечу, Лино ощерился улыбкой.

— Отличилась Рада Гевальт, мой король. Самая юная из рода. — Продолжила Лилит. — Видишь: волчий род умеет быть преданным.

— Отважная девушка. — Согласился Лино, с аппетитом вспоминая златоглазую Радую. — Такого рвенія я давно не встречал среди Истинных.

Когда члены малого совета оставили Кейна, вериец вызвал Дисмаса Кина. Вояка еще раз повторил план дальнейших действий. Все шло ровно и спокойно. Слишком спокойно.

Король мерил шагами храм Лорин, вскользь отмечая искусную работу ма-

стеров, что создали фрески, вырезали узоры на алтаре, изваяли скульптуры...

Воспоминания нахлынули сами собой.

Лидия с любопытством рассматривала кольцо на пальце Кейна.

— В нем скрыта магия? — Девушка легонько дотронулась до алого, пульсирующего камня.

— Да. — Кивнул Кейн.

— Это создали люди? — Вторила ей Миа.

— Очень близко. — Согласился Кейн.

Им было не больше 16 лет. Миа была старше на два-три года. Троица облюбовала выступ на Костяном хребте. Боги еще тесно сотрудничали между собой, а потому, их создания часто проводили время в компании друг друга.

Совет восьми искренне считал, что такая дружба — лишь на пользу мирам. Каждый из троих так или иначе присматривался к другому миру, приносил нужные сведения соседу и мог дать полезный совет хозяину.

— Где ты взял его? — Не выдержала Лидия, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу. — У меня закончились мысли.

Белокурая, легкая, как Лорин, с темными фиолетовыми глазами, как у Сантера, Лидия обладала талантами сразу двух миров.

— Миа? — Поинтересовался Кейн у рыжеволосой подруги.

— Оно не из Вереса? — Миа плотнее укуталась в шубу.

Климат Вереса ей не нравился, в отличие от Лидии, которая, подобно Кейну, спокойно адаптировалась в любых условиях.

— Верно. Еще версии?

Девушки замолчали, Миа покачала головой, Лидия развела изящными руками.

— Карьяд! — Гордо произнес Кейн, с удовольствием наблюдая, как вытянулись лица у подруг.

— Нет! — Протянула Лидия. — Невозможно! Кария бережет все свои артефакты.

— Но этот не смогла. — Кейн потряс рукой перед лицом Лидии. — Хочешь, подарю?

— Серьезно? — Лидия задохнулась от восторга.

— Да.

Миа лукаво стрельнула глазами в друзей.

— Чего это ты ей подарки делаешь, а не мне?

Кейн смутился, Лидия покраснела.

— Не стоит, Кейн. — Уже серьезно сказала Миа. — Когда ты сказал, что кольцо из Карьяда, я поняла, что мне в нем не понравилось: оно создает прочную связь между двумя душами. Как ловушка. Подозреваю, что нашел ты его в одном из густых лесов мира.

— Откуда ты знаешь? — Юный вериец от удивления захлопал глазами.

— Я знаю Карьяд лучше тебя. Кария дружит с Сахрезейей, была у тетушки ни раз и знаю легенду об одной очень настойчивой девице.

Друзья сели рядом с Миа на поваленный ствол сосны, с любопытством внимая словам старшей подруги.

— Не помню, как их звали... Не важно. Девушка мечтала выйти замуж за парня из своего городка, но он выбрал ее подругу. Тогда она пошла к самой Карии и поклялась, что ни о чем больше не будет просить богиню, если она ис-

полнит ее просьбу. Та пожалела бедняжку и вручила это кольцо. С одним условием — девушка никогда не изменит своего решения и будет верна мужу до конца своих дней.

— Ну, конечно, она согласилась? — Мечтательно вздохнула Лидия.

Кейн не сводил глаз с белокурой подруги. Для него не было никого прекраснее во всех восьми мирах и глупые мысли потекли не в том направлении, от того, середину истории вериец пропустил.

— Муж навсегда стал калекой. — Торжественным голосом произнесла Миа. — Девушка через несколько лет стала тяготиться им и задумала избавиться. Она подговорила своего поклонника убить несчастного, но тот отказался. Тогда девушка решила снять кольцо...

— И умерла? — В глазах Лидии почти стояли слезы.

— Обязательно умерла. — Проворчал Кейн. — Все эти сказочки всегда о любви до гроба.

— Я могу и не рассказывать. — Обиделась Миа.

— Ну и не надо. — Кейн чувствовал внутреннее смущение.

Ему было неловко при любых сентиментальных беседах. И он жалел, что Балга и Архнос не догадались создать себе последователей, желательно, мужского пола, чтобы было с кем обсуждать ратные подвиги и мериться силой.

Но были лишь Лидия и Миа. Девчонки!

А потом Лидия погибла от руки Сахрезейи, защищая Кейна и Миа, предавшую свою богиню. Миа пережила подругу ненадолго: Сахрез покрылся пеплом, после смерти создательницы. Как ни старалась Миа, — не смогла удержать свалившуюся в ее руки власть и ответственность.

Это кольцо Кейн отдал Вересу. Отец покрутил безделушку в руках и спрятал в свой тайник. Потом он вручил кольцо Дейну Гевальт, — старшему и первому в волчьем роду. Его душа никак не хотела переплетаться с Греттой Лиар, Верес понял, что невеста тайком вышла замуж за другого. С тех пор Гевальты надевали кольцо на палец своих жен, но без Ритуала оно было бесполезно. Нужна была клятва, как в сказке Миа.

От мыслей Кейна отвлекло странное скребущее чувство беспокойства. Так паук чувствует, когда кто-то дергает за нити его паутины. Король погрузился в себя, стараясь понять, кто из его подданных вот-вот расстанется с жизнью. Но представители Домов были в безопасности. Двое из самых молодых родов пытались убить друг друга, но ощущения исходили не от их Нитей.

Кейн снова и снова перебирал Нити судеб, что находились под его властью, пока не поймал нужную. Король потянул тонкую линию на себя и, к своему удивлению, понял, что она принадлежит лоринке.

На мгновение он заколебался: тем лучше! Меньше нелепых происшествий и конфликтов с подданными. Она и так вызывала жадный зуд в головах придворной клики, отвлекала своими бесконечными вопросами, выводила из равновесия всю разведку из-за Гевальта!

Но сердце упало куда-то вниз, когда Нить снова завибрировала. Он не может бросить полукровку. Она так похожа на Лидию — единственное светлое, что было в жизни мятежного бога за все четыре сотни лет!

— Ты обещал мне бессмертие.

— Терпение, герцог. — Фауст принужденно улыбнулся. — Ты тоже много чего обещал мне.

Холодное лицо мужчины выражало разочарование.

— Я не виноват, что девчонка сбежала. — Не глядя в глаза верийца, продолжил он. — Я выполнил условия договора.... А те двое... Я думал, их послал ты.

— Все верно. Ты сделал то, что обещал. Наш контракт будет выполнен. — Фауст, словно кот, зажмурился. — Но мне нужна информация, герцог. Я хочу лично поговорить с Джаредом. Мне кажется, настало время встретиться лицом к лицу и обсудить мое вознаграждение.

В таверне было шумно. Сегодня причалило сразу несколько кораблей. Матросы наперебой травили байки о битвах с вампирами. Кто-то, перепив ячменного пива, клялся в том, что лично убил несколько упырей. Кто-то, ощутивший весь ужас и поражение, спорил, доказывая, что это невозможно. Все могло закончиться плачевно, если бы не внезапное появление загадочного подкрепления.

Таверна, едва освещенная тусклыми люстрами, кипела, шумела, точно осиное гнездо. Никому не было дела до двоих мужчин, укрывшихся в глубине этого вертепа. Посетители судачили о рыцарях под знаменем черного василиска. Откуда они пришли? Чье государство пришло на помощь под этим неизвестным гербом?

Девицы, разносившие хмельные напитки, кокетничали с постояльцами, сверкали глазами и затянутыми в корсет белыми грудями. Тут же хохотали шлюхи, восседая на коленях тех, в чьих тугих кошельках звенели золотые монеты.

Одна из девиц остановилась возле герцога. Ее светлые волосы падали на покатые плечи, ярко накрашенные губы улыбались. Игривое платье с глубокими вырезами, едва скрывало совсем мальчишескую, плоскую фигурку. Девица была молоденькой, но, на хорошенькое личико уже наслоились отпечатки профессии.

— Господа. От чего вы так серьезны? Желаете угостить даму вином? — Она положила худенькую ладошку на плечо Свейна, склонилась, демонстрируя свое худенькое тельце.

— Я не вижу здесь дамы. — Холодно процедил Свейн и сбросил руку с плеча. — Пошла отсюда.

— Ой, какие мы нервные. — Девица, ничуть не расстроилась, пожалала плечами и направилась к другому столу.

Фауст ухватил девушку за локоть.

— Прости моего друга, красавица. — Его глаза внимательно всматривались в лицо девушки. — Не уходи далеко. — Он сунул девушке золотой.

Та заулыбалась, сделала книксен и отошла к барной стойке. Ее ничуть не испугал взгляд верийца. Чего только она не насмотрелась в портовой таверне. И этот богатенький чудака туда же.

В последнее время знать увлеклась образом крадущихся в тени порождений ужаса и ночи. Дамы томно вздыхали, зачитываясь романами о запретной любви смертной и вампира.

Мужчины, напротив, храбро утверждали, что смогут одолеть любого зверя, будь то хоть дракон из бездны. Разумеется, все они даже отдаленно не представляли всего масштаба грядущей катастрофы и собственного ничтожества. Откуда? Львиную долю солдат составляли простолюдины...

Молодые люди и девушки завалили заказами лавки по производству оч-

ков, биноклей и линз. В моду вошли золотистые линзы для глаз. И встретить кого-то с необычным цветом радужки было легко.

Свейн нахмурился, но ничего не сказал. Пауза затянулась. Фауст улыбался, что-то обдумывая.

— Вы знаете, друг мой, Джаред сам решает с кем и когда встречаться. Он просил меня передать вам лишь место и время. В этот срок необходимо заманить Кейна под Оринберг, а там его уже будут ждать.

— Джареду придётся пожертвовать людьми... Королевство Оринберг готово заплатить такую высокую цену?

— Когда все закончится, люди возненавидят моего брата, князь. За слабость, за то, что не сумел спасти своих подданных, за то, что долго не принимал помощь от союзников... Лусиан понимает, что долги придется возвращать. Но люди этого не хотят знать. Они берут чужое, но неохотно возвращают свое. Так что, новый король вполне может позволить себе такую жертву.

— Вы кровожадны, Свейн. — Усмехнулся князь. — Как сильно надо жаждать власти, чтобы довести свой народ почти до полного исчезновения?

— Наши женщины нарожают новых подданных. — Свейн угрюмо уставился в бокал с вином. — Не думайте, что мне это по душе. Так уж совпало: ваш король вторгся в наш мир, а сыновья моего братца оказались слишком живучими и осторожными. Мне нужен трон, вам — тихая гавань.

Фауст промолчал. Он снова оглянулся в сторону молоденькой шлюхи.

Тихая гавань. Да, он больше не хочет участвовать в этой игре. Как бы ни было бессмертно его тело, князю надоело тратить свою жизнь на чужие прихоти. Пора было подумать о будущем: жениться, восстановить свой вымирающий род, перевести дыхание и прислушаться к своим желаниям.

— От чего же вы решили пойти против своего хозяина? — Спросил герцог, возобновляя прерванный разговор.

— Во-первых, он не хозяин мне, кто в ком больше нуждается — это вопрос. — Фауст постучал глянцевыми ногтями по столу. — Во-вторых, я достаточно прогрессивен, чтобы понимать: союз людей и верийцев неизбежен. Не всем из нас нравится эта бесконечная война, которую затеял король. Наши миры прежде существовали мирно. Битва с Сахрезейей — прямое тому доказательство. В-третьих, он...

...Он смотрел из тумана на горстку людей. Они окружили наспех сложенный костер, в центре которого возвышался столб с девушкой.

Она не сопротивлялась. В воздухе ощущались потоки магии. Полукровка не сумела воспользоваться Дарами в Лорин, а сражаться умела плохо. Одна против десятка — расклад не для новичка!

У одного из людей в руках была книга. В другой руке человек держал факел. Предутреннюю тишину нарушил монотонный голос.

— Мертвые должны покоиться в могилах. Ты — создание тьмы, богам противно твое естество. Ты убиваешь невинных людей, утоляя свою жажду. Продлеваешь жизнь, паразитируя на людях. Жанна Аделина де Стрейн. Да упокоится с миром твоя душа.

Он запустил факел в сухие ветки и огонь весело затрещал, люди благоговейно выдохнули. Духовник поднял с земли свой посох, описал им полукруг.

Пламя заиграло. Языки огня, быстро перекидываясь, начали лизать сапоги Жанны, жадно потянулись к ногам.

Девушка застонала, открыла глаза, заерзала всем телом, пытаясь освободиться. Нестерпимый жар обжигал тело, вонзался сотнями зубов.

— Нееееет! — Закричала она, раздираемая болью и ужасом.

Огонь полыхал, люди молча смотрели на нее, замороженные ритуалом. Крики отчаянья и мольбы вспугнули стаю ворон. Громкое карканье, смешавшись с воплями Жанны, эхом разнеслось по лесной чаще.

— Умри, кровопийца! — Презрительно бросил один из дозорных, сплюнув в костер.

Люди заметили только красно-белую молнию, прыгнувшую к осужденной. В следующее мгновение Жанна оказалась на холодной земле, сорванная вместе со столбом, а дозорные, издавая вопли ярости, кинулись на неожиданного спасителя.

Во всем теле пульсировала боль, но девушка пыталась предупредить об опасности. Голос не слушался, получался только хрип.

— Опять ты... — прошептала девушка.

«Жрец» — Пульсировала мысль. — «Опасайся жреца».

Через мгновенье несколько дозорных, включая парня с детским лицом, оседали, схватившись за распоротое горло.

Вериец, не утруждая себя даже взять в руки свой меч, убивал людей одного за другим голыми руками. В нем кипела ярость и ненависть, сила бога. Дозорные едва улавливали его стремительные и точные движения. Бросок, взмах руки — труп, поворот, блок, выпад снизу... Танец смерти был прост и короток.

Гарет, оставшись один, ехидно улыбнулся.

— Богиня была права: ты явишься за ней!

Он вскинул посох, очертил уже знакомый Жанне знак. Воздух пронзили короткие белые вспышки.

Кейн запоздало кинулся вниз. Невидимая волна опутала его сетью, сковала сталью Дары, потянула силы.

Кажется, противник жаждал уравнять шансы. Вот почему Жанна была такой вялой: духовник выпил ее и без того скудную магию.

Но Кейн — не полукровка, даже не простой вериец или аристократ. Он гораздо опаснее.

— Это что-то новенькое. — Прошипел он.

Он покачнулся, выхватил меч и бросился на Гарета.

Духовник рассмеялся колючим смехом, и сам устремился к противнику, выставив посох вперед. Раздался звон стали. Жанна видела, как затанцевали человек и вериец. На каждый удар меча приходилось три удара посоха. Потом — снова вспышка. Еще и еще. Звонкие удары сотрясали воздух, создавали вибрации на земле, противники ожесточенно сражались, тяжело дыша.

Золотистые искры плясали по лезвию меча, с шипением гасли, встречая на своем пути лиловое свечение посоха. Снова и снова они врезались, не в силах преодолеть один другого, изматывая своих владельцев, наполняя воздух звонкими ударами, скрежетом, от которого сводило зубы.

Черные деревья, обожжённые магией дерущихся, покрылись копотью.

Кейн снова попытался атаковать Гарета своими Дарами и чуть не заплатил за глупость. Сокрушительная сила повернулась против него самого, точно отразилась от зеркала. Чем больше он вкладывал в свои удары, — тем жестче была отдача. В глазах потемнело. Лорин умела обманывать! А в чужом

мире собственная магия вела себя непредсказуемо. А этот толстяк явно был не прост. Он ждал Кейна.

Тем временем, Жанна пришла в себя. Она сбросила с себя путы, раны начали затягиваться. Одного взгляда на дерущихся хватило, чтобы понять: Кейн одержит победу. И Гарет должен это понимать, так почему же он до сих пор не отступил? Здесь было что-то не так.

Ответ пришел сам собой: на помощь спешил еще один отряд дозорных в сопровождении нескольких жрецов Лорин. Эта мысль была чужой, Жанна лишь выхватила ее пульсирующую нить из головы Гарета.

Кейн, кажется, тоже все понимал. Он справился бы и с одним, и с десятью, и с сотней таких вот Гаретов, если бы не растерянная полукровка за спиной. Да и зачем ему это? Один в поле — не воин, об этом знает даже ребенок.

Между тем, духовник повеселел: дозорные были совсем близко, осталось продержаться чуть-чуть, тогда он... Больше ни о чем подумать Гарет не смог: в его висок вонзился кривой нож.

Кейн нахмурился.

— Я не просил мне мешать! — Зычно бросил он.

— Да не за что. — Надула губы Жанна. Она брезгливо вытерла руку о штаны. — Я не просила опять меня спасать.

— Кажется, ты больше не боишься убивать?

Жанна не ответила: она тряслась как осиновый лист, стараясь не смотреть на трупы. Ее позеленевшее лицо, перепачканное сажей, выглядело жалко.

— Ты сама позвала меня. — Король отвернулся.

Не смотря на высокомерный тон и презрительную усмешку, выглядел вериец не слишком хорошо: несколько глубоких ран на груди, сломанная рука, кровоподтек на лице.

Конечно, он оправится от этих ран. Его сила была безгранична.

Кейн почувствовал ее любопытный взгляд, нахмурился. Но ничего не успел сказать: послышалось лошадиное ржание, азартные крики людей. На прогалину выехал отряд.

Король помрачнел еще больше: голубые стяги с черным василиском гордо реяли на ветру, возглавлял отряд статный мужчина в сияющих доспехах.

— Ты опоздал, сын безумного Вереса! — Прозвенел его голос. — Теперь это, — он указал на Жанну, — моя добыча!

И воин пришпорил коня.

Ужас приковал полукровку, все что она могла — смотреть, как приближается воин и его отряд.

— Что ты застыла? Защищайся! — Кейн сунул ей в руки чей-то меч.

Удар был слишком сильным, конь рыцаря больно врезался в Жанну, она повалилась куда-то в сторону. Но Кейн не растерялся и наотмашь отсек животному голову!

Седок скатился на землю, моментально вскочил на ноги. Его отряд не заставил себя ждать, верийца окружили.

— У тебя был шанс. — Произнес рыцарь.

Кейн лишь презрительно сморщился.

— Кто ты? Очередной дядюшка или служишь Лорин?

— Тот, кто получит этот мир вместо тебя.

Кейн тяжело дышал. Расстановка сил была не в его пользу: он чувствовал

равного в незнакомце. Ему не защитить девчонку и, возможно, не уйти самому. Он повстречал одного из Богов там, где меньше всего ожидал.

Девушка вцепилась в руку короля, ее зубы выдавали мелкую дробь.

— Через мой труп, родственничек. Возьми ее, если сможешь! — Хмыкнул Кейн.

Конные рыцари молча двинулись вперед, их пики направились в сторону верийца, кольцо стало сжиматься. Кейн резко выкинул руку вперед, и рыцарей отбросило, точно взрывной волной. Но их предводитель даже не дрогнул!

Мужчина уверенно пошел вперед, сжимая в руке меч-серп, будто и не чувствуя силового поля. Фламберг в руках Кейна запел от предвкушения.

«Постарайся выжить!» — Коротко бросил Кейн, оттолкнул Жанну в сторону и с упоением бросился на врага!

Тяжелый и беспощадный, Несущий смерть не подпускал к себе противника. Но поющий и стремительный серп был быстрее, его владелец парировал удары Кейна, перешел в контратаку.

Лезвия скрещивались то на уровне груди, то над головой, в какой-то момент Несущий смерть прошел рядом с горлом рыцаря, но он не растерялся и ухватился рукой за лезвие фламберга, подтягивая верийца к себе.

Впрочем, соперник тут же пожалел об этом: ледяные иглы пронзили его руку так, что он перестал ее чувствовать.

Кейн усмехнулся и высвободил меч, он нацелился в незащищенные ноги. Рыцарь снова ушел от удара, перекинув серп в левую руку, и перешел в атаку.

— Легенды не лгут: твой меч пьет чужие души! — Воскликнул незнакомец.

Кейн промолчал, отбиваясь от поющего серпа. Рыцарю было тяжело достать до короля, вериец не подпускал к себе близко, длинное массивное лезвие меча строго держало дистанцию.

Жанна, предоставленная сама себе, решила, что с нее хватит. Она прижалась к стволу дерева, наблюдая, как приходят в себя рыцари. Почти все их кони разбежались, люди вставали, ошарашено трясли головой. Чем их оглушил Кейн, Жанна не знала. Да и не хотела. Девушка поймала под уздцы чью-то лошадь и влезла в седло.

— Не так быстро! — Щелкнул затвор арбалета, Жанна замерла. — Слазь!

Стрелок стоял за спиной, девушка невольно подняла руки вверх.

— Мне кажется, я нужна вам живой. — Неуверенно начала она.

— Это не помешает мне ранить тебя.

Жанна нехотя слезла. Она, конечно, вылечит раны достаточно быстро, но момент уже упущен: еще двое арбалетчиков взяли ее на прицел.

«Пользуйся своим телом!» — вспыхнуло в голове Жанны, и она набросилась на стрелка.

Жалкая попытка была встречена выстрелами. Арбалетчик не соврал и в левом бедре запульсировала боль. Еще один цветок крови расцвел в ключице.

Человек в Жанне бессильно склонил голову. Но верийская кровь вскипела! Жанна вырвала обе стрелы так, что нападавшие глазом моргнуть не успели. Тело само начало двигаться. В несколько секунд девушка оказалась рядом с одним из людей, яростно вцепилась в его лицо. Мужчина затрясся, поток белых искр покинул тело, впитываясь в Жанну. То же самое она проделала со вторым, в сторону третьего просто выставила руку с раскрытой ладонью, будто пытаясь поймать. Стрелки рухнули как подкошенные, а раны полукровки

затянулись.

Все было так же спонтанно, как с зеленоглазой любовницей Лино ди Герра! Инстинкт самосохранения выручил снова, Жанна вытянула чужие души не задумываясь.

Тут же на нее накинута мечники, и снова безумная пляска увлекла Жанну. С каждым убитым она становилась все увереннее, подхватила чей-то меч и вспомнила то небольшое, что дал ей Кейн.

Сомнений не было в ее голове: она не желала зла этим людям, но и умирать не собиралась.

Соперник Кейна был слишком опытным и невозмутимым. Он холодно менял атаку на оборону, прощупывал короля, не выказывая усталости, точно Лорин не изматывал чужого бога.

Он был старше Кейна, сильнее. Оба не тратили время на магию, предпочитая грубую физическую силу. Вериец уже получил несколько ран, неуклюже открывшись рыцарю. Тяжелый и смертоносный фламберг проигрывал ловкому серпу.

— Ты умрешь здесь, Кейн. — Резюмировал соперник.

— Кто ты? — Тяжелым вздохом вырвался вопрос.

— Джаред, бог Сантера. — Воин изящно поклонился. — Лорин будет моим. Версе — следующий. Уже сейчас мои люди спешат на помощь. Мы ловили девчонку, а поймали бога!

— Наконец-то мы встретились! — Глаза Кейна налились кровью.

В этот момент теплый и запыхавшийся бок Жанны врезался в короля.

Дела у девушки шли лучше: она смело отразила атаку мечников, но отступила перед второй волной. При этом полукровка умудрилась остаться цела и невредима.

Кейн почему-то снова вспомнил то прикосновение на стене Маледиктуса. Мысль еще не сформировалась, но холодная рука схватила тонкую ладонь, принуждая взяться за эфес Несущего Смерть! Жанна удивленно вскинула глаза.

Чужая сущность врезалась в мысли, опутала щупальцами и попыталась задушить волю, но девушка яростно дала отпор, потянулась к живым, вытягивая жизни, отдавая черной пустоте, чтобы защитить себя!

Джаред разъяренно вскрикнул, отстраняясь от ослепительной вспышки! Его соратники, все как один, падали замертво, щупальца потянулись к богу...

Тело рухнуло к ногам Кейна.

— Пустышка. — Король пнул бездыханное тело.

Сантер редко являлся сам. Как правило, бог использовал чужую оболочку, за что собратья называли его кукловодом.

Жанна также рухнула рядом с мертвецом. Ее кожа стала серой, глаза западали, а ладонь все еще сжимала Несущий смерть.

Кейн расцепил сжавшие эфес ледяные пальцы, склонился над девушкой, провел лезвием фламберга по своему запястью и прислонил рану к бесцветным губам Жанны.

— Живи. — Приказал он.

Тонкая голубая Нить судьбы потянулась к душе Кейна, переплетаясь, становясь крепче, заплетаясь в узор с его собственной Нитью.

Глава 12

Узы крови

*Кто ты такой,
Чтобы, нарушив закон,
Прийти сюда и просить,
О чём другие и мечтать не смеют?
Наглость твоя
К тебе вернётся кнутом,
Ничтожный, знаешь ли ты,
Что испокон веков всего сильнее?
Ольга Вайнер — «Власть»*

В замке с прибытием Кейна начался переполох. Слуги засуетились, увидев визмятую броню и рваную одежду короля. На руках Кейн нес Жанну. Ее тело болталось безвольно. Вид у девушки тоже был не из лучших: черные от копоти лицо и руки, лохмотья вместо одежды, босые ноги, опаленные волосы.

Навстречу вышла Лилит.

— Я пришел вовремя. — Бросил Кейн на немой вопрос волшебницы.

Проклятье. Вездесущая Лилит. Зачем она вернулась в Маледиктус? Разве не должна она сейчас быть рядом с Мариусом, Лино и Фаустом? Разве не должна обеспечивать Дисмаса Кина, этого бесстрашного и ловкого полководца, магической поддержкой и советами? Ах, да! Он же сам отдал ей приказ.

— Ну что вы застыли? — Зло крикнула Лилит, отворачиваясь к столпившейся челяди.

Интуиция подсказывала Лилит: чужестранка опасна! Из праздного любопытства Советника выросла огромная проблема! Волшебница гордо вскинула побелевшее от злости лицо, сама принялась отдавать распоряжения. Стоило кому-то сделать что-то недостаточно быстро, — Лилит в мгновение ока скручивала несчастного в тугий узел своих чар. Маленькие кулачки сжимались, жертва вопила от боли, успокаивая разбушевавшуюся волшебницу.

«Нужно вызвать Фауста» — Лилит яростно подгоняла слуг, ей хотелось остаться одной. — «Что происходит, во имя Ночи?»

Глупый Фауст решил действовать самостоятельно. Если бы он посоветовался с Лилит! И этот увалень, Амос Дитрих! Почему он не донес ей сразу о том, что девчонка попала под внимание короля?

Против самой лоринки Лилит не имела абсолютно ничего: в конце концов, ей и дела не было до личной жизни князя Гевальт. Но когда Кейн обратил свой взор на чужестранку, волшебница по-другому взглянула на ситуацию.

Что знала она о Лорин? На что способна богиня, чью дружбу отверг сын Вереса? Чьи чары всегда заставляли прежнего бога подчиняться и слепо выполнять приказы?

Маледиктус пришел в движение. Новость облетела замок моментально. Снова послышался шелест голосов, разгневанно засветились глаза аристократов: неслыханно. Король нарушил вековые традиции. Ладно бы граф или маркиз — такое уже случалось. Но королю подобает строго соблюдать протокол.

Жанна переживала случившееся глубоко. Снова вставали перед ней фанатичные взгляды дозорных и языки огня. Она была так близка к своей цели, что забыла, кем стала для лоринцев. Чудовищем. Чужая в своем собственном

мире.

Ее не поняли и не хотели понимать. Нравы в Лорин были строже чем в Вересе, она и забыла, как следует вести себя в обществе, что у женщины нет права высказывать то, что она думает. Лоринцы ударились в религию с отчаянием умирающего, а ее изменившаяся внешность стала последней каплей.

Девушка долго не могла заснуть, вспоминая снова и снова Гарета, огонь под ногами, вспышку магии и ярости, что ослепили ее. Жанна не заметила, как отяжелевшие веки сомкнулись, приглашая милосердный сон залечить раны душевные.

Кейн укрылся от любопытных взглядов в своем кабинете. Он чувствовал, как играет магия в его венах, а тревога постепенно исчезает. Сейчас он был готов перевернуть весь мир. Великая сила принадлежала ему, и власть эта снова опьяняла. Точно весь Лорин уже лежал перед его ногами.

— Мы можем, наконец, поговорить? — Лилит бесцеремонно вторглась в его мысли.

— Думаю, это неизбежно. — Угрюмо отозвался Кейн, — можешь зайти.

Лилит появилась через несколько минут. Она расположилась в высоком мягком кресле, положив ногу на ногу. Волшебница окинула собеседника любопытным взглядом.

Прекрасная, холодная и лишенная своей уникальности.

— Зачем ты это сделал? — Поинтересовалась она. — Ты сейчас нужен своим войнам.

Лилит считывала ауру верийца. Ее пронизательные глаза, обрамленные черными ресницами, смотрели в самую душу. Волшебница была изящна и красива. Черные волосы спадали на сахарные плечи, руки, скованные сапфировыми браслетами, казались обманчиво хрупкими. Тонкое ее лицо с чуть вздернутым носом и полными коралловыми губами всегда оставалось спокойным. Но сейчас она требовала ответов.

Тон волшебницы раздражал: король не обязан давать отчет. Холодная и скрытная молчаливость Кейна настораживала. Раньше советы Лилит были необходимы. В последнее время Кейн пренебрегал ее обществом, и все ее слова летели в пустоту, он отмахивался от нее как от ненужной вещи.

— Ты изменился. Вы оба изменились. Это чувствует весь Маледиктус. — Уверенно произнесла Лилит, не дождавшись ответа.

— Ты не настолько глупа, чтобы не понять. — Золотые глаза смотрели сквозь Лилит.

— Ты прав. — Чуть склонив голову на бок, подтвердила волшебница. — Все ради великой победы. А девочка знает, что произошло?

— Не думаю. — Кейн упрямо сжал губы, он не хотел обсуждать ничего.

— Из всех возможных вариантов, ты выбрал этот. Это удобно, не спорю: Ключ рядом, не надо тратить время на поиски. — Лилит встала. Она больше не могла сидеть: ее раздирали эмоции.

Ей хотелось кричать от бессилия. Ее не беспокоили сплетни придворных, нарушенные многовековые традиции! Лилит не находила себе места от равнодушия короля, ее пугала потеря статуса «незаменимой», «необходимой» в малой свите Кейна.

Волшебница чувствовал себя брошенной и использованной.

Она подошла к Кейну и взяла его левую руку, притянула запястье поближе

и всмотрелась в его вены. Голубые и золотые искры переплелись в удивительном узоре.

— Ты сказала «Ключ»? — Встрепенулся Кейн. — Я не ослышался, Лилит? — Холодный морозный голос пробирал до дрожи. — Откуда ты это знаешь? Гевальт говорил лишь об убийстве и крови из древнего рода Лорин. Что ты знаешь о Ключе?

Лилит уже пожалела, что пришла. Как теперь объяснить, откуда она берет сведения и почему не делиться информацией с королем?

— Я думала... — Тихо начала Лилит и замолчала, придавленная взглядом, полным презрения.

Лилит обессиленно опустилась в свое кресло и задумчиво стала изучать ковер на полу. Такая мелкая промашка! Теперь ей будет очень сложно вернуть доверие и без того подозрительного Кейна. И даже горстка пойманных сантерцев не перевесит чашу весов.

Рассвет был серым и дождливым. Капли нудно стучались в витражное окно. С минуту они смотрели друг на друга полными ненависти глазами. Неожиданно король сдался.

— У меня не было выбора. — Он вскочил с места, зашагал из стороны в сторону, точно забыл о своей вспышке гнева. — Это было великолепно! Власть! Могущество! Я раздавил Джареда, как букашку! — Кейн выразительно сжал руку в кулак перед лицом Лилит, его глаза сверкнули огнем. — Девчонка собрала столько энергии и не знала, куда ее деть! И в то же время, я чувствую, как меняюсь. Ее Дар бесценен! Впервые за столько лет я сумел преобразить магию Вереса. Это была всего лишь вспышка в небе, но я уверен — это только начало!

Лилит никогда не слышала, чтобы король о ком-либо говорил с такой страстью. Сколько себя помнила Лилит, Кейну было наплевать на все, что не касалось его планов. Мысли короля скакали из стороны в сторону, казалось, ему вообще было не важно, понимает ли она его, вериец просто хотел высказаться, выплеснуть свой восторг.

Лорин пообещала Кейну поражение. Все знали, что король — бессердечный и циничный. Он очаровывал своим могуществом и самоуверенностью. Ночные звезды тоже чаруют, но не греют.

В Вересе смертные давно перестали почитать своего бога, остался лишь страх. Истинные были довольны, пока он не вмешивался в их дела.

— Теперь Ключ Лорин у нас в руках. — Покорно отозвалась Лилит. — И в этот раз нельзя ошибиться, Кейн. Мы оба слишком многое отдали, чтобы дойти до цели. Нужно быть осторожными. Клянусь, я больше не подведу тебя.

— Я обдумаю твои слова. — Он уже совладал со своими эмоциями. — Я хотел обсудить с тобой еще кое-что... Ничего бы не случилось, Лилит. Я еще в состоянии контролировать себя, но... Джаред слишком силен. Признаться, я не был уверен, что справлюсь один...

— Да, тут как нельзя, кстати, пригодится талант Советника добывать информацию. — С досадой хмыкнула Лилит. — Не ко времени ваша ссора. — Она охотно сменила тему. — Уж больно робко ведет себя богиня, в последнее время мы все чаще сталкиваемся с Сантером.

— Эта магия, она другая: грубая и резкая, совсем не такая, как у жрецов Лорин. И почему хозяин Сантера чувствует себя так свободно в чужом мире?

Сколько его воинов уже здесь?

— Пока тебя не было, Эрик Раск получил послание от Балга и Архноса. — Тихо произнесла Лилит.

Кейн с минуту молчал. Давно, очень давно оставшиеся боги игнорировали Верес. Кейн справедливо полагал, что они заняты выяснением отношений между собой. После исчезновения Карьяд, гибели Сахрезейи, оставшиеся миры окончательно замкнулись в себе.

Так было до тех пор, пока Кейн не разделался с мальчишкой Невеккет. На самого молодого из восьми богов смерть Сахрезейи подействовала особенно сильно: всегда дерзкий и оживленный, Невеккет вдруг стал кроток и тих. И его мир неминуемо стал чахнуть, как и Великое Древо — твердыня, подобная Маледиктусу.

Король верийцев лишь успешно завершил начатое отцом: Верес почему-то недолюбливал самого младшего бога и напал.

— Что в послании? — Брови короля сошлись на переносице, жесткая складка пролегла возле губ.

— Они намерены выступить против тебя, если ты не покинешь Лорин. — Лилит потупилась.

Четверо против одного — слишком много.

— Сантер теперь возглавляет совет богов. Они не признают в тебе приемника Вереса и собираются...

— Достаточно! — Оборвал ее Кейн.

— Все это очень интересно, друг мой, но наши союзники хотят ускорить процесс вторжения. — Герцог устало вздохнул.

Рассвет приближался, а значит, Фауст должен скрыться. При свете солнца его бледность и кошачьи глаза становились слишком заметны. Конечно, он уйдет также как всегда — в образе огромного волка. Но лесной зверь среди городских улиц — не самая привычная картина. Местные собаки опять будут скулить в каждом дворе, ни к чему лишнее внимание.

— Непременно. — Кивнул вериец. — Я начну действовать уже через две недели. Дисмас Кин потерпел поражение под Озом. Город крупный, а люди уже получили поддержку в лице жрецов. Он затаился. Ему нужна информация. А информация, — вериец усмехнулся, — это моя работа.

«Еще бы он не проиграл. — Про себя подумал герцог. — Кейн не подозревает, как устали его преданные воины от своего безумного Бога».

— Значит, договорились. — Свейн ударил обеими ладонями по столешнице, дав понять, что ответ его удовлетворил.

Фауст обернулся через плечо, худощавая девица, которой он дал золотой, терпеливо ждала.

— Пора расходиться, друг мой. — Он встал, запахнулся в бардовый плащ.

— Может, хватит уже пугать горожан? — Насупился герцог, поднимаясь следом. — Ты ненавидишь графиню, но чем виноваты эти несчастные проститутки?

— Я искренне люблю ее. — Лицо верийца сделалось каменным.

— Оставь в покое несчастных женщин, иначе у наших доблестных солдат появится много свободного времени. А ты знаешь лучше меня, что от этого люди начинают думать и бояться. Неужели убийства приносят тебе утешение?

— Что-то вроде этого. К тому же, половина города уже обречена на смерть, разве нет? — Фауст кивнул девушке, и она, покачивая бедрами, направилась к нему.

Жанна отрешенно наблюдала за суетой во дворе. Несмотря на отступление, верийцы были полны решимости снова нанести удар смертным. Они строились в большие отряды и бесконечным потоком текли из Маледиктуса в сторону Костяного хребта.

Нескончаемые цепочки в черных как ночь доспехах и алых плащах маршировали по блестящей, отполированной ногами, ледяной дороге. Перед ее глазами мелькали тысячи и тысячи неутомимых созданий, в голове отголоском шуршали их мысли.

Некогда увиденный во сне символ встречался на каждом щите: две сплетенных буквы из веалора, аббревиатура Сумеречного королевства.

Кейн покинул своих воинов во время битвы и враг, точно ждал этого, показал свою силу. Верийцы отступили, ропот все чаще проносился в рядах новобранцев.

Неизвестность вновь повисла в душном воздухе ее маленькой комнатки. Ей не удалось покинуть Маледиктус, но теперь она ждала ответов. Иначе, зачем Кейн вернулся за ней?

Девушка снова и снова вспоминала ночную дорогу домой. В какой момент она пересекла границу? Если бы знать, как разорвать связь двух миров, — она смогла бы помочь людям. Восстановить этот тонкий мост будет сложной задачей, — эти беспокойные мысли все время вспыхивали в головах солдат. Они торопились.

Почему же Кейн постоянно откладывал тот или иной бой, все время возвращался в Маледиктус? Первое, что она осознала, — время в этом мире бежит гораздо медленнее, чем в Лорине. Дозорный утверждал, что Жанна пропала год назад... в Лорине была осень, в то время, как Верес все теплее согревало весеннее солнце...

Какое преимущество это давало бессмертным? У них была масса времени на раздумья и подготовку. А скорость, с которой верийцы перемещались в Лорине, позволяла действовать быстро, снова и снова возвращаться в Маледиктус... Эти создания, ловкие и сильные по своей природе, просто не оставляли людям шанса...

И все же, Оринбергу удалось дать отпор. Кто помог королевству? Казна Лусиана Свейна второго была полупуста, ему не по карману были наемники. Кто этот странный Джаред, что привел свои войска на помощь? Может быть, ей следовало пойти за ним? Ведь он пришел именно за ней. Почему?

Битва против безумной Сахрезейи... Что произошло между богами? Что если Рада Гевальт говорила правду и боги способны на обыкновенные человеческие эмоции?

Жанна задумчиво проводила последних воинов глазами. Как использовать то, что она осознала? Как помочь своим родным?

Столько вопросов! Стоит ли вообще ей забивать голову проблемами могущественных правителей или же просто плыть по течению, действовать по обстановке? Что вообще она может сделать в своем положении? Она не может даже защитить свою собственную жизнь.

Жанна вспомнила темную злую силу Несущего смерть. Точно голодный

зверь, этот меч пытался съесть ее душу! И как она сама смогла уцелеть, когда меч уничтожил всех вокруг?

Легкие древесные нотки ветивера достигли ее обоняния, заставив взволнованно затрепыхаться сердце. Колени предательски задрожали.

Он застыл за массивной дубовой дверью, стараясь привести в порядок мысли и справиться с той же дрожью, что нахлынула на Жанну. Ладонь легла на створку. Она была там. И она волновалась.

Когда же, наконец, его подтянутая высокая фигура переступила порог, а глаза встретились со смущенным лицом девушки, время застыло.

— Жанна... — беззвучно произнесли бледные как мел губы. — Прости меня...

В два шага он преодолел разделявшее их расстояние, рассеянно уронил на пол какой-то предмет. Фауст горячо поцеловал ее вскинувшееся лицо, прижал к губам девичьи ладони, поцелуй отдавал горькими травами. Она порывисто обняла его, затем смущенно отстранилась.

— Я пришел, как только...

Он не знал, чего ждать: будет она снова проклинать его или позволит объяснить?

— Мне очень трудно было исполнить этот приказ. В ее глазах я видел тебя. Я вспоминал все твои рассказы, твою любовь, с которой ты говорила о сестре...

Девушка закусил побелевшие губы. Боль еще была сильна. Что-то светлое и теплое навсегда угасло в душе со смертью Маргери.

— Я не знаю, как тебе все объяснить. — Желтые глаза горели надеждой.

Жанна читала его душу как раскрытую книгу. Шарлотта была права: у всех были свои мотивы. Он просто не понимает, почему и за что ненавидит его Жанна.

Девушка еще прислушалась к чужим потокам эмоций. К своему удивлению, лоринка осознала нечто необыкновенное: князь переживал убийство Маргери. Ее горе, то самое черное и липкое пятно, царило и в душе Фауста. Это была и Его жертва. Выходит, это она проявила бессердечность? Как такое возможно? Ему даже больнее, чем ей!

— Где же... — Внезапно спохватился князь. — Я точно взял его с собой. — Вериец растерянно шарил по карманам, осматривался по сторонам.

Князь нашел свою пропажу. Он нетерпеливо пытался открыть обитую серебром и драгоценными камнями коробочку, но замок заклинило.

— Прости, я не знаю, как это принято у вас... — Раздосадованный этой задержкой, он просто оторвал крышку и...

В дверь бесцеремонно зашла Лилит. Жанна вскинула глаза на волшебницу. Взгляд прожигал, Лилит растерялась.

— Надеюсь, я не помешала? — Выдавила улыбку волшебница.

— Совсем немного. — Процедил Фауст, намекая на обратное.

— Хм, а мне показалось, я очень вовремя. — Вскинула черные брови Лилит. Она совладала с собой и снова была холодной и неприступной Лилит. — Мне нужно поговорить с Жанной, прежде чем ты вложишь ей в руки символ «вечного и священного». — Безапелляционно добавила она.

Жанна вдруг смутилась.

Фауст сверкнул глазами, сжал заветную драгоценность в руке. Повисла пауза. Жанна знала, в эту минуту волшебница и вериец перебрасываются мыс-

ленными репликами. И разговор этот был князю не по душе.

«Ты разве не знаешь, о чем гудит весь Маледиктус?»

«Знаю и не позволю Кейну это сделать!»

«Ты опоздал, князь» — Лилит сочувственно пожала руку Фауста.

— Я вернусь. — Пообещал он растерянной Жанне, крепче сжал коробочку в руке и стремительно удалился.

Когда они остались вдвоем, Лилит, горько улыбнулась, села рядом.

— Доброй ночи, Жанна. Меня зовут Лилит. Я давно желаю познакомиться с тобой. — Жанна величественно кивнула. — Мне нужно кое-что объяснить, дорогая. — Начала волшебница. — У вашей расы есть ритуал: когда приходит время продолжать род — вы зовете священника и даете разные клятвы, обмениваетесь кольцами, приглашаете гостей...

— Свадьба? — Ледяным тоном отозвалась полукровка.

— Верно. — Мягко, точно разговаривает с ребенком, подтвердила Лилит. — Знаешь, у нас подобный ритуал проходит несколько по-другому.

— И как же?

Чужестранка вела себя по-королевски. Лилит была сыта по горло тем неуважением, которое уже выказал Кейн. Она поймала себя на желании вцепиться в горло нахальной девчонке и показать, чего стоит дочь Ми-Сойличте!

Жанне было все равно, что говорит незнакомка. Ее мысли кружились вокруг князя, а разговор казался пустым. Фауст сам мог сказать ей все, что хотел, зачем было обращаться к Лилит?

Взгляд у Лилит был дружелюбный, но Жанна чувствовала: волшебница чем-то недовольна. Лилит кивнула на скрещенные руки Жанны, все еще сжимавшие друг друга, чтобы унять дрожь.

— Мы обмениваемся кровью. Кровь обращенных, отданная по доброй воле. Нельзя отдавать свою кровь тому, кто обратил тебя однажды...Если, конечно, не хочешь связать себя Узами крови. Узы не держатся, если пара не произносит клятвы. Их сила ослабеваает, если пара не перемешивает свою кровь время от времени. Если один из супругов умрет, — второй последует за ним.

— Что это значит? — Жанна закусил губу.

— Это значит, дорогая, что вам сделали предложение. Поздравляю вас. — Улыбнулась Лилит.

Жанна растерялась: князь не пил ее крови никогда. И все же, он явно был намерен связать свою жизнь с ней.

— Это не предложение большой любви, конечно же. Вы ведь понимаете, что боги лишены сердца. Им не дано привязываться, они всегда бесстрастны. Но это предложение сотрудничества.

— При чем здесь боги? — Нахмурилась Жанна. — Мне все равно до их чувств!

Волшебница, обхватив девушку за плечи, повела ее к двери, точно послушную куклу.

— Пойдем, моя дорогая. Твой Дар — бесценен и очень нужен нашему миру. У нас столько дел. Предстоит организовать официальную церемонию.

— Нет! — Она упрямо замотала головой. — Я не давала своего согласия, ни в чем не клялась и вообще, не имею ничего общего с вашим миром! Я вообще ни за кого замуж не собираюсь!

Лилит удивленно посмотрела на девушку: такая кроткая с виду, она вдруг

взорвалась и стала похожа на обычную простолюдинку. Впрочем, чего взять с полукровки?

— От таких предложений не отказываются! — Возразила волшебница. — Идем. Ты нужна Вересу и послужишь ему! Ты не можешь отказаться, Кейн принял решение!

Кровь схлынула с лица полукровки. Лилит ощутила удовлетворение: наконец-то девчонка поняла, во что впуталась!

— Нет! Во имя Лорин! Хватит с меня ваших полудиких обычаев! — Жанна кинулась к двери, намереваясь убежать как можно дальше. — Я отказываюсь! Так и передайте! Мне нечего предложить вашему богу!

— Остановись, безумная! — Лилит преградила ей дорогу. — Верес принадлежит Кейну и тебе негде укрыться. Это приказ! В тебе течет кровь его подданных. Он может быть и более жестоким, девочка. Ведь у тебя в Лорин еще остались мать и отец. И, кажется, брат. — Красивое лицо волшебницы перестало излучать любезность, а слова плохо скрывали угрозу. — Нити твоей судьбы уже в руках Кейна. И оборвать их он может одним своим желанием.

— Ничего нельзя сделать? — Плечи чужеземки поникли. — Но, ведь это — шантаж. Тирания. Я не понимаю: в чем выгода? Мне нечего предложить за его покровительство, я всего лишь полукровка.

«Ах, конечно же, можно!» Хотелось закричать Лилит. Но Кейн поручил ей очень неприятную миссию, точно она была какой-то свахой.

Упрямый и странно изменившийся Кейн принял какое-то глупое, иррациональное решение, которое спутало все планы, затормозило стремительное наступление на Лорин, грозило сделать короля непопулярным в глазах древних верийских домов. Чем бы ни обладала полукровка, чем бы ни опьянила верийского бога!

Лилит мысленно пожелала Жанне не дожить до церемонии, но вслух произнесла совсем другое:

— Дорогая, вам оказана великая честь. Вы забыли, насколько важны вопросы крови среди верийцев? О, я понимаю, все так сложно и непонятно, но незнание не освобождает вас от необходимости соблюдать наши законы. Король благодарен вам за помощь в трудную минуту, ему было бы неприятно смотреть, как насмеются над вами в Сумеречных землях. Все остальное он скажет вам сам.

Великая Лорин! Что за проклятье?

Мысли о том, что король может испытывать хоть какую-то нежность к ней, Жанна отмела как нелепые и смешные. Кейн ненавидел полукровок еще больше, чем смертных, откровенно высмеивал и тех, и других, едва сдерживал неприязнь. Определенно, саму Жанну он относил к низшему сословию, хотя в последнее время, они научились находить общий язык.

И что такого могла дать ему лоринка? С момента, как ее ладонь коснулась ужасного фламберга, Жанна не помнила ровным счетом ничего.

— Это какой-то абсурд! — Полукровка схватилась руками за голову, снова заметалась по комнате.

Лилит терпеливо ждала. Все это она видела: отрицание, гнев, затем будет торг, печаль и принятие. В конце концов, неизбежное наступит.

— Я уверена, что это — злая шутка. Я хочу видеть короля немедленно и жду объяснений!

Волшебница рассмеялась. Жанна застыла, кипя гневом.

— Он сказал, что так и будет. — Лилит достала из складок платья пузырек с какой-то жидкостью. — Тебе нужно успокоиться. Все это — потрясение от последних событий. Не более. Возьми, восстанови силы.

Жанна покрутила склянку в руках, откупорила пробку, принялась.

— Прими. — Велела Лилит.

— Ну, нет. — Девушка заткнула сосуд и бросила под ноги волшебнице. — Не твоими ли зельями меня опоили в Волчьем замке? Второй раз я на это не куплюсь!

Лилит не повела и бровью.

— И не надо.

В глазах Жанны все стало темнеть, пол ушел из-под ног и бросился в лицо.

— Это нужно вдыхать. — Услышала она приглушенный голос Лилит и ее звонкий семшок.

Часовые на массивной стене застыли по стойке «смирно», но Кейн велел им уйти. Холодный ветер безнаказанно свирепствовал, трепал алый плащ короля, путался в складках одежды и белоснежных волосах. Погода копировала его состояние. Ведь это его мир.

— Что за представление ты устроил, Кейн? Только не говори, что внезапно воспылал любовью, мы оба знаем, что это невозможно.

Фауста душил гнев. Но сейчас он не мог позволить себе этого. Просто необходимо уладить ситуацию мирным путем, иначе он не сможет больше оставаться в армии, а значит, не сможет помогать Джареду.

— Невозможно. — Утвердительно кивнул Король, продолжая хмуриться. — Скажи, князь, ведь ты хорошо изучил все свитки и манускрипты жрецов Лорин? От чего же ты сразу не догадался, что ветвь де Стрейн — носители Ключа?

Фауст, ничуть не смутившись, пожал плечами.

— Мне приходила в голову эта мысль. Я даже нашел все семейство.

— Но ты не спешил делиться своими успехами? — Удивился Кейн. — Ты намеренно скрыл от меня правду о своей протееже? Ты знал, что она подходит нам. — Перебил его Кейн.

Фауст промолчал.

— Я жду объяснений, князь. По твоей вине мы потеряли очень много времени! Когда ты понял, что смертная — та, кого искала Лилит?

— Я приехал в Оринберг именно за Жанной де Стрейн. — Вздыхнул князь. — Но, как видишь, даже я могу ошибаться. Смерть второго Ключа не слишком помогла нам.

Кейн рассмеялся.

— Ты был очарован настолько, что предал меня? Время потеряно из-за твоей сентиментальности! — Кейн был настроен решительно. — Пока мы ждали, оставшиеся боги объединились против Вереса.

Плевать ему было на смертную, на желания князя, на все... Он видел свою цель, остальные — лишь ступени на его пути.

— Чтобы открыть Лорин, девушка должна была умереть на берегу Святого озера. — Нехотя проговорил князь.

В глазах короля сияло торжество: именно этого он и добивался. Интуиция подсказывала ему, что он прав и князю нельзя доверять. Но у него не было до-

казательств. А у Фауста появилось слабое место.

— И ты ее пожелал. — Хмыкнул Кейн. — В чем-то я даже благодарен тебе, князь. Ты ошибся с переводом пророчества. Будь ты предан мне, мы бы не продвинулись так далеко. От Ключа нам нужно только сердце.

— Я просил тебя отдать мне ее в жены! — Выпалил Фауст. — Ты сказал, что этот союз унизителен для верийцев, а теперь сам занимаешь мое место! Как тебя понимать?

— Мое решение носит расчётливый характер, Фауст. — Кейн даже бровью не повел. — Кто ты такой, чтобы спрашивать с меня? Знай свое место!

Фауст зарычал, набрасываясь на Короля, Дар отшвырнул верийца в сторону, он врезался в край стены. Каменная кладка не выдержала удара, князь едва успел вцепиться в край, подтянулся и снова кинулся на Кейна.

Лино с интересом наблюдал за тем, как раз за разом упрямый Фауст бросается в бой. Гевальт был достойным соперником, хитрым и изворотливым, однако Кейн явно превосходил его.

Полу усмешка блуждала на губах бога, не смотря на то, что некоторые атаки достигли своей цели, Кейн твердо стоял на ногах. А вот Гевальт начинал уставать.

В очередной попытке, Кейн перехватил руку князь в замахе, дернул на себя и ударил об колено. В следующее мгновение кость хрустнула, раздался приглушенный рык боли. Кейн потянул Фауста вниз, заставляя распластаться на каменном полу, но он поднырнул под соперника и нанес ответный удар.

Они сцепились снова, с ненавистью, застилающей глаза, наносили друг другу смертельные для любого человека раны. Для человека, но не для верийца.

Плиты стали скользкими от крови, на обоих верийцах не было живого места.

— Наглость твоя достойна смерти. — Пророкотал Кейн. — И равносильна измене.

С этими словами, вериец достал Несущий смерть. Лино понял, что шутки кончились и простое желание проучить Советника перешло в жажду убийства.

Герцог ди Герра вышел из тени.

— Остановись, Кейн! — Выкрикнул он. — Ты же его сейчас прикончишь!

— Кажется, он этого и добивается! — Рыкнул Кейн, но отступил.

— А я-то подумал, вы тут делите девчонку. — Хохотнул Лино. Но тут же посерьезнел. — Ты слишком многим обязан роду Гевальт. И другим домам Истинных. — Развел он руками. — Вспомни войну с магами Ми-Сойличте. Кто помог тебе одурачить старика? Кто подсказал тебе заключить сделку с его дочерью? Или Фауст плохо проявил себя во время восстания? Вся его семья заплатилась за предательство, а оставшиеся ветви сгнули в бою с Навеккет. Ты легко разбрасываешься союзниками, Кейн.

— Достаточно, Наставник. Твое дело — обучать солдат, а не короля. — Прервал его Кейн. — Когда мои глаза и уши, лучший из полководцев, слепнет, — он становится угрозой для всего королевства. С каких пор верийцы считают нормой ставить свои интересы выше моих?

Лино помог князю встать на ноги, решительно преградил дорогу Кейну.

— Видимо, с того момента, как стало допустимым заключать союз с третье-

сортными существами. — Дерзко возразил Лино. — Фауст нашел для тебя второй Ключ, а это было не просто! — С вызовом продолжил герцог. — А теперь от полукровки можно ожидать чего угодно: ты садишь ее на свой трон, делишь с ней свою силу. Таких проблем не было бы, оставь ты девчонку в Волчьем замке! Теперь ты даже убить ее не можешь!

— Как ты смеешь перечить мне? — Глаза короля вспыхнули, тело напряглось.

— Об этом говорит весь Маледиктус. — Бесстрастно произнес Лино. — Ты хочешь дать власть над своим миром чужеземке? Так кто из вас предатель?

Кейн промолчал. Лино был прав. Разумеется, король этого не признает, но кое-какие меры принять не помешает.

— Я оставлю тебе жизнь. — Процедил Кейн, глядя на залитого кровью князя. — Но за свою дерзость ты дорого заплатишь. Смотри.

Кейн вытянул из ночной тьмы тонкую голубую Нить.

— Жанна — одна из нас. Ее жизнь в моих руках. — Кейн намотал Нить на палец. — Помни об этом, Советник. И впредь будь исполнителен в своей службе. — Кейн отпустит Нить и растворился в ночи.

Кейну вообще было наплевать на интересы древних Домов и всех окружающих. Его манила великая цель: объединить все миры, добраться даже до самой Колыбели. Еще он сторал от желания узнать, кто или что уничтожало богов без боя?

Лилит была удобна ему и нужна, когда на пути стоял Ми-Сойличте. Однако, после победы, Кейн убедился, что способности волшебницы весьма уступают ему самому. Она начала стареть и терять силы. Изменить ее было нельзя: хитрый Верес создавал магов Ми-Сойличте так, чтобы верийская кровь не могла отравить их, не разрушив умение колдовать.

Лино помог Кейну свергнуть Ольгарда, верийского короля. Безумный герцог заманил монарха в свои земли большой охотой. В отдалении от войск, Ольгард пал от удара в сердце прямо за праздничным столом. Его бурая кровь смешалась с кровью смертных, что погибали на этом пиру. Лино был одним из немногих, кто не раздражал Кейна. Сам герцог получал огромное удовольствие от своих обязанностей и без зазрения совести пользовался привилегиями, дарованными Кейном.

Фауст был полезен своей осведомленностью и красноречием. Когда взбунтовавшиеся дома Истинных пытались защитить своего Бога и Ольгарда, род Гевальт умело перевел на сторону Кейна многих. Волчий род был слишком загадочен: они чувствовали глубже, чем другие верийцы, терзались эмоциями и часто сходили с ума. Многие Гевальты не возвращались из своих звериных шкур, скитались по княжеским лесам, проживали свои бесконечные жизни в волчьей стае.

И только Мариус внушал Кейну уважение. Казалось, у Священника были ответы на все его вопросы. Но такой друг, — опаснее лютого врага. А потому, Кейн старательно избегал долгих бесед с ординатом Гайосом. Слишком пронизательный ум, слишком сильный телепат.

Что же было говорить о смертной, чьим назначением теперь будет лишь хранить в себе силу Маледиктуса, всего Сумеречного Королевства, да передавать ее своему супругу, пока Кейн будет идти к своей цели.

Король наблюдал, как бегают и суетятся слуги в Маледиктусе. Предстоящее

торжество удивило смертных, возмутило Истинных и доставило удовольствие полукровкам.

Кейн шагал по многочисленным комнатам и коридорам своей крепости, вслушиваясь в перемены, что творились в нем самом.

Сила. Огромная. Он мог менять свой мир. Но надолго ли?

Зал был полон гостей. Тишину изредка нарушал шорох одежды, верийцы общались мыслями, никто не снисходил до людских слов.

Жанна, облаченная в темное красное платье, отороченное золотыми узорами, стояла напротив Кейна в алом военном мундире. Она знала: ее сейчас обсуждают, рассматривают с ног до головы.

Несколько незнакомых вериек накануне церемонии пытались убить ее в галерее Маледиктуса. Горничная сторела от заклинания, когда перестилала ее постель. И было еще несколько неприятных встреч и покушений. От плевков в лицо до чудом промазавших стрел. От разодранных в клочья платьев Жанны до повешенной в ее комнате служанки.

Но Жанне в каком-то смысле везло: всегда ей на выручку поспевала стража. Словно сами стены защищали свою будущую хозяйку.

Между королем и его невестой стоял худой священник, хранитель обрядов и ритуалов расы верийцев. Все происходившее казалось сном. Совершенно опустошенная, она безразлично следовала указаниям, которые ей дала Лилит. Смирение все-таки пришло.

На алтаре из массивного черного камня лежал маленький кинжал, стояла чаша из золота, украшенная драгоценными камнями.

Словно в том ужасном сне, где Кейн приносил Жанну в жертву. От страха девушка не смела, вымолвить ни слова. Хотелось плюнуть в это бледное и надменное лицо, вцепиться зубами и ногтями, кричать и драться до последнего вздоха, но уничтожить короля верийцев!

При полной тишине священник произнес слова ритуала, в его костлявой руке сверкнуло лезвие, он по очереди надрезал вены на запястье Жанны и Кейна, свел их руки над чашей, заставляя кровь обоих смешаться в сосуде.

Затем они оба выпили из этой чаши, произнося слова... Жанна механически повторяла заученную клятву. А потом крики ликования разорвали тишину огромного зала...

Все остальное вспоминалось плохо: какие-то подарки, принесенные именитыми гостями, даже что-то вроде бала. Да, не чужды верийцам были даже танцы. Нескончаемая вереница благородных домов, слова, половину которых она не понимала, обрывки чужих мыслей...

Оказалось, что жизнь этих хладнокровных существ была напичкана этикетом не меньше, чем жизнь дворян Оринберга. Был какой-то особый порядок среди поздравляющих, в черед танцев и жестоких убийствах пленных, которым несказанно радовались гости.

И лица, лица, лица... Бледные, смеющиеся, злые и не человеческие. Горящие глаза гостей давно плясали хороводом огоньков, голова шла кругом. Пестрые одежды мелькали в танцах, так похожих на те, что были у людей.

За большим столом смеялись и пировали чудовища. Взгляд невесты машинально ощупывал не тронутые блюда и полный кубок, а в голове был только родной дом. Луга и леса, усадьба де Стрейн, ее слаженный быт, семейные праздники и путешествия...

На мгновение мелькнул Фауст, окруженный своей малочисленной свитой из остатков рода Гевальт. Девушка с удивлением узнала Шарлотту. Верийка гордо шла рядом с Фаустом и на ее голове красовалась диадема, — знак старшей рода.

Рада Гевальт сверкнула золотыми глазами, полными огня, преклонила колени перед королем, Шарлотта последовала ее примеру.

Выглядел князь больным, сухо поздравил Кейна и его жену, даже не взглянув на нее, скрылся и больше не появлялся, как и его спутники.

Жанна не знала о происшествии на крепостной стене. Но обида затаилась внутри.

«Я вернусь» — пообещал князь. И теперь смотрел сквозь нее, точно через стекло.

«Лжец! Лжец! Лжец!» — Зло пульсировало в голове Жанны.

Такого предательства она не простит ему никогда!

Не знала лоринка, что Лино ди Герра помог Фаусту добраться до Волчьего замка: тот едва стоял на ногах. Сутки вериец лежал не в силах пошевелиться. Да и не хотел Советник ничего видеть и слышать! Опустошенность сменилась яростью: князь разгромил половину комнат в своем замке, насмерть перепугав слуг, а потом заперся в бывшей спальне своей возлюбленной...

Все здесь напоминало князю о его госте: гребень возле зеркала, которым Герда расчёсывала ее чудесные жемчужные волосы, простыни, что до сих пор хранили запах кожи Жанны де Стрейн. Тоскливо висели в гардеробной платья. Это были просто изукрашенные драгоценными камнями и кружевом куски ткани, именно Жанна всегда делала их красивыми. Ее тонкая фигурка, легкая поступь, звонкий смех.

Скучала на софе открытая книга, дремали холсты и краски, сиротливо блуждали закатные лучи по кистям на мольберте.

Мертвая тишина стояла в замке Гевальт до самой Свадебной ночи. Единственная живая душа, которая могла спокойно входить и выходить в восточное крыло, была Рейна. Верная и преданная, она искренне разделяла печаль своего хозяина.

Тоска толкнула сердце в пятки, в глазах щипало, к горлу подступил комок. Ей было одиноко. Почему он даже не попытался помешать? Он обещал вернуться... Она только начала чувствовать его, понимать все его метания и поступки, как он снова закрылся и стал чужим.

Неужели Лорин окончательно покинула ее? Что делать дальше, — графиня совершенно не знала.

Верийцы долго удивлялись выбору своего Короля, смакуя подробности появления девушки в замке. Всех ртов не закрыть, и Кейн позволил им утолить жажду сплетен, разумеется, под страхом казни.

Среди этой суеты, Жанна чувствовала себя крошечной и беспомощной. Все поклоны, поздравления и улыбки были фальшивыми. Каждый второй или сдерживал ехидную улыбку, или пылал ненавистью к ней, как к неполноценному существу, что оскорбляет общество своим присутствием.

Очнулась Жанна только в покоях Кейна. Она, стояла к нему спиной, затаив дыхание, смотрела в пол.

«Не бойся меня» — Промелькнуло в ее сознании.

«Как не бояться? — Отрешенно подумала Жанна, — хладнокровного убий-

цу, который преследует меня и весь мой мир. Если он попытается прикоснуться ко мне...» — Она крепче сжала рукоятку ножа, что стащила со стола.

Ведь Лилит ясно дала понять: можно избежать ритуала. Если один из двоих умрет — связь разорвется. Можно отказаться, но король не хочет испортить репутацию князя и Жанны. Ее собственное достоинство должно быть сохранено из элементарной благодарности за помощь. Вопросы крови такие деликатные...

Что стоит ему прямо сейчас свернуть ей шею, вырвать сердце, разорвать его, чтобы наверняка убить бессмертное тело? Что ему на самом деле нужно, зачем этот фарс?

Она не смела поднять глаз, сжавшись в комок обнаженных нервов. Покорность — это не про Жанну де Стрейн. Она будет драться до конца!

Когда тяжелая рука легла на плечо, девушка решилась и резко выкинула нож вперед, почти не глядя, куда войдет лезвие.

Кейн перехватил руку девушки, острое лишь слегка воткнулось в плечо. Король отобрал оружие, грозно посмотрел на Жанну.

— Держи. — Он протянул ей нож. Целься в сердце или в глаз. Это вполне может убить верийца. Нож — твое излюбленное оружие? — Он насмешливо смотрел на девчонку. — Нужно смотреть, куда бьешь или не братья за оружие вообще.

Конечно, он знал обо всех ее приключениях и нелепых попытках помочь кому-нибудь из смертных в землях Гевальта. Жест был предсказуем.

Жанна схватила оружие, но медлила. Дыхание ее было частым, ладони вспотели. Ей было страшно. Она должна сделать это. Это спасет и ее мир, и ее саму.

— Решайся! — Хриплый голос хлестанул как плеть. — Если не убьешь меня сейчас — будешь подчиняться до конца своих дней.

Ничего общего с тем Кейном, что часами рассказывал о восьми мирах. Снова ледяная фигура без чувств.

Ее разум противился такому поступку: убить другое существо. Хладнокровно и безжалостно. Даже такое отвратительно, как Кейн. Сейчас ее жизни ничто не угрожало, нечем было оправдать такой поступок. Она внутренне сжалась, точно перед прыжком с огромной высоты. Жанна крепче перехватила свое жалкое оружие, размахнулась и с отчаянным криком вонзила его в сердце чудовища.

Широко раскрытыми глазами смотрела она на изменившееся лицо короля. Ни капли презрения или отвращения не было в нем. Но и умирать он не спешил.

— Тебе удалось удивить меня. Ты не безнадежна.

Кейн также всматривался в ее напряженное побелевшее лицо. Все ее мысли были как на ладони. Нелепые, полные страхов.

— Успокойся. — Он бережно провел рукой по ее вздрагивающим плечам. — Бога нельзя убить так просто. — И ты умрешь вместе со мной, об этом ты не думала? Мы связаны. Дай мне руку.

Белая широкая ладонь сомкнулась на узеньком запястье девушки. Кейн потянул ее за собой к двери. Жанна упираться не стала. Пульсирующий ужас отступал перед божественной волей.

Когда дверь распахнулась, и она сделала шаг вперед, то поняла, что летит

куда-то во тьму! Густую и беспросветную.

Кейн тянул ее за собой все дальше и дальше.

«Где мы?» — Ошарашено подумала она.

«В сердце мира. — Ответил он одними губами. — В глубине Маледиктуса. Он запомнит тебя и примет окончательно».

Воздух стал плотным, как вода, Жанна начала задыхаться, пыталась вырваться, но хватка у Кейна была железная. Жар подступал со всех сторон, тьма пульсировала, изредка пробежали алые всполохи.

— Чтобы родиться заново — нужно умереть, дитя. — Рассмеялся он, наблюдая, как свободной ладонью Жанна хватается за горло. Как часто вздымается и опускается ее грудь, в поисках драгоценного глотка кислорода.

Наконец, она сдалась и обмякла. Тело безвольно застыло в антрацитовый густоте.

Тогда Кейн освободил ее руку, медленным приглашающим жестом, вытащил из смертной оболочки голубые искры ее души. Огоньки впитались в бледную кожу верийца, его собственное тело засияло!

Это длилось совсем не долго. Словно он вознёсся над всеми восьми мирами! Кейн видел, как вспыхивают звезды, как смеются и плачут незнакомые существа, как ветры раздувают паруса чужих неведомых кораблей, как сверкают капли росы в зеленых долинах, как распускаются цветы в густых чащобах, как горит в домашнем очаге сухое полено, как закрывает глаза умирающий старик и кричит новорожденный на руках матери...

Поток души вырвался обратно, снова влился в Жанну, и она сделала резкий вдох, открыла глаза и... очутилась все в той же комнате, откуда они шагнули в бездну.

— Маледиктус принял тебя, Королева. — Торжественно произнес Кейн. — Отныне мы — единое целое.

Так странно было дарить свои знания этому существу. Да, разумеется, ей придется пройти огонь и воду. И, однако же, она умна. И, что не мало важно, ее мораль все еще гибкая.

Обучать Кейн умел. В конце концов, появились же 8 родов Истинных, что создал Верес и подчинил Кейн.

Он сделал шаг к ней на встречу. Девушка почти не дышала. Пальцы пробежались по ее щеке, с любопытством переключились на мягкие густые пряди волос, коснулись плеча, потянули на себя. Красивая.

Непримиримые глаза заглянули ему прямо в душу, Жанна расправила плечи, сделала шаг назад.

Кейн чувствовал, как она дрожит, но держалась полукровка хорошо: гордо поднятая голова, пристальный и смелый взгляд, чувственные алые губы плотно сжаты.

Как же сильно развит в лоринке инстинкт независимости! Она не желает находиться под чьим-либо гнетом даже ценой собственной жизни. Сейчас, когда она находится на самой верхней ступеньке иерархии, девчонка не собирается признавать власть единственного, кто превосходит ее по статусу и силе. Она готова биться не на жизнь, а на смерть за свою свободу.

«Ломать бесполезно» — понял Кейн.

Жанна прикрыла глаза. Она готова была упасть без сил, но не могла позволить себе эту слабость, пока ненавистное чудовище смотрит на нее, ждет

именно этого.

Кейн прислушивался к ощущениям лоринки, усмехнулся.

— Ты ненавидишь меня. — Тихо и уверенно произнес он. — Я ничего не сделал тебе.

Жанна думала совсем по-другому.

— Ты уверена, что права. — Король взял ее лицо в свои руки, встряхнул, заставляя открыть глаза.

Жанна молчала. Он не услышит от нее ни слова! Ни мольбы о пощаде, ни грозных обвинений. Взгляд прожигал короля насквозь.

Тело одолевала слабость, она почувствовала, как оседает на пол. Кейн подхватил ее на руки. Легкая, как перышко, утонченная и хрупкая, лоринка едва слышно вздохнула.

Не похожая на грозных и сильных вериек, пленительно нежная, незащищенная королева вызывала желание уберечь от всех мыслимых и немыслимых бед.

Он посадил ее в кресло возле окна, не спеша налил воду в бокал и протянул.

— Тебе нечего бояться по-прежнему. — Он опустил на колени, чтобы смотреть в ее глаза.

— За последнее время со мной случилось больше, чем за всю жизнь. — Жанна осушила бокал и неловко вертела его в руке.

— Но ты не сошла с ума. — Хмыкнул Кейн.

— Я уже не уверена. — Слабо улыбнулась Жанна. — Как понять, что ты не сумасшедшая, если вокруг никто тебя в этом не переубеждает? Может, вы все — лишь мои иллюзии, а в это время доктор приматывает меня к кровати, чтобы я перестала биться головой о стену?

— Все реальное. — Заверил ее Кейн, погладил по щеке. — Если я правильно понял мироустройство Лорин, то культурные обычаи в странах отличаются друг от друга. Но вы живете с этим, хотя и не всегда готовы принять те или иные нюансы.

Жанна молча кивнула. Тело расслаблялось, голос короля убаюкивал. Скорее всего, он применял к ней очередной свой Дар.

— Это — одна из причин, по которой ты воспринимаешь все адекватно. Ты пишешь картины. Фантазия — еще один фактор. Ты не похожа на «своих», никогда не была. Слишком своенравная, упрямая и любопытная. Чтобы тебя убедить в чем-то — нужны доказательства. Поэтому ты не религиозна: не видела сама, нет проверенных фактов.

— Но и тебе я не верю. И не понимаю, зачем ты все это устроил? — Жанна коснулась небольшой диадемы на своей голове. — Какая из меня королева ма-ньяков?

Кейн рассмеялся так громко, что она вздрогнула.

— Завидный титул. Рассмотрю детали, прислушайся, изучи. Постарайся понять наш мир. И меня. — Добавил он тихо. — Если мы такие разные — почему ты меня слушаешь часами напролет? Зачем идешь за мной сейчас?

— Нет выбора. — Зло бросила Жанна.

— Всегда есть выбор. — Возразил Кейн. — Но тебе не хватает смелости стоять на своем. Ты прямолинейна, чтобы хитрить, сентиментальна, чтобы рассмотреть обман. Но ты сильная.

— Чего ты хочешь от меня? — Насупилась Жанна.

— Главное, чего хочешь ты сама. — Пожал плечами Кейн. — Все, что с тобой происходит — не просто цепь случайных событий, но результат твоего выбора. Шаг за шагом. Подумай об этом.

Король встал и направился к выходу.

Жанна удивленно заморгала: это все? Он оставит ее одну?

— Тебе нужен отдых. Мне — тоже.

— Ты не тронешь меня? — Стыдливо поинтересовалась Жанна.

Он удивленно обернулся и снова рассмеялся.

— Мы разные, Жанна. Те удовольствия, которыми ограничиваются смертные, — мелочь. Для верийцев единство душ — вот доказательство состоявшегося брака. Я прекрасно знаком с вашими традициями, они не слишком отличаются от тех, которым следуют наши люди. Считаю это моим проявлением доброй воли. Я не трону тебя. Но для верийцев все обычаи соблюдены, имей ввиду.

Жанна облегченно вздохнула. Потерять над собой власть полностью ей не хотелось.

Кейн подавил усмешку: чужестранка даже не осознавала, как много дает слияние душ друг над другом. Гораздо больше, чем все клятвы в храмах и жизнь под одной крышей. Издержки малоразвитой цивилизации, что подделывать.

— Я хочу вручить тебе один подарок. Я подумал, что тебе будет сложно в Маледиктусе. — Вдруг вспомнил Кейн. — Это стоило мне очень дорого.

Он щелкнул пальцами и в комнату, к удивлению, и радости Жанны вошла Рейна.

Рыжая служанка дрожала от счастья и ужаса одновременно. Она с нетерпением ждала, когда страшный бог скроется за дверью, и она сможет обнять свою маленькую госпожу!

— Позаботься о ней. — Велел Кейн.

— Спасибо. — Искренне поблагодарила королева.

Легкая улыбка проскользнула на лице верийца и он ушел.